

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2018. Том 6, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =

GOLDEN HORDE REVIEW

2018, vol. 6, no. 4

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2018

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.00 «Исторические науки и археология».

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)».

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.00 “Historical Sciences and Archaeology”.

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванович, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исхаков, д.и.н., Всемирный конгресс татар (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kolodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), World congress of the Tatars (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Хаутала Р. Исламизация Джучидского и Хулагуидского улусов в сравнении: точки зрения мусульманских и христианских источников	676
Хамидова Ч.И. Структура генеалогических сочинений по истории Чингизидов	696
Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики	707
Mykhaylo Yakubovych. Crimean Scholars in Mamluk Syria (13 th –14 th centuries): Careers and Legacy	719
R.Yu. Pochekaev. The Evolution of Soyurghal in Chinggisid and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period	729
Ломакин Д.А. «Старая ставка» крымских ханов: отечественная историография об Эски-Юрте	741
Илюшин Б.А. Российские служилые татары в войнах против поляков и шведов в 1613–1618 гг.	766

Дискуссия

Сочнев Ю.В. Замечания и добавления к комментариям ярлыка, выданного францисканцам ханом Узбеком в 1314 году	783
---	-----

Рецензии

Тишин В.В. Рецензия на книгу: Храпачевский Р.П. «Татарь», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам	807
---	-----

Наследие

Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса <i>Q 116 sup</i> Амброзианской библиотеки	829
--	-----

Хроника

Гиниятуллина Л.С. Научные мероприятия, посвященные 200-летию Ш. Марджани и презентация журнала «Золотоордынское обозрение»	855
Гатин М.С. I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар», посвященная памяти Абд аль-Гаффара Кырыми (пгт. Форос, Республика Крым, 29 сентября 2018 г.)	861
О VI Международном Золотоордынском Форуме, посвященном 750-летию Таласского курултая	865

CONTENTS

Articles

- Hautala R.** The Islamization of the Jochid and Hulaguid Uluses
in Comparison: Points of View from Muslim
and Christian Sources 676
- Khamidova Ch.I.** The Structure of Genealogical Works
on the History of the Chinggisids 696
- Pachkalov A.V.** The Fourteenth-Century City at the Samara Bend
according to Numismatic Sources 707
- Mykhaylo Yakubovych.** Crimean Scholars in Mamluk Syria
(13th–14th centuries): Careers and Legacy 719
- R.Yu. Pochekaev.** The Evolution of Soyurghal in Chinggisid
and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period 729
- Lomakin D.A.** “Old Quarters” of the Crimean Khans:
The Domestic Historiography of Eski-Yurt 741
- Ilyushin B.A.** Tatars in the Service of Russia in the Wars
against the Poles and Swedes in 1613–1618 766

Discussion

- Sochnev Yu.V.** Notes and Additions to the Comments on the Yarlik
Granted by Uzbek Khan to the Franciscans in 1314 783

Reviews

- Tishin V.V.** Book Review: Khrapachevsky R.P. “Tatary”, “mongoly”
i “mongolo-tatary” IX–XII vekov po kitayskim istochnikam
 (“Tatars”, “Mongols” and “Mongol-Tatars” in the 9th–12th centuries
according to Chinese Sources) 807

Legacy

- Hautala R., Gulevich V.P.** A Letter of the Tuscan Anonym on the Seizure
of Caffa in 1475 from the Codex *Q 116 sup* of the Ambrosian Library 829

Chronicle

- Giniyatullina L.S.** Academic Events Dedicated to the 200th Anniversary
of Sh. Marjani and the Presentation of the “Golden Horde Review” 855
- Gatin M.S.** The First All-Russian Research-Practical Conference
“Actual Issues of the History of the Crimean Tatars”,
Dedicated to the Memory of Abd al-Ghaffar Qirimi
(Foros, Republic of Crimea, September 29, 2018) 861
- On the Sixth International Golden Horde Forum**
Dedicated to the 750th Anniversary of the Talas Kurultay 866

СТАТЬИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.676-695

**ИСЛАМИЗАЦИЯ ДЖУЧИДСКОГО И ХУЛАГУИДСКОГО УЛУСОВ
В СРАВНЕНИИ: ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ
И ХРИСТИАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ*****Р. Хаутала***^{1,2}¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Цель исследования: рассмотреть и сравнить между собой процессы исламизации кочевников в улусе Хулагуидов и Джучидов в начале правления ильхана Газана (1295–1304) и золотоордынского хана Узбека (1313–1341).

Материалы исследования: персидские синхронные источники по процессу исламизации кочевников Ильханата в связи с приходом к власти ильхана Газана, существенно дополненные отчетом очевидца событий, суфийского шейха Садр ад-Дин Ибрагима аль-Хаммуи, в передаче мамлюкского автора аль-Джазари, которым противопоставлены сведения местных армянских и несторианских источников с добавлением дополнительной информации латинских авторов.

В отношении событий в Золотой Орде и оценки религиозной политики хана Узбека здесь использовано сравнение традиционных сведений персидских и мамлюкских летописей с синхронными латинскими источниками, составленными внутри улуса Джучи.

Новизна данного исследования заключается в попытке сопоставления последствий прихода к власти «исламизирующих» ханов в обоих улусах и в противопоставлении мусульманским источникам, склонным преувеличивать успехи в исламизации местных кочевников, сведений христианских очевидцев событий, позволяющих существенно разнообразить представление о религиозной политике как ильхана Газана, так и золотоордынского хана Узбека.

В результате сравнения двух противоположных по своему характеру типов источников автор приходит к выводу, что правители обоих улусов были вынуждены придерживаться традиционной политики религиозной толерантности, встретив ожесточенное сопротивление кочевников при попытке от ее отклонения.

Ключевые слова: история Монгольской империи, обращение кочевников в мировые религии в Средневековье, сравнение восточных и латинских источников, Золотая Орда, Ильханат, Чагатайский улус

Для цитирования: Хаутала Р. Исламизация Джучидского и Хулагуидского улусов в сравнении: точки зрения мусульманских и христианских источников // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 676–695. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.676-695

**THE ISLAMIZATION OF THE JOCHID AND HULAGUID ULUSES
IN COMPARISON: POINTS OF VIEW FROM
MUSLIM AND CHRISTIAN SOURCES**

R. Hautala^{1,2}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To consider and compare the processes of Islamization of nomads in the Hulaguid and Jochid uluses at the beginning of the rule of the Ilkhan Ghazan (1295–1304) and the Golden Horde’s Uzbek Khan (1313–1341).

Research materials: Persian synchronous sources on the process of Islamization of the Ilkhanate’s nomads connected to the Ilkhan Ghazan’s ascension to power, significantly supplemented by the eyewitness report of the Sufi Sheikh Sadr al-Din Ibrahim b. Sa’d al-Din Hammuya, found in the work of al-Jazari. These are contrasted by the information found in local Armenian and Nestorian sources with the addition of more information provided by Latin authors.

The comparison is made of traditional information from Persian and Mamluk chronicles with that found in synchronous Latin sources compiled within the Juchid ulus in light of the events in the Golden Horde and an assessment of the religious policy of Uzbek Khan.

The *novelty of this study* is an attempt to compare the consequences of the ascensions of “Islamizing” khans in both uluses and in contraposition between the Muslim sources inclined to exaggerate successes regarding the Islamization of local nomads on one hand, and the information of Christian eyewitnesses to events on the other hand, allowing us to essentially diversify the notion of the religious policy both of Ilkhan Ghazan and the Golden Horde’s Uzbek Khan.

As a *result* of a comparison of heterogeneous sources, the author comes to the conclusion that the rulers of both uluses were forced to adhere to the traditional policy of religious tolerance after they encountered the fierce resistance of nomads when they initially made moves to reverse it.

Keywords: history of the Mongol Empire, nomads’ conversion to world religions in the Middle Ages, comparison of Oriental and Latin sources, Golden Horde, Ilkhanate, Chaghadaid ulus

For citation: Hautala R. The Islamization of the Jochid and Hulaguid Uluses in Comparison: Points of View from Muslim and Christian Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 676–695. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.676-695

Приход к власти в Золотой Орде хана Узбека в начале 1313 года и его длительное правление в течение почти трех десятилетий имели неоспоримое значение для укоренения ислама в улусе Джучи¹. В первую очередь усиление

¹ Данное утверждение имеет наибольшее распространение в исследованиях, опубликованных на русском языке, которые очевидно преобладают среди работ, анализирующих правление хана Узбека [см., например: 9, с. 131; 8, с. 608; 20, с. 589, 591; 6, с. 99–100; 10, с. 59, 126. Но ср. с: 21, passim; 1, с. 7].

ислама становится заметным в городских центрах Золотой Орды. Города Поволжья и других регионов улуса Джучи разрослись именно в правление хана Узбека. Мусульманские синхронные источники и результаты археологических изысканий ясно указывают на расширение исламских кварталов в золотоордынских городах и повсеместное возведение мусульманских религиозных строений. Соответственно, укоренение урбанного ислама в улусе Джучи было наглядным отображением влияния мусульманской религии и очевидным следствием конфессиональных симпатий хана Узбека и его ближайшего окружения [см., например: 1, с. 25; 5, с. 48–49; 7, с. 110; 3, с. 82; 11, с. 60–64; 17, с. 179; 20, с. 593].

С другой стороны, мусульманские письменные источники уделяли заметно меньшее внимание конфессиональным изменениям в степи. Но, несмотря на недостаток внимания ориентальных авторов к кочевникам, они продолжали играть первостепенную роль в политической жизни Золотой Орды и, вероятно, существенно превышали городское население. Так, мамлюкский автор аль-Омари считал уместным подчеркнуть, что большая часть подданных Узбека состояла из «обитателей шатров, живших в степях» [15, с. 230].

Кочевники представляли собой главную военную и политическую силу в Золотой Орде. Поэтому религиозные симпатии джучидских правителей часто зависели от конфессиональной ориентации тех политических группировок кочевников, которые оказывали этим правителям решающую военную поддержку в момент их прихода к власти [39, р. 121]. В нередких случаях борьба за преемственность власти приводила к столкновению враждующих группировок кочевников с противоположными религиозными ориентациями. И вследствие этого победа одной из этих группировок и соответственная интронизация ее представителя приводила к физическому уничтожению конкурентов нового хана и даже к попытке насильственного религиозного обращения их подчиненных. В связи с этими соображениями мусульманские авторы представляли приход к власти хана Узбека следствием столкновения кочевников с противоборствующими религиозными симпатиями. Персидские и египетские хронисты указывали на тотальное обращение в ислам противников Узбека после утверждения его власти. С другой стороны, латинские источники, написанные по большей части внутри Золотой Орды, отражают противоположную точку зрения на последствия прихода к власти хана Узбека. Их сведения позволяют существенно разнообразить представление о религиозной политике этого золотоордынского правителя.

Кроме того, рассмотрение процесса исламизации монгольских улусов неизбежно приводит к использованию несколько анахроничного понятия утверждения государственной религии. Естественно, термин государственной религии не встречается в средневековых источниках. Тем не менее он повсеместно используется в современной литературе, хотя исследователи не всегда уточняют то, что они имеют в виду под этим понятием. Только в отношении Ильханата исследователи ясно указывают на то, что под исламизацией улуса Хулагуидов они понимают обращение в ислам исключительно монгольских и тюркских кочевников, поскольку подавляющая часть населения Ильханата состояла из мусульман задолго до его основания. Соответственно, исследователи Ильханата подчеркивают тот факт, что утверждение

государственной религии в Персии было напрямую связано с изменением конфессиональной ориентации кочевников [24, р. 69].

По ряду соображений следующее далее сжатое описание исламизации персидских кочевников при ильхане Газане может оказаться полезным для понимания обстоятельств прихода к власти хана Узбека и последующей религиозной политики этого правителя Золотой Орды. Естественно, в составе населения улусов Хулагуидов и Джучидов существовали определенные различия: подавляющая часть населения Золотой Орды не состояла из мусульман в начальный период ее существования. Тем не менее процессы исламизации кочевников обоих улусов имели некоторые сходства. Приход к власти «исламизирующего» хана был следствием военной поддержки кочевников, исповедовавших ислам. И, по всей видимости, конфессиональный выбор нового правителя был предопределен характером этой поддержки. Результатом победы мусульманской группировки были кратковременные репрессии, направленные против альтернативных конфессий. Однако краткосрочное отклонение от традиционной монгольской толерантности было прервано под давлением значительной части кочевников, которые не были вовлечены в изначальную борьбу за власть, но оказали сопротивление последующей политике насильственной исламизации. Кроме того, мусульманские и христианские источники содержат более подробные и разнообразные сведения о приходе к власти ильхана Газана, чем о победе сторонников хана Узбека в Золотой Орде.

Исламизация кочевников улуса Хулагуидов при ильхане Газане

Газан пришел к власти в Персии осенью 1295 года в результате государственного переворота, и его столкновение с ильханом Байду имело определенную политическую подоплеку: ряд монгольских эмиров ставили под сомнение легитимность Байду и рассматривали Газана, сына покойного ильхана Аргуна, в качестве более полноценного претендента на власть. Важнее, однако, что недовольство монгольской элиты по отношению к Байду было в определенной степени связано с религиозными симпатиями монгольских эмиров. Это недовольство в свою очередь было связано с возросшим влиянием ислама на местных кочевников. Христианские авторы Бар-Эбрей, Степанос Орбелян и Хайтон ясно указывали на тот факт, что к моменту конфликта между Газаном и Байду многие монголы обратились в ислам. Также и доминиканец Риккольдо да Монтекроче сетовал на то, что его синхронная миссия на Ближнем Востоке имела место в тот самый период, когда значительная часть «тартар стали сарацинами». Его слова подтверждал и мамлюкский автор аль-Джазари, подчеркивавший, что многие монголы обратились в ислам до обращения Газана [35, р. 505; 34, р. 261; 46, р. 315; 53, р. 276, 281, 285; 50, р. 162, 166; 40, р. 141–142].

С другой стороны, христианские авторы представляли весьма противоречивую оценку религиозной политики Байду. Так, Хайтон и Марино Санудо утверждали, что Байду был христианином и всеми силами пытался воспрепятствовать распространению ислама среди кочевников. Однако Бар-Эбрей и Степанос Орбелян придерживались более умеренного мнения и указывали на то, что Байду стремился задобрить мусульман и даже обратился в ислам. Последнее утверждение представляется весьма спорным. Более досто-

верным кажется уточнение Бар-Эбрея в отношении того, что Байду вел себя с христианами как христианин, а с мусульманами – как мусульманин: вероятно, следуя примеру прежних монгольских правителей Персии, Байду выказывал благосклонность всем конфессиям своего домена, чтобы заручиться поддержкой всех без исключения своих подданных [46, р. 315; 49, р. 239; 35, р. 505; 44, р. 388; 50, р. 166; 40, р. 141–142; 32, р. 379].

Тем не менее эластичная политика Байду представлялась неприемлемой с точки зрения монголов, обращенных в ислам. И эти монголы сыграли самую активную роль в дальнейшем государственном перевороте. Согласно Бар-Эбрею, Хайтону и Марино Санудо, мусульманских кочевников раздражала та благосклонность, которую Байду выказывал христианам. Мусульмане решили оказать поддержку Газану, и, по словам Банакати, именно на Газана они возлагали надежды, связанные с обновлением ислама в Персии [35, р. 505; 46, р. 315; 49, р. 239; 40, р. 141–142; 26, р. 59; 50, р. 159; 44, р. 383–384].

В отличие от обстоятельств прихода к власти в Золотой Орде хана Узбека, рассмотрение государственного переворота Газана и достоверное определение той группировки монголов, которая оказала поддержку новому ильхану, становится возможным благодаря свидетельству очевидца событий. Суфийский шейх Садр ад-Дин Ибрагим аль-Хаммуя лично оказался в лагере Газана незадолго до переворота и возглавил исполнение ритуала обращения Газана в ислам. Отчет Садр ад-Дина в передаче аль-Джазари имеет первостепенную ценность благодаря описанию атмосферы в лагере Газана накануне решающего выступления против правящего ильхана. Садр ад-Дин ясно указывал на преобладание монголов-мусульман среди сторонников Газана, под чьим влиянием будущий ильхан принял решение о личном обращении в ислам в стремлении заручиться их поддержкой в предстоящем конфликте. Не менее важным является указание Садр ад-Дина на то, что главным организатором борьбы с Байду, повлиявшим на религиозный выбор Газана, был мусульманский эмир Навруз, женатый на тетке Газана, Туган-хатун [50, р. 160–163, 166; 14, с. 164; 24, р. 67; 26, р. 59–60].

В свою очередь Рашид ад-Дин, Хайтон и Марино Санудо указывали на немедленное последствие официального обращения Газана в ислам: те эмиры-мусульмане, которые еще продолжали оказывать поддержку Байду, перешли на сторону Газана. Байду оказался лишенным основной части своих военных сил, был пойман в попытке бежать в Грузию и казнен по приказу Газана [14, с. 159; 46, р. 315; 49, р. 239].

Непосредственным результатом государственного переворота было начало репрессий, направленных против альтернативных конфессий в Ильханате. Согласно Рашид ад-Дину, Газан торжественно вошел в Тебриз 5 октября 1295 года и немедленно обнародовал указ о разрушении церквей, синагог и буддистских храмов в своем домене. В свою очередь христианские авторы подтверждают многочисленные факты нападения на церкви в Багдаде, Мосуле, Хамиане, Тебризе, Мараге и других городах Ильханата. Однако эти авторы подчеркивают, что наиболее суровым гонениям подверглись буддисты. По всей видимости, Газан действительно стремился искоренить всякое присутствие буддистов в своем домене и, если принять на веру утверждение аль-Джазари, лично принял участие в разрушение одного буддистского храма в

Багдаде. Интересным, однако, представляются замечания Хайтона и Марино Санудо по поводу того, что гонения против христиан были инициированы монголами, обращенными в ислам. По их словам, Газан позволил эти репрессии только для того, чтобы угодить эмирам, оказавшим ему поддержку ранее. И действительно, Бар-Эбрей и Степанос Орбелян уточняли, что эмир Навруз начал гонения против христиан еще до провозглашения эдикта Газана: новый ильхан подтвердил законность репрессий уже после начала их осуществления [14, с. 165; 35, р. 506–507; 34, р. 261–262; 31, р. 91, 95–96; 51, р. 288–289; 44, р. 397; 40, р. 144–147].

Таким образом, действительными воплотителями репрессий против буддистов, христиан и иудеев Ильханата были монголы, обращенные в ислам. Это наблюдение подтолкнуло таких христианских авторов, как Степанос Орбелян, к предположению, что под влиянием Навруза все монголы Персии обратились в ислам. Также Рашид ад-Дин утверждал, что в тот же день, когда Газан обратился в ислам, его примеру последовали все персидские кочевники. А по словам Вассафа число этих прозелитов достигало 200 тысяч кочевников. Однако эти утверждения персидских летописцев остаются чрезвычайно спорными, поскольку число сторонников Газана (в момент его обращения) было весьма ограниченным, и основная часть кочевников не приняла участие в перевороте. Более достоверным представляется указание Вассафа и Хамдаллаха Мустауфи Казвини на то, что новый ильхан объявил, что все монголы его домена должны были стать мусульманами, только после своей интронизации в Тебризе. Вследствие этого можно предположить, что Газан планировал насильственное обращение местных кочевников в ислам сразу же после утверждения своей власти [34, р. 261; 14, с. 164; 50, р. 160, 171–172; 25, р. 66; 26, р. 59].

Тем не менее не все кочевники Ильханата приняли новую религиозную политику Газана. Так, в 1296 году ойратские нойоны приняли парадоксальное решение переселиться со своими подчиненными на территорию мамлюкского султаната, чтобы избежать насильственного обращения. Мамлюкские авторы утверждали, что число переселившихся ойратов достигало 10 или даже 18 тысяч семей. Но более важным наблюдением мамлюкских авторов было то, что беженцы из Ильханата были «язычниками» [14, с. 167; 27, р. 118; 24, р. 69–70].

Газан столкнулся с открытым сопротивлением кочевников также и в границах своего домена. Первое восстание монголов возглавил внук Хулагу, Сюке, опасавшийся, что в планы Газана входило передать его людей в подчинение эмиру Наврузу. Но, несмотря на политический характер восстания, Сюке и такие его сторонники, как эмир Барула, подчеркивали его религиозную подоплеку: заговорщики вменяли Наврузу в вину недавнее обращение Газана в ислам, повлекшее за собой ухудшение их отношений с новым ильханом [14, с. 167–168; 24, р. 69; 26, р. 63; 40, р. 157–158].

За раскрытием заговора и последующей казнью Сюке последовали новые волнения: после подавления восстания эмиров Иссен Тимура и Курмиши, Газан столкнулся с мятежом оглана Арслана, потомка брата Чингизхана (Джучи-Хасара). Во время мятежа Арслана жизнь Газана была подвержена серьезной опасности, но благодаря своевременной помощи эмира Навруза также и это восстание было подавлено. Вследствие этих волнений Газан прибегнул к массовым репрессиям в марте 1296 года, в ходе которых было каз-

нено пять кровных принцев и 38 эмиров [14, с. 168; 26, р. 63; 32, р. 381; 44, р. 400–401; 40, р. 158–159].

У нас нет ясных подтверждений тому, что Газан, встретивший открытое сопротивление своих подданных, отказался от политики их насильственной исламизации. Тем не менее христианские авторы предоставляют весьма показательные (хоть и косвенные) сведения по этому поводу. Уже в октябре 1295 года, при личной встрече с армянским королем Киликии, Газан пообещал Геттуму II оставить армянские церкви в покое и ограничиться гонениями против буддистов Ильханата. По всей видимости, решение ильхана было вызвано тем ожесточенным сопротивлением, которое армянское население области Нахчивани оказало войскам под командованием эмира Навруза. Газан предоставил необходимую протекцию армянской церкви, но продолжил гонения против несториан в границах своего домена. Репрессии против персидских христиан продолжались еще несколько месяцев и закончились к Пасхе 1296 года, то есть сразу же после подавления восстаний Сюке, Иссен Тимура и Арслана [35, р. 506; 2, с. 31, 77, 84; 34, р. 262; 31, р. 92–95; 37, р. 194, 197; 26, р. 64; 44, р. 402–403; 40, р. 164].

Волнения среди кочевников Персии вызвали постепенное отстранение от власти эмира Навруза, приведшее в конце концов к его казни летом 1297 года. Несомненно, опала Навруза была следствием негодования монгольских эмиров и ближайших советников Газана, вызванного стремлением Навруза сконцентрировать всю власть в Ильханате в своих руках. Навруз был обвинен в государственной измене на основе подложной переписки с египетским султаном (Ладжином): согласно фальсифицированным документам Навруз просил военной помощи от своего единоверца, мамлюкского султана, поскольку ряд монгольских эмиров в Ильханате препятствовали его попыткам исламизации местных кочевников. Газан, со своей стороны, принял на веру эти обвинения, поскольку часть из них выглядели вполне правдоподобными: Навруз действительно столкнулся с открытым сопротивлением «языческих» нойонов [14, с. 173–174; 44, р. 409; 40, р. 175–176].

Согласно христианским источникам, окончательный поворот в религиозной политике Газана произошел после казни эмира Навруза. По словам Хайтона и Марино Санудо, после гибели главного сторонника насильственной исламизации Ильханата, Газан предоставил традиционную протекцию христианам, проживавшим в границах его домена. Тамплиер из Тира упоминал даже раскаяние в проведении незаконных репрессий против христиан, которое Газан выражал в своей переписке с королем Кипра; что, скорее, было связано с желанием ильхана получить военную поддержку франков Ближнего Востока в его борьбе с мамлюками. Тем не менее также и внутренние армянские источники Ильханата отображают благосклонное отношение Газана к своим христианским подданным. Более того, Газан поручил Рашид ад-Дину составить особый богословский трактат (содержащийся в его до сих пор неизданной работе «аль-Маджму'а аль-Рашидийя»), обосновавший политику религиозной толерантности ильхана и отвергавший возможность применения силы с целью обращения в ислам его подданных [46, р. 316; 49, р. 239; 51, р. 290–291; 54, р. 47–49; 47, р. 97, 112; 37, р. 194, 202; 40, р. 175].

Суммируя вышесказанное, мы можем утверждать, что период правления ильхана Газана имел первостепенное значение для распространения ислама среди кочевников Персии. Вероятно, значительная часть кочевников исповедовала ислам до государственного переворота Газана, и существенное количество монголов последовали примеру своего нового правителя. Также возможно, что с момента обнародования Газаном эдикта о том, что все монголы должны были стать мусульманами, новый ильхан стал номинально рассматривать всех персидских кочевников приверженцами ислама [50, p. 172]. На практике, однако, это не означало тотального обращения всех монголов в ислам, и их постепенная исламизация, вероятно, осуществлялась тем же естественным путем, которым значительная часть персидских кочевников обратилась в ислам до прихода к власти Газана.

Мы можем утверждать с определенной долей уверенности, что существенная часть кочевников остались приверженцами традиционных верований монголов и даже смогли позволить себе сохранить симпатии к альтернативным мировым религиям. В частности, анонимный автор «Истории Мар Ябалахи III» упоминает примеры протекции, которые оказывал несторианскому католику кераитский эмир Ириджин, внук старшей жены Хулагу, Докузхатун; что позволило утверждать Илье Петрушевскому, что этот чрезвычайно влиятельный эмир периода правления ильхана Улджейту исповедовал христианство несторианского толка [31, p. 109–110, 132; 13, с. 245].

В свою очередь Кашани указывал на сохранение традиционных сакральных обычаев среди персидских монголов и свидетельствовал тем самым, что шаманы продолжали исполнять важную роль в религиозной жизни кочевников в правление ильхана Улджейту, так же, как они это делали при ильханах второй половины XIII века [22, p. 114; 23, Ch. VII, p. 41].

Также и Газана не тревожил факт сохранения традиционных ритуалов среди его кочевнических подданных, поскольку они воспринимались неотъемлемым элементом этнической идентичности персидских монголов. В 1302 году сам Газан принял участие в традиционном кочевническом ритуале, чтобы выразить благодарность Тенгри за помощь, которую ему предоставило верховное божество монголов в период его борьбы за власть (это предполагало, что Газан исполнял этот ритуал ежегодно). Приверженность Газана к исламу также не помешала ильхану принимать участие в Белом фестивале, то есть в праздновании монгольского нового года [23, Ch. VI, p. 1, 9; 33, p. 67; 31, p. 107; 24, p. 71; 22, p. 114; 32, p. 396].

Очевидно, что вне зависимости от своих личных религиозных симпатий монгольские правители XIV века должны были принимать участие в коллективных праздниках кочевников для регулярного подтверждения их лояльности. Отдаление от соблюдения монгольской традиции или препятствование исполнению ритуалов кочевников могли привести к свержению правителя, как показывает пример хана Тармаширина, первого «исламизатора» Чагатайского улуса в Средней Азии. Как и в отношении Ильханата, под «исламизацией» Чагатайского улуса здесь понимается массовое обращение тюркских кочевников в ислам, поскольку подавляющее большинство оседлого населения Средней Азии было мусульманским задолго до монгольского завоевания Мавераннахра.

Согласно мамлюкскому автору аль-Омари, значительная часть местных кочевников исповедовала ислам до прихода к власти Тармаширина в 1331 году, и подавляющее число тюрок Мавераннахра откликнулись на призыв нового правителя приобщиться к мусульманской вере. Тем не менее здесь следует подчеркнуть ясное уточнение аль-Омари: местные тюрки не обратились в ислам в один день, но сделали это постепенно под влиянием миссионерской деятельности мусульманских шейхов и имамов [48, s. 117, 119; 4, с. 64–65; 39, p. 131; 29, p. 744].

Вероятно, Тармаширин значительно ограничил конфессиональную автономию местных христиан и буддистов и заменил шариатом традиционное законодательство Чагатайского улуса. Так, ас-Сафади утверждал, что Тармаширин полностью отменил действие Ясы Чингизхана. В свою очередь Ибн Баттута лично встретился с Тармаширином за несколько месяцев до его свержения². Позднее Ибн Баттута красноречиво описал губительные последствия религиозных и социальных реформ чагатайского правителя. По словам Ибн Баттуты, неоднократный отказ Тармаширина созывать ежегодный курултай кочевников (заканчивавшийся коллективным пиршеством) вызвал резкое негодование тюрок, обитавших в восточных регионах улуса, в меньшей степени затронутых процессом исламизации Мавераннахра. Показательно в данном контексте указание Ибн Баттуты на тот факт, что вследствие восстания, вспыхнувшего в восточных регионах Чагатайского улуса, Тармаширина также покинули и «исламизированные» кочевники Мавераннахра [41, p. 560–561; 4, с. 87–88; 30, p. 57–58; 29, p. 747–748].

Ильхан Газан, очевидно, оказался намного более дальновидным правителем, не усматривавшим противоречия между монгольской традицией и мусульманской религией [23, Ch. VI, *passim*].

Исламизация татар Золотой Орды в правление хана Узбека

Узбек пришел к власти в Золотой Орде в начале 1313 года в результате относительно длительной борьбы, развернувшейся в улусе Джучи после смерти хана Токты в августе 1312 года. В отношении этого внутреннего конфликта здесь следует сразу отметить, что эта борьба имела определенную политическую подоплеку, необязательно связанную с религиозной сферой: хан Токта пришел к власти в 1291 году в результате переворота и последовавшей за ним казни своих братьев, совместно правивших до этого в улусе Джучи во главе с ханом Тула-Бугой. Среди братьев, казненных Токтой в 1291 году, был и Тогрулджа, отец Узбека. Поэтому победа Узбека в борьбе, развернувшейся во второй половине 1312 года, вероятно, была представлена как возвращение легитимной власти наследнику брата Токты [15, с. 108; 18, с. 79; 38, p. 110–111, *nota* 97; 52, p. 111]. В частности, персидские источники указывают на участие в борьбе за преемственность власти младшего сына (или сыновей) Токты, казненного Узбеком после своей интронизации [16, с. 100, 141].

Тем не менее основная часть письменных источников указывают на ярко выраженный религиозный характер борьбы, связанный со сменой власти. В

² То есть весной 1335 года, согласно детальной датировке путешествия Ибн Баттуты, представленной Иваном Хрбеком [45, *passim*].

частности, мусульманские источники подчеркивают решающую роль исламских сторонников Узбека, способствовавших его интронизации. Данное наблюдение предполагало усиление про-мусульманской группировки кочевников в правление Токты, хотя письменные источники предоставляют несколько противоречивые сведения по поводу конфессиональных симпатий самого предшественника Узбека. За исключением аль-Макризи, утверждавшего, что хан Токта был буддистом, другие мамлюкские авторы сообщали, что Токта был приверженцем традиционных кочевнических верований и благоволил буддистам, но «более других уважал мусульман». Также Раймунд Луллий, западный теоретик католического миссионерства, подтверждал исламские симпатии хана и сетовал в 1308 году, что Токта (Cotay) окружил себя мусульманскими секретарями, способствуя распространению ислама в своем домене. Коптский автор аль-Муфаддал даже утверждал, что Токта стал мусульманином, и влияние ислама в его правление подчеркивал также тот факт, что эмир Кутлуг-Тимур (чьё исповедание ислама не вызывает сомнений) занимал верховную должность *наиба* при Токте. К тому же мамлюкские источники сообщали об обращении в ислам Ильбасара, старшего сына хана Токты, хотя он умер за 2–3 года до смерти своего отца и не мог принять участие в последующей борьбе [15, с. 123, 174, 196, 206, 277, 323, 384, 437, 446, 513–514; 42, р. 384; 38, р. 116, *nota* 110].

Таким образом, в Золотой Орде сформировалась значительная и влиятельная группировка кочевников, обращенных в ислам, и такие мамлюкские авторы второй половины XIV – XV веков, как Ибн Дукмак и аль-Айни, сообщали, что во главе этой группировки, непосредственно приведшей к власти Узбека, находился старший эмир (*беклярибек*) Кутлуг-Тимур вместе с мачехой и будущей женой Узбека, Баялун-хатун. Нам, однако, не следует безоговорочно принимать на веру поздние интерпретации ближневосточных авторов. По всей видимости, то первостепенное влияние, которым пользовались Кутлуг-Тимур и Баялун в правление хана Узбека, побудило мамлюкских авторов приписать им эксклюзивную роль в интронизации Узбека и, что важнее, в конфессиональном выборе нового хана. Согласно Ибн Дукмаку, Ибн Халдуну и аль-Айни, прежде чем оказать ему решающую поддержку, Кутлуг-Тимур взял с Узбека слово, что тот «сделается мусульманином и будет придерживаться ислама». Очевидно, что это утверждение было сделано под влиянием персидских источников и навеяно тем решающим влиянием, которое эмир Навруз оказал на религиозный выбор ильхана Газана почти за два десятилетия до этого [15, с. 323–324, 384–385, 515–516; 38, р. 123].

Нам остается только гадать, стал ли Узбек мусульманином непосредственно перед своей интронизацией или задолго до этого, и насколько многочисленную поддержку мусульман он получил во время борьбы за преемственность власти. Важнее, однако, что за приходом к власти Узбека последовало немедленное столкновение между новым правителем и приверженцами традиционных верований кочевников. В частности, персидский хронист Кашани, предоставляющий наиболее ранний отчет об обстоятельствах прихода к власти Узбека (непосредственно повлиявший на Хафизу Абру в начале XV века), сообщает о требовании, выдвинутом Узбеком татарским эмирам, отказаться от монгольской Ясы в пользу шариата (или, точнее, мусульманской религии в интерпретации Хафизы Абру). По словам Кашани, эмиры Золотой Орды, получившие

такой ультиматум от своего нового правителя, сговорились убить Узбека, но их заговор был своевременно разоблачен, и Узбек приказал казнить более ста представителей татарской элиты [38, р. 107–109; 16, с. 141].

Следует отметить, что согласно Кашани и Хафизу Абри, конфликт Узбека с татарскими эмирами имел место до его прихода к власти. Логичнее предположить, однако, что Узбек был в состоянии потребовать от татарских эмиров обратиться в ислам только после того, как он стал ханом [12, с. 112]. Во всяком случае мамлюкские источники подтверждают это предположение. Ранние мамлюкские авторы XIV века не уделяли особого внимания перипетиям борьбы за преемственность власти и фокусировались на описании последствий прихода к власти Узбека. Аль-Бирзали и другие арабские авторы сообщали, что одновременно с казнью нескольких татарских эмиров Узбек умертвил большое количество буддистов и шаманов. Но более поздние авторы ясно указывали на то, что важнейшее и наиболее ожесточенное столкновение Узбека с татарскими эмирами произошло уже после интронизации нового хана. По словам Ибн Дукмака, Ибн Халдуна и аль-Айни, татарские эмиры вознегодовали на Узбека за его приверженность к мусульманской вере и подняли мятеж во главе с нойонами Тунгузом и Тазом, пользовавшимися повышенным влиянием в правление предыдущего хана. Кроме того, здесь следует также упомянуть отдельное послание францисканцев Каффы, отправленное на Запад в мае 1323 года с кратким описанием перипетий внутреннего конфликта, вспыхнувшего в Золотой Орде за десять лет до этого. Францисканский автор этого послания информировал руководство своего Ордена о судьбе двух безымянных сыновей почившего хана Токты³. По словам анонимного минорита, эти принцы отказались от христианства в пользу «язычества» в надежде найти поддержку у противников нового хана. Указывая далее на гибель обоих претендентов на власть, францисканский автор подразумевал, что их заговор был составлен уже после интронизации Узбека [15, с. 174, 197, 206, 277, 323–324, 384–385, 515–516; 52, р. 111].

По всей видимости, хан Узбек ввел в действие политику насильственной исламизации кочевников сразу же после своей интронизации и столкнулся вследствие этого с ожесточенным сопротивлением своих подданных. Подавив восстания татарских эмиров и казнив своих главных оппонентов, Узбек не преминул известить об этом мамлюкского султана (ан-Насира). В 1314 году хан Золотой Орды отправил в Египет торжественное посольство с очевидным намерением восстановить дружественные и союзнические отношения с мамлюкским султанатом, прерванные за семь лет до этого предыдущим ханом Токтой [36, р. 170]. По словам мамлюкского хрониста ан-Нувеири, в марте или апреле того же года послы Узбека прибыли к египетскому султану с поздравлением «с расширением ислама от Китая до крайних пределов Западных государств». Далее послы уточняли, что «в государстве Узбека оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислам, но он, воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в мусульманскую религию, или вой-

³ Под которыми, вероятнее всего, имелись в виду сыновья Кутукана, младшего брата Токты [19, с. 89–90].

ну ... они отказались от принятия ислама и вступили в бой, но он напал на них, обратил их в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения» [15, с. 163]. Таким образом, золотоордынские послы извещали султана не только о подавлении всякой политической оппозиции в улусе Джучи, но и об обращении всех его кочевников в ислам.

В свою очередь францисканские источники, написанные на территории Золотой Орды и содержащие ценнейшие сведения о религиозной ситуации в городских центрах и степных регионах улуса Джучи, полностью опровергают утверждение послов Узбека в Египте. В марте 1314 года (то есть параллельно с прибытием посольства в Каир) хан Узбек пожаловал францисканцам Каффы ярлык с подтверждением ряда привилегий и освобождением от военных повинностей и налогообложения. Показательно, что хан Узбек предоставлял францисканцам полную свободу передвижения по всей территории Золотой Орды с целью проповедования «христианского закона» и оставлял за ними право петиции в ханскую канцелярию при столкновении с какими-либо препятствиями в ходе развертывания своей миссионерской деятельности [28, р. 65].

Католические миссионеры в Золотой Орде немедленно воспользовались позволением хана, и, в частности, венгерский францисканец Иоганка сообщал в своем послании, адресованном в 1320 году генеральному министру своего Ордена, о том, что в том же 1314 году он отправился для проповедования Евангелия на территорию современной Башкирии. Описывая обстоятельства развертывания католического миссионерства на всей территории улуса Джучи, Иоганка превозносил тех своих собратьев по Ордену, которые прилагали свои усилия для проповедования Евангелия в степи, «следуя за кочевьями татар». При этом брат Иоганка не упоминал каких-либо препятствий со стороны золотоордынской администрации, с которыми сам Иоганка столкнулся лично в «Баскардии» только после того, как он позволил себе публично подвергнуть сомнению легитимность мусульманской веры. Также упомянутое выше письмо францисканцев Каффы 1323 года сообщало о значительных миссионерских успехах францисканцев, которым способствовало ежедневное проповедование Евангелия в степи; а умбрийский францисканец Джованни Элемозина предоставлял в своем «Хрониконе» 1336 года подробности интеграции христианских ритуалов в повседневную жизнь кочевников [28, р. 66–68; 52, р. 107; 43, р. 125].

Наряду с упоминанием параллельного мусульманского миссионерства, синхронные францисканские источники указывали на осязаемое распространение христианства в улусе Джучи, но с сожалением констатировали тот факт, что значительная часть местных кочевников продолжали оставаться приверженцами традиционных степных верований. Важнее, однако, что эти письменные источники не упоминали каких-либо административных препятствий для своей деятельности и указывали на сохранение принципов традиционной религиозной толерантности Чингизидов в течение правления хана Узбека. Те же Иоганка, францисканский аноним из Каффы и Джованни Элемозина подчеркивали полную конфессиональную автономию, предоставленную всем религиозным общинам улуса Джучи, и эти же авторы указывали на строгое соблюдение прав автономии со стороны золотоордынской админист-

рации до тех пор, пока она не нарушала светских интересов местного законодательства [28, р. 66; 52, р. 107, 111; 43, р. 125].

Вероятно, хан Узбек использовал факт кровавого подавления оппозиции, чтобы представить египетскому султану свой домен как полноценное исламское государство с преобладающим мусульманским населением [36, р. 175]. За исключением крымских городов, мусульманское население действительно преобладало в золотоордынских урбанных центрах. Тем не менее латинские синхронные источники показывают, что значительная часть кочевников улуса Джучи (продолжавших представлять главную политическую и военную силу Золотой Орды) оставались приверженцами традиционных степных верований, выказывая симпатии к христианской и мусульманской религии в зависимости от личных предпочтений. По всей видимости, хан Узбек действительно пытался вести в действие программу насильственной исламизации своего домена, но под впечатлением от ожесточенного сопротивления, вызванного этой программой в среде кочевников, он был вынужден вернуться к политике традиционной религиозной толерантности уже на второй год своего правления, как это сделал ильхан Газан почти два десятилетия до этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский Кремль», 2007. 191 с.
2. *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 153 с.
3. *Зиливинская Э.Д.* Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. № 6. С. 82–97.
4. *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Восточная литература, 1988. 128 с.
5. *Измайлов И.Л.* Ислам в Золотой Орде // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 38–61.
6. *Измайлов И.Л.* Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. № 4. С. 99–107.
7. *Измайлов И.Л.* Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 98–117.
8. *Измайлов И.Л., Усманов М.* Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Усманов М., Хакимов Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 599–617.
9. *Ислаев Ф.Г.* К вопросу об исламизации Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2: Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 129–134.

10. *Кобищанов Ю.М.* Империя Джучидов // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В двух томах. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (середина XIII – середина XVI в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 13–130.
11. *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Издательство «Евразия», 2011. 544 с.
12. *Латишина И.* Вопросы воцарения и смерти Узбек-хана // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. № 6. С. 112–120.
13. *Петрушевский И.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 494 с.
14. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Арендс А., Ромаскевич А.А., Бертельс Е.Э., Якубовский А.Ю. (ред.). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. 316 с.
15. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 579 с.
16. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред.). М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 310 с.
17. *Усманов М.А.* Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма / Ким Г.Ф., Гирс Г.Ф., Давидович Е.А. (ред.). М.: Наука, 1985. С. 177–185.
18. *Хамидова Ч.* Генеалогия Джучидов по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. № 7. С. 73–86.
19. *Хаугала Р.* Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. № 7. С. 87–110.
20. *Шамильоглу Ю.* Высокая исламская культура Золотой Орды // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Усманов М., Хакимов Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 589–598.
21. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Издательство «Евразия», 2012. 400 с.
22. *Aigle D.* The Mongol Empire between Myth and Reality: Studies in Anthropological History. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2015. 394 p.
23. *Amitai R.* The Mongols in the Islamic Lands: Studies in the History of the Ilkhanate. Aldershot, Burlington: Ashgate/Variorum, 2007. 372 p.
24. *Amitai R.* Holy War and Rapprochement: Studies in the Relations between the Mamluk Sultanate and the Mongol Ilkhanate (1260–1335). Turnhout: Brepols Publishers, 2013. 148 p.
25. *Amitai-Preiss R.* Mongol Imperial Ideology and the Ilkhanid War against the Mamluks // The Mongol Empire and Its Legacy / Amitai-Preiss R., Morgan D.O. (eds.). Leiden: Brill Academic Publishers, 1999. P. 57–72.
26. *Aubin J.* Émirs mongols et vizirs persans dans les remous de l'acculturation. Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes. Leuven: Diffusion Peeters Press, 1995. 96 p.
27. *Ayalon D.* The Great Yāsa of Chingiz Khān: A Reexamination // Studia Islamica. Paris: Maisonneuve-Larose, 1971. No. 33. P. 97–140.

28. *Bihl M., Moule A.C.* Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924. No. 17. P. 55–71.
29. *Biran M.* The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34) // *Journal of the American Oriental Society*. New Haven: American Oriental Society, 2002. No. 122/4. P. 742–752.
30. *Biran M.* The Mongols in Central Asia from Chinggis Khan's Invasion to the Rise of Temür: The Ögödeid and Chaghadaid Realms // *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age* / Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2009. P. 46–66.
31. *Borbone P.G.* Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma. Un orientale in Occidente ai tempi di Marco Polo. Torino: Silvio Zamorani editore, 2000. 297 p.
32. *Boyle J.A.* The Dynastic and Political History of the Il-Khāns // *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods / Idem (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 303–421.
33. *Broadbridge A.F.* Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 232 p.
34. *Brosset M.-F.* Histoire de la Siounie par Stéphannos Orbélian. Saint-Petersbourg: Académie impériale des sciences, 1864. 186 p.
35. *Budge E.A.W.* The Chronography of Gregory Abū'l Faraj the Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus Being the First Part of His Political History of the World. Vol. I. Piscataway: Gorgias Press, 2003. 582 p.
36. *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries / Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2012. 321 p.
37. *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2011. 267 p.
38. *DeWeese D.A.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
39. *DeWeese D.A.* Islamization in the Mongol Empire // *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age* / Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2009. P. 120–134.
40. *D'Ohsson C.M.* Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusq'a Timour Bey ou Tamerlan. Vol. IV. Amsterdam: Frederik Muller, 1852. 774 p.
41. *Gibb H.* The Travels of Ibn Battuta: A.D. 1325–1354: translated with revisions and notes from the Arabic text. Vol. 3. Cambridge: Hakluyt Society, 1971. 232 p.
42. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. I: Il secolo decimoterzo (1215–1300). Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. 479 p.
43. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II: Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. 641 p.
44. *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part 3: The Mongols of Persia. London: Longmans, Green, and Co, 1888. 776 p.
45. *Hrbek I.* The Chronology of Ibn Battuta's Travels // *Archiv orientální = Journal of the Czechoslovak Oriental Institute*. Praha: Orientální ústav, 1962. No. 30. P. 409–486.
46. *Kohler Ch.* Haytoni Flos Historiarum Terre Orientis // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. T. 2. Paris: Imprimerie royale, 1906. P. 255–363.
47. *Krawulsky D.* The Mongol Ilkhāns and their Vizier Rashīd al-Dīn. Frankfurt am Main: Peter Lang – International Academic Publishers, 2011. 156 p.

48. *Lech K.* Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk *Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1968. 475 p.

49. *Marino Sanudo.* Liber secretorum fidelium crucis / Bongars J. (ed.). Hanoviae: typis Wecheliani, apud heredes I. Aubrii, 1611. 361 p.

50. *Melville Ch.* Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan // *Pembroke Papers*. Cambridge: University of Cambridge; Centre of Middle Eastern Studies, 1990. No. 1. P. 159–177.

51. *Minervini L.* Cronaca del Templare di Tiro (1243–1314). La caduta degli Stati Crociati nel racconto di un testimone oculare. Napoli: Liguori Editore, 2000. 490 p.

52. *Moule A.C.* Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923. No. 16/1–2. P. 104–112.

53. *Röhrich R.* Lettres de Ricoldo de Monte-Croce // *Archives de l'Orient latin*. Paris: Société de l'Orient latin, 1884. No. 2. P. 258–296.

54. *Sanjian A.K.* Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 459 p.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Поступила 3.09.2018 Принята к публикации 28.11.2018

Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde. Historical and Archaeological Research]. Astrakhan, Izdatel'skiy dom Astrakhanskiy Kreml, 2007. 191 p. (In Russian)

2. Galstyan A.G. *Armyanskie istochniki o mongolakh. Izvlecheniya iz rukopisey XIII–XIV vv.* [Armenian Sources on the Mongols. Extracts from the Manuscripts of the 13th–14th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 153 p. (In Russian)

3. Zilivinskaya E.D. Kul'tovye postroyki vremeni Uzbeka v Zolotoy Orde [Religious Buildings of Uzbek's Time in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 82–97. (In Russian)

4. Ibragimov N. *Ibn Battuta i ego puteshestviya po Sredney Azii* [Ibn Battuta and His Travels through Middle Asia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1988. 128 p. (In Russian)

5. Izmaylov I.L. Islam v Zolotoy Orde [Islam in the Golden Horde]. *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki* [Islam

and Muslim Culture in the Middle Volga Region: History and Modernity. Essays]. Kazan, Master Layn, 2002, pp. 38–61. (In Russian)

6. Izmaylov I.L. Islam i yazychestvo v Uluse Dzhuchi: problemy i diskussii [Islam and Paganism in the Jochid Ulus: Problems and Discussions]. *Vostok – Zapad: Dialog kul'tur Evrazii. Problemy srednevekovoy istorii i arkheologii* [East – West: Dialogue of Eurasian Cultures. Problems of Medieval History and Archaeology]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2004, no. 4, pp. 99–107. (In Russian)

7. Izmaylov I.L. Prinyatie islama v Uluse Dzhuchi: prichiny i etapy islamizatsii [Adoption of Islam in the Jochid Ulus: Causes and Stages of Islamization]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and Power in the Golden Horde. Collected papers]. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova E.G. (eds.). Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 98–117. (In Russian)

8. Izmaylov I.L., Usmanov M. Islam v Uluse Dzhuchi [Islam in the Jochid Ulus]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Vol. III: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 3: The Jochid Ulus (the Golden Horde). The 13th – middle of the 15th centuries]. Usmanov M., Khakimov R. (eds.). Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 599–617. (In Russian)

9. Islaev F.G. K voprosu ob islamizatsii Zolotoy Ordy [To the Question of the Golden Horde's Islamization]. *Zolotoordynskoe nasledie*. Is. 2: *Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Heritage. Issue 2: Proceeding of the Second International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde” Dedicated to the Memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011] Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 129–134. (In Russian)

10. Kobishchanov Yu.M. Imperiya Dzhuchidov [The Jochid Empire]. *Ocherki istorii rasprostraneniya islamskoy tsivilizatsii. V dvukh tomakh*. Vol. 2: *Epokha velikikh musul'manskikh imperiy i Kairского Abbasidskogo Khalifata (seredina XIII – seredina XVI v.)* [Essays on the History of the Spread of Islamic Civilization. In Two Volumes. Vol. 2: The Era of the Great Muslim Empires and the Cairo Abbasid Caliphate (middle of the 13th – middle of the 16th centuries)]. Moscow, “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2002, pp. 13–130. (In Russian)

11. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya* [The Man of the Medieval Street. Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2011. 544 p. (In Russian)

12. Lapshina I. Voprosy votsareniya i smerti Uzbek-khana [Questions of Ascension to Power and Death of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 112–120. (In Russian)

13. Petrushevskiy I. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII–XIV vekov* [Agriculture and Agrarian Relations in Iran in the 13th–14th centuries]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 494 p. (In Russian)

14. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey*. T. III [Compendium of Chronicles. Vol. 3]. Arends A., Romaskevich A.A., Bertel's E.E., Yakubovskiy A.Yu. (eds.). Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1946. 316 p. (In Russian)

15. Tiesenhausen W.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom 1: *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 1: Excerpts from Arabic Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1884. 579 p. (In Arabic, Russian)

16. Tiesenhausen W.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz Persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 2: Excerpts from Persian Writings]. Romaskevich A.A., Volin S.L. (eds.). Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 310 p. (In Persian, Russian)
17. Usmanov M.A. *Etapy islamizatsii Dzhuchieva ulusa i musul'manskoe dukhovenstvo v tatarskikh khanstvakh XIII–XVI vekov* [Islamization Stages in the Jochid Ulus and Muslim Clergy in the Tatar Khanates of the 13th–16th centuries]. *Dukhovenstvo i politicheskaya zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* [Clergy and Political Life in the Near and Middle East in the Period of Feudalism]. Kim G.F., Girs G.F., Davidovich E.A. (eds.). Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 177–185. (In Russian)
18. Khamidova Ch. *Genealogiya Dzhuchidov po dannym «Shu'ab-i pandzhgana» Rashid ad-dina* [The Genealogy of the Jochids according to “Shu’ab-i panjganah” of Rashid al-Din]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 7, pp. 73–86. (In Russian)
19. Hautala R. *Dva pis'ma frantsiskantsev iz Kryma 1323 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii* [Two Franciscan Letters from the Crimea (1323): Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 7, pp. 87–110. (In Russian)
20. Schamiloglu U. *Vysokaya islamskaya kul'tura Zolotoy Ordy* [High Islamic Culture of the Golden Horde]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 3: The Jochid Ulus (the Golden Horde). The 13th – middle of the 15th centuries]. Usmanov M., Khakimov R. (eds.). Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 589–598. (In Russian)
21. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhd u imperiy i islamom (strukturny povsednevny)*. *Kniga-konspekt* [Uzbek Khan: Between Empire and Islam (structures of everyday life). Compendium-Book]. St. Petersburg, IEvraziya Publ., 2012. 400 p. (In Russian)
22. Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality: Studies in Anthropological History*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2015. 394 p.
23. Amitai R. *The Mongols in the Islamic Lands: Studies in the History of the Ilkhanate*. Aldershot, Burlington, Ashgate/Variorum, 2007. 372 p.
24. Amitai R. *Holy War and Rapprochement: Studies in the Relations between the Mamluk Sultanate and the Mongol Ilkhanate (1260–1335)*. Turnhout, Brepols Publishers, 2013. 148 p.
25. Amitai-Preiss R. *Mongol Imperial Ideology and the Ilkhanid War against the Mamluks. The Mongol Empire and Its Legacy*. Amitai-Preiss R., Morgan D.O. (eds.). Leiden, Brill Academic Publishers, 1999, pp. 57–72.
26. Aubin J. *Émirs mongols et vizirs persans dans les remous de l'acculturation*. Paris, Association pour l'avancement des études iraniennes; Leuven, Diffusion Peeters Press, 1995. 96 p. (In French)
27. Ayalon D. *The Great Yāsa of Chingiz Khān: A Reexamination. Studia Islamica*. Paris, Maisonneuve-Larose, 1971, no. 33, pp. 97–140.
28. Bihl M., Moule A.C. *Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1924, no. 17, pp. 55–71. (In Latin)
29. Biran M. *The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34). Journal of the American Oriental Society*. New Haven, American Oriental Society, 2002, no. 122/4, pp. 742–752.

30. Biran M. The Mongols in Central Asia from Chinggis Khan's Invasion to the Rise of Temür: The Ögödeid and Chaghadaid Realms. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*. Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 46–66.

31. Borbone P.G. *Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma. Un orientale in Occidente ai tempi di Marco Polo*. Torino, Silvio Zamorani editore, 2000. 297 p. (In Italian)

32. Boyle J.A. The Dynastic and Political History of the Il-Khāns. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5: *The Saljuq and Mongol Periods*. Idem (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 1968, pp. 303–421.

33. Broadbridge A.F. *Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds*. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 2008. 232 p.

34. Brosset M.-F. *Histoire de la Siounie par Stéphannos Orbélian*. Saint-Petersbourg, Académie impériale des sciences, 1864. 186 p. (In French)

35. Budge E.A.W. *The Chronography of Gregory Abū'l Faraj the Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus Being the First Part of His Political History of the World*. Vol. I. Piscataway, Gorgias Press, 2003. 582 p.

36. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2012. 321 p.

37. Dashdondog B. *The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2011. 267 p.

38. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

39. DeWeese D.A. Islamization in the Mongol Empire. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*. Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 120–134.

40. D'Ohsson C.M. *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusq'a Timour Bey ou Tamerlan*. Vol. IV. Amsterdam, Frederik Muller, 1852. 774 p. (In French)

41. Gibb H. *The Travels of Ibn Battuta: A.D. 1325–1354: translated with revisions and notes from the Arabic text*. Vol. 3. Cambridge, Hakluyt Society, 1971. 232 p.

42. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. I: *Il secolo decimoterzo (1215–1300)*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906. 479 p. (In Italian, Latin)

43. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. II: *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. 641 p. (In Italian, Latin)

44. Howorth H.H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*. Part 3: *The Mongols of Persia*. London, Longmans, Green, and Co, 1888. 776 p.

45. Hrbek I. The Chronology of Ibn Battuta's Travels. *Archiv orientální=Journal of the Czechoslovak Oriental Institute*. Praha, Orientální ústav, 1962, no. 30, pp. 409–486.

46. Kohler Ch. Haytoni Flos Historiarum Terre Orientis. *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. Vol. 2. Paris, Imprimerie royale, 1906, pp. 255–363. (In Latin)

47. Krawulsky D. *The Mongol Īlkhāns and their Vizier Rashīd al-Dīn*. Frankfurt am Main, Peter Lang – International Academic Publishers, 2011. 156 p.

48. Lech K. *Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1968. 475 s. (In German)

49. Marino Sanudo. *Liber secretorum fidelium crvcis*. Bongars J. (ed.). Hanoviae, typis Wecheliani, apud heredes I. Aubrii, 1611. 361 p. (In Latin)

50. Melville Ch. Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan. *Pembroke Papers*. Cambridge, University of Cambridge; Centre of Middle Eastern Studies, 1990, no. 1, pp. 159–177.

51. Minervini L. *Cronaca del Templare di Tiro (1243–1314). La caduta degli Stati Crociati nel racconto di un testimone oculare*. Napoli, Liguori Editore, 2000. 490 p. (In Italian, Old French)

52. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1923, no. 16/1–2, pp. 104–112. (In Latin)

53. Röhrich R. Lettres de Ricoldo de Monte-Croce. *Archives de l'Orient latin*. Paris, Société de l'Orient latin, 1884, no. 2, pp. 258–296. (In Latin, French)

54. Sanjian A.K. *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History*. Cambridge, Harvard University Press, 1969. 459 p.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, University of Oulu, Oulu 90570, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Received August 3, 2018 Accepted for publication November 28, 2018
Published December 29, 2018*

СТРУКТУРА ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ПО ИСТОРИИ ЧИНГИЗИДОВ

Ч.И. Хамидова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zahragizza@gmail.com*

Цель: рассмотреть персидские генеалогические сочинения по истории Чингизидов, оформленные в виде генеалогических таблиц.

Материалы: в рамках статьи сопоставляются как генеалогические данные, так и графическая организация информации в генеалогических сочинениях трех авторов: Рашид ад-дина, Хафиза Абру, Хусейна бин Али Шаха.

Результаты: Рашид ад-дин ставил целью в своей работе над Джамии ат-таварих и Шуаб-и панджгана создать комплексную непрерывную историю человечества (как это представлялось средневековому персидскому историку), а два других автора пытались легитимизировать власть Тимуридов, соединив генеалогию Тимуридов с чингизидской, при этом они сделали это разными способами. Цели авторов отразились на полноте используемой генеалогической информации, а так же на графическом отображении данных: чингизидские генеалогии Рашид ад-дина представлены среди генеалогий четырех других народов или правящих династий (арабов, евреев, китайцев, франков) и взяты внутрь двух линий, нисходящих от имени Адама, символизирующих единое начало всего человечества; генеалогии в сочинении Хусейна бин Али Шаха представляют только основную линию Чингизидов, к которой напрямую присоединена линия Тимуридов, при этом некоторые родословные соперников Тимура намеренно опущены; в сочинении Хафиза Абру родословная Тимуридов присоединяется к генеалогии Чингизидов лишь косвенно.

Ключевые слова: Чингизиды, Тимуриды, Шуаб-и панджгана, Джамии ат-таварих, Муизз ал-ансаб, Хусейн бин Али Шах, Рашид ад-дин, генеалогии Чингизидов

Для цитирования: Хамидова Ч.И. Структура генеалогических сочинений по истории Чингизидов // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 696–706. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.696-706

THE STRUCTURE OF GENEALOGICAL WORKS ON THE HISTORY OF THE CHINGGISIDS

Ch. I. Khamidova

*Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zahragizza@gmail.com*

Abstract: *Research objectives and materials:* This article is devoted to genealogical works on the history of the Chinggisids arranged in the form of genealogical tables. The article compares both data and graphical organization of three genealogies – those of Rashid al-Din, Hafiz Abru, and Hussein bin Ali Shah.

Research results and novelty: Rashid al-Din set out to create a complex continuous history of mankind (as it was perceived by the medieval Persian historian) in his works, Shuab-i panjganah and Jami at-tavarih, while the other two authors tried to legitimize the power of the Timurids by combining the genealogy of the Timurids with that of the Chinggisids, something they did in various ways. The Timurid authors' aims reflected on the completeness of the genealogical information used, as well as in the graphical representation of the data. Rashid al-Din's Chinggisid genealogies are incorporated into the genealogies of four other peoples or ruling dynasties (Arabs, Jews, Chinese, Franks) and integrated into two lines descending from Adam, symbolizing the single beginning of all mankind. The genealogies in the work of Hussein bin Ali Shah represent only the basic line of the Chinggisids to which the line of the Timurids is directly attached, while the genealogies of Timur's rivals are deliberately omitted. The Hafiz Abru's work connects the Timurid genealogy, relating it to the Chinggisid genealogy indirectly.

Keywords: Chinggisids, Timurids, Shuab-i panjganah, Jami at-tavarih, Muiz al-ansab, Hussein bin Ali Shah, Rashid al-Din, Chinggisids' genealogy

For citation: Khamidova Ch.I. The Structure of Genealogical Works on the History of the Chinggisids. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 696–706. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.696-706

Среди нарративных источников, раскрывающих разные аспекты истории Чингизидов, есть сугубо генеалогические сочинения, посвященные преимущественно описанию родословных линий предков и потомков Чингиз хана: «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, сочинение Хусейна бин Али Шаха из альбома Байсункура, «Муизз ал-ансаб» Хафиза Абру. Безусловно, есть и другие сочинения, например, «Шаджарат ал-атрак» Абу-л-гази, но в рамках этой статьи нас интересуют только те родословные, которые оформлены в виде генеалогических таблиц или родословного древа.

Генеалогические древа – это отдельный жанр со своими специфичным способом организации информации: имена, вписанные в круги, квадраты, треугольники, соединенные между собой линиями, символизирующими родственные связи. Самые ранние образцы европейских генеалогических сочинений датируются X веком, на арабо-мусульманском востоке жанр развился чуть позже [13, с. 3–7]. Рашид ад-дин, хоть и не был первым автором генеалогического сочинения, все же сам с такими трудами знаком не был, и ему пришлось изобрести этот жанр самому. Он пишет об этом в своей собственной автобиографии [12, с. 8, 14]. Оформить генеалогические сведения о Чин-

гизидах Рашид ад-дин пробует еще при сочинении «Джами ат-таварих»: генеалогические таблицы есть с самого начала описания предков Чингиз хана, к некоторым квадратам с именами есть краткие пояснения (в точности так же, как он потом будет делать в «Шуаб-и панджгана» [5, с. 15]).

Рашид ад-дин в комментариях к уже нарисованным таблицам в Сборнике летописей пишет корректирующие примечания, которые учитывает при составлении таблиц в «Шуаб-и панджгана». Так, например, в родословном древе Бодончара он указывает Дутум-мэнена его сыном, но там же под квадратом с его именем пишет: «Он дутакун Чингиз-хана, что значит предок в седьмом колене. Имеется другой сказ, что этот Дутум-Мэнен был сыном Бодончара. Однако более правильным полагают то, что он сын Буки, так как и в старом списке находят те же сведения» [5, с. 17]. В «Шуаб-и панджгана» уже Дутум-Мэнен указан сыном Буки [4, 98 b]. В «Джами ат-таварих» от Добун байана и до Тумбине хана Рашид ад-дин приводит полные генеалогические таблицы потомков, однако с увеличением количества отдельных ветвей и усложнением самих таблиц автору приходится упрощать родословные древа и указывать лишь основную ветвь. Вероятно, слишком подробное генеалогическое древо мешало описанию собственно исторических событий, усложняя композицию сочинения. Но сама идея о создании полноценного родословного древа остается и воплощается в виде отдельного труда – «Шуаб-и панджгана».

Рукопись сохранилась в одном единственном экземпляре, хранящемся в Библиотеке Музея Топкапы¹. З.В. Тоган считает, что единственная сохранившаяся копия рукописи относится к XVI веку, либо ко второй половине XV века [18, с. 68–69] и переписана в Трансоксании или в Хорасане. Рукопись некогда находилась в книгохранилище Касим султана, сына Сеййид Ахмад хана, Астраханского правителя (1502–1532), о чем свидетельствует печать [4, 1b]. З.В. Тоган считает, что шейбанидский хан Узбек, который был другом Касим хана, отправил рукопись в качестве подарка после завоевания Бухары и Самарканда.

Во введении к генеалогии Рашид ад-дин пишет, что решил написать «Шуаб-и панджгана» как приложение к основному труду («Джами ат-таварих»). Там же и еще в комментариях к отдельным родословным линиям автор иногда отсылает к «Джами ат-таварих» за подробностями [9, с. 848]. В «Шуаб-и панджгана» описана генеалогия не только Чингизидов: четыре других раздела генеалогии посвящены арабам (от Адама, пророка Мухаммада и до последних Аббасидских халифов Арабского халифата, завоеванного монголами в 1258 году), евреям (Яков и его потомки), европейцам (в лице Римских пап и правителей Священной римской империи), китайцам (китайская часть полностью скопирована с «Тарих-и чин» второго тома «Джами ат-таварих»). Причем комментарии к генеалогиям не тюрко-монгольских частей даже пространнее и подробнее, нежели в чингизидской части.

В рукописи Рашид ад-дин использует разные цвета: черный, красный, желтый, синий. Причем этот выбор не случаен: цвета помогают в систематизации данных, о чем автор пишет во введении к «Шуаб-и панджгана». Красным выделены имена правителей (так, например, можно восстановить пра-

¹ Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapu Saraye Muzeye Kitapخانه, shift A.III 2937.

вящую линию Батуидов, по мнению Рашид ад-дина), желтый используется для выделения имен родоначальников еврейских племен, какие-то имена в генеалогии пророка Мухаммада и вовсе закрашены кобольтово-синим. Пространственная организация информации имеет свой порядок и определенное графическое оформление. Имена женщин вписаны в круги, имена мужчин – в квадраты, так же как и в «Джами ат-таварих».

Для Чингизидских ханов и пророков оставлены большие прямоугольники под их именами. Имена и титулы Чингизидских правителей написаны на персидском и на монгольском, расположены в начале списка, в центре, от прямоугольника нисходят линии, соединяющие с именами потомков правителя. Далее ниже слева идет список жен, информация о том, откуда они родом, их именитые родственники, судьба в семье правителя, иногда их заслужившие известность дети, родившиеся от правителя. Ниже идет список наложниц, чей род, знаменитые дети, родственники, бывшие и последующие мужья тоже могли быть указаны. Справа идет подробный список эмиров: командиров войска, десяти тысяч, тысяч, сотен, визирей, даже иногда просто знаменитых простых людей на службе у хана, с указанием их должностей и иногда элементов биографии, роли в важных исторических событиях. Например, в списке эмиров Абака хана Рашид ад-дин указывает список всех мятежников, в списке Хулагу хана отмечает тех эмиров, что особо отличились при взятии Эрбиля, Алеппо и Дамаска. Несмотря на то, что эмиры не связаны непосредственно с генеалогическими линиями древа, таблица с их именами в родословии ханов вполне оправдана: с одной стороны, эмиры – это не просто подданные хана, но и почти равноправный элемент правящей семьи [15]; с другой стороны, эмиры часто становились зятьями хана, что отдельно отмечено Рашид ад-дином: в таких случаях рядом с именем эмира пишется «гургэн» – «зять».

Имена же еврейских патриархов и китайских правителей вписаны в сложную фигуру, состоящую из соединенных треугольника и круга, нижнее основание треугольника – часть окружности. В случае с Римскими императорами и папами эта фигура еще более усложняется: снизу добавляется прямоугольник, верхняя грань которого составляет часть окружности. Сама окружность оставлена пустой, в треугольник вписаны имена, в прямоугольник – информация биографического характера. Круги оставлены пустыми, вероятно, для миниатюр. Последние два раздела не являются генеалогией по сути, это просто список правителей, хоть и чаще всего соблюдается принцип отец-сын в переходе власти от одного правителя к другому. При этом с обеих сторон текста всего сочинения идут две красные линии, нисходящие от Адама, отца рода человечества. То есть это не просто оформление в виде рамочки, а именно родословная линия, символизирующая родство всего человечества. В этом символизме проступает важная идея Рашид ад-дина, заставившая его писать всемирную историю человечества: есть не отдельные истории разных государств, но единый взаимосвязанный исторический процесс всего человеческого общества. Отсюда интерес Рашид ад-дина не только к государству, в котором он жил, или к родословиям пророков и халифов, что естественно для ученого, живущего в мусульманском ареале, но и к другим государствам, с которыми соприкасается Иран.

Труд Рашид ад-дина, уникальный в своем роде, стал источником данных и для других генеалогических сочинений. Среди них «Муизз ал-ансаб» – генеалогия, написанная столетием позже и приписываемая Хафизу Аbru.

К этому же жанру при описании истории Чингизидов вновь обращаются в XV веке Тимуриды уже по политическим причинам. Тимур, основатель правящей династии, был неаристократического происхождения, поэтому были необходимы дополнительные средства для легитимизации власти. Таким средством становится создание фиктивных генеалогических линий, восходящих к Чингиз хану и делающих Тимура его наследником [10, с. 509–514, 517–521]. Самым ранним известным образцом тимуридских генеалогических сочинений становится сочинение Хусейна бин Али Шаха, о котором мало что известно. Сама рукопись хранится в библиотеке музея Топкапы в Стамбуле под номером 2152. Список сохранился не в виде отдельной рукописи, а внутри «Альбома Байсунгура», и содержит 24 листа. Рукопись неполная: и в начале, и в конце не хватает листов. Есть надписи на арабице и на уйгурском языке. Изначально рукопись хранилась в виде свитка, но позднее была разрезана и склеена в виде книги. Генеалогия состоит из двух частей: первая часть – родословная предков Чингиз хана, вторая – генеалогия его потомков. Примечательно то, что генеалогия монголов вплоть до сыновей Чингиз хана написана уйгурской графикой, а имена потомков Тимура Курегена – арабицей [16, с. 253–258]. Самая примечательная деталь списка – в ней есть миниатюры.

Датировка рукописи представляет собой сложность, поскольку она сохранилась во фрагментарном, разрозненном виде. З.В. Тоган предположил, что это сочинение – часть «Муизз ал-ансаб», другого тимуридского генеалогического труда [17, с. 10]. Другой исследователь чингизидских генеалогий и миниатюр, Эмел Эсин, в них спорит с этим предположением, отмечая, что, судя по характеру миниатюр, эта рукопись должна быть написана до 1402 года; а именно, то, что Тимур изображен стоящим на коленях, говорит о том, что миниатюра нарисована тогда, когда Тимур считался вторым после Чингизидского суверена [11, с. 117].

Некоторые миниатюры и медальоны в рукописи разрезаны, поэтому можно предположить, что изначально генеалогия была записана на свитке, затем же была разрезана на листы и вставлена в «Альбом Байсунгура»². В рукописи содержатся 52 миниатюры, две из них цветные. Генеалогия начинается с двух миниатюр Алан-Гоа: на первой она с мужем, на второй – с собакой. Вторая миниатюра вошла в альбом, посвященный исламскому искусству [14], а также была использована в качестве иллюстрации в книге Ж.П. Ру «Чингисхан и монгольская империя», где эта миниатюра идет с подписью «Субджи панджан», персидская рукопись XV века из Топкапы (Стамбул) [7, с. 20].

Вообще, эта рукопись и миниатюры в ней стали причиной для ряда путаниц. З.В. Тоган считал, что сочинение Хусейна бин Али Шаха – это одна из копий «Муизз ал-ансаб», сохранившаяся лишь частично, а «Муизз ал-ансаб» – тимуридская версия «Шуаб-и панджгана». При этом З.В. Тоган, говоря о списках, известных сегодня под названием «Муизз ал-ансаб», называет их «Шуаб-и панджгана» [18, с. 69]. Это, в свою очередь, приводит к ряду пута-

² Jung-i Bāysunghurī (JB). Istanbul Topkapı Sarayı Kutuphanesi Ms. Hazine 2152, f. 36 b.

ниц³. Например, А.П. Григорьев в своей статье «Летописные лицевые своды» пишет о том, что «Шуаб-и панджгана» содержит миниатюры с изображениями Чингизидов [1, с. 150–151]. Мы точно знаем, что в «Шуаб-и панджгана», хранящемся в библиотеке музея Топкапы в Стамбуле под номером 2953, никаких миниатюр нет⁴. Вероятно, речь шла именно об этом сочинении, хранящемся, как и «Шуаб-и панджгана», в Топкапы, но под названием «Тимурлю шеджериси», хотя сам А.П. Григорьев отдельно упоминает и эту рукопись под названием «Альбом Байсунгура» [1, с. 151]. Что интересно, говоря об «Шуаб-и панджгана», А.П. Григорьев очень точно описывает структуру подачи генеалогической информации за одним исключением: в квадратах, начерченных под именами Чингизидов-правителей, никаких миниатюр нет, они оставлены пустыми. Зато миниатюры есть в сочинении Хусейна бин Али Шаха, там же есть и надписи уйгурицей на восточно-тюркском языке, о которых говорил А.П. Григорьев и которые переводил, по его словам, Н.Н. Телицын. Тем не менее, спутать эти рукописи визуально невозможно: структура сочинения Хусейна бин Али Шаха сильно отличается от «Шуаб-и панджгана», к тому же в ней нет подробного описания потомков Чингиз хана, лишь правящая линия. К сожалению, обращение к Н.Н. Телицыну за разъяснениями не помогло понять, о какой же рукописи шла речь [3, с. 59].

От миниатюр с Алан Гоа нисходит прямая линия ее потомков без ответвлений вплоть до Тумбине хана, где генеалогическое древо разделяется⁵.

Далее генеалогия состоит из двух отдельных ветвей: чингизидской и тимуридской. Примечательно то, что генеалогия монголов вплоть до сыновей Чингиз хана написана уйгурской графикой, а имена потомков Тимура Курегена – арабицей.

На листе 43а начинаются родословные линии Джучи хана и Чагатай хана. От Джучи идет круг с миниатюрой и подписью «Это Бату, сын Джучи». На этом же листе присутствует отдельная линия «Каджулай – Эрдемджи-Барулас – Сугу Джеджен», эта линия в конце заканчивается миниатюрой «Тимур Куреген». На листе 36б вместе с родословными линиями Угедея и Тулуя идет продолжение ветки Джучи: «Это Тоган, сын Бату», отсюда еще одна миниатюра с подписью «Это Мунке-Тимур, сын Тогана», затем миниатюра с надписью «Это Тогриджа, сын Мунке-Тимура», отсюда «Это Узбек, сын Тогриджа». Лист 38б содержит продолжение родословной Узбек хана: «Это Джан-и, сын Узбека», сбоку оставлен пустой круг для одного из сыновей Узбека. Снизу есть надпись: «Это Шекер бек, дочь Джан-и». Рядом с кругом «Шекер бек» еще один круг с подписью «Сунбек», снизу же круг с подписью «Это Халил Султан сын Сунбека». На этом родословная линия Джучидов в этой рукописи заканчивается.

Говоря о структуре генеалогического древа в сочинении Хусейна бин Али Шаха, можно отметить следующее: линия Алан Гоа до Тумбине хана идет по

³ Ряд специалистов, слышавших о «Шуаб-и панджгана», но не работавших с рукописью, со ссылкой на З.В. Тогана считают, что там есть миниатюры. В этом нам пришлось убедиться в ходе конференции в Стамбуле в 2015 году «Культура руководства в Средней и Западной Азии».

⁴ Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapu Saraye Muzeye Kitapخانه, shift A.III 2937.

⁵ JB, f. 43 b.

центру. Тимуридская линия продолжает эту центральную линию, а чингизидская идет сбоку слева. При этом эти линии параллельны, то есть равнозначны, но раз тимуридская линия в центре, значит, ей отдается главенство. В генеалогии Чингизидов опущена линия Тукай-тимуридов, вероятно, потому, что Токтамыш, соперник Тимура, относится к этой линии. При этом линия Джучидов-Батуидов продолжена до Джанибека, его дочери Шекер бек, ее дочери Сунбек и ее сына Халил султана. Тимуридская линия же представлена генеалогической линией Джахангиридов, Мираншахидов, Шахрухидов. Последние добавлены позже. После Тимура по центру идет линия Миран шаха.

Таким образом, сочинение Хусейна бин Али Шаха – генеалогия Чингизидов и Тимуридов, которая фиксирует происхождение Тимура от тех же предков, что и Чингиз хан, тем самым легитимизируя его власть, при этом подчеркивается равноправие чингизидской и тимуридской линий. Начало тимуридской линии, идущей от Тумбине хана, отсутствует в «Шуаб-и панджгана».

Другой тимуридский источник, посвященный генеалогиям Чингизидов и Тимуридов – «Муизз ал-ансаб». Рукопись сохранилась в пяти списках: списки Лондонской Британской библиотеки №467 и 14306, библиотека Мусульманского университета Алигарх № 41 и 42, Парижская национальная библиотека № 67. Ни один из списков не написан в период сочинения самого труда, т.е. это все более поздние копии. Парижская копия, считающаяся самой ранней, относится к XVI веку. Лондонские копии относятся к XVIII и XIX векам. Второй список переписан Надиром Али, возможно, в Дели. Алигархские списки переписаны в период правления Бахадур Шаха II [8, с. 818–819]. Введение к генеалогии объясняет принципы организации текста в сочинении, а также причины его написания.

Авторство сочинения можно установить лишь по косвенным признакам. З.В. Тоган предположил, что автором этой тимуридской генеалогии является Хафиз Аbru, придворный историк Шахруха. Он считает, что, поскольку известно, что Хафиз Аbru включил «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина в свой «Зубдат ат-таварих», добавив туда более поздние части истории Чингизидов, а также историю Тимуридов, то точно так же он мог сделать и с «Шуаб-и панджгана», переписав его и добавив туда более поздние чингизидские и тимуридские родословные линии [18, с. 69]. Время написания рукописи относят к 1426–1428 годам.

Как и «Шуаб-и панджгана», «Муизз ал-ансаб» начинается с введения и генеалогии Чингизидов, которая дополняется генеалогией Тимуридов. Линия Тимуридов начинается с Сугу сэчэна и включает родословные линии Тимура и четырех его сыновей: Умар-шайха, Джахангира, Мираншаха, Шахруха, а также последующих тимуридских правителей – Абу Саида и Султана Хусейна Байкара.

Во введении Хафиз Аbru поясняет принципы организации генеалогической информации: мужские имена заключены в круги, женские – в квадраты. Имя правителя заключено в прямоугольник, под ним – круг с его изображением. Также под именем правителя справа дается список знаменитых эмиров, служивших в период этого правителя. Слева дается список жен и наложниц правителя. Таким образом, структура «Муизз ал-ансаб» повторяет структуру

«Шуаб-и панджгана», не считая того момента, что круги и квадраты использованы в противоположных случаях. Еще одно изменение Хафиза Абру – в некоторых случаях он добавляет годы правления и смерти правителя. В качестве источника по истории Чингизидов, он называет «Тарих-и салатин-и мугул» – речь, вероятно, идет о сочинениях Рашид ад-дина.

Сопоставление данных «Муизз ал-ансаб» и «Шуаб-и панджгана», а также способа организации информации, говорит о том, что Хафиз Абру за основу своего сочинения берет работу Рашид ад-дина, однако все же мы не станем называть «Муизз ал-ансаб» тимуридским «Шуаб-и панджгана», как это сделал З.В. Тоган [18, с. 69]. На наш взгляд, это два разных сочинения, написанных по разным причинам, а потому существенно отличающихся. Выше упоминалось, что основная цель написания «Джами ат-таварих» и «Шуаб-и панджгана» – это создание комплексной истории всего человечества (как оно представлялось средневековому историку Рашид ад-дину). Эта комплексность отражена и во включении во всеобщую историю историй отдельных народов, непривычных для мусульманских историков (китайцев, франков и т.д.), и в визуальном отображении непрерывного и единого исторического процесса (род человеческий начинается с Адама, от которого идут две линии, окаймляющие генеалогии разных народов). В случае с «Муизз ал-ансаб» такой цели не стоит: Хафиз Абру, как и Хусейн бин Али Шах, преследуют другую, политическую цель – укрепление власти правящей династии. Во-первых, из «Муизз ал-ансаб» исключены нечингизидские части, соответственно нет графического отображения единой истории всего человечества: это просто частная родословная линия двух династий – чингизидской и тимуридской. Хафиз Абру дополняет чингизидскую часть более поздними потомками, например, к Батуидско-Узбекской линии добавляются дети и внуки Узбек хана, линия заканчивается на Бердибеке. Тимуридская же линия не встроена в чингизидскую, как это сделано в сочинении Хусейна бин Али Шаха, а построена отдельно, уже после ильханидов. Генеалогия Тимуридов начинается с Суку-сиджана, чья линия начинается сбоку, без связи с какой-либо другой линией. Его сын – Караджар нойон – назван предводителем войска Чагатая из племени барулас и автором ясы Чингиз хана [2, с. 104]. Т.е., если Караджар-нойон – предок Тимура-куркана – был из племени барулас, то теоретически Тимур и Чингиз хан где-то в глубине веков имеют общих родственников, хотя вряд ли только этого достаточно для легитимизации власти Тимура. Что интересно, говоря о племени барулас, Рашид ад-дин упоминает именитых представителей этого племени и современников Чингиз хана (Кубилай нойона, например), но не Караджар-нойона, который, по словам Хафиза Абру, является автором свода законов Чингиз хана. В части о разделе войск в «Сборнике летописей» Рашид ад-дин пишет об одном из эмиров Чагатая: «Тысяча Барулатай Каралджара, бывшего из племени барулас; из его потомков один был старшим эмиром при Абага-хане; тот им дорожил. Он кочевал с Такудар-Огулом, имя его...» [6, с. 275]. Других эмиров из племени барулас, служивших при Чагатае, в «Сборнике летописей» не упомянуто. Зато такой эмир упомянут в «Шуаб-и панджгана»: «Караджар нойон – из рода барулас из рода берзанджар – ванкетак» [9, с. 848]. В «Муизз ал-ансаб» Хафиз Абру также не упоминает Караджар нойона среди эмиров Чингиз хана, но упоминает его среди эмиров Чагатая: «из племени барлас, эмир тыся-

чи. Чингиз хан во время раздела войск вместе с подразделениями передал его Чагатаю» [2, с. 47]. Т.е. информация об особой роли Караджар нойона появляется только в тимуридской части.

Итак, мы рассмотрели генеалогические сочинения трех авторов, на примере которых можно проследить изменение способов организации генеалогической информации в зависимости от цели написания работы. В случае с Рашид ад-дином мы видим исторический труд, оформленный таким образом, чтобы графически можно было увидеть непрерывность и единство исторического процесса, развития человеческого общества, как это представлялось средневековому персидскому историку. Хусейна бин Али Шаха не интересует подробная генеалогия Чингизидов, а только основная линия, к которой грубовато присоединена линия Тимуридов. Хафиз Абру же использует чингизидскую часть работы Рашид ад-дина полностью, дополняя ее более поздними данными, а также присоединяя к ней тимуридскую генеалогию. Надо отметить, что Хафиз Абру сделал это более изящно, представляя Тимура наследником империи Чингиз хана вполне «честным» путем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.П. Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях Ирана: Чингизидские родословия на персидском и тюркском языках. Востоковедение: межвузовский сборник. Вып. 30 (заключительный): Историко-филологические исследования. Памяти акад. М.Н. Боголюбова / отв. ред. А.К. Оглоблин, Н.Н. Телицин. 2014. С. 145–173.
2. История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Му'изз ал-ансаб (Проставляющее генеалогии). Алматы, 2006. 672 с.
3. Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения. Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.
4. Рашид ад-дин. «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.
5. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М., Л.: издательство АН СССР, 1960. 316 с.
6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, книга вторая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. 281 стр.
7. Ру Ж.П. Чингисхан и монгольская империя. М.: Астрель, 2006. 144 с.
8. Стори Ч. А., Ю. Э. Брегель. Персидская литература. Био-библиографический обзор. М.: Наука, 1972. Т II. 1884 с.
9. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846–865
10. Binbas I.E. Structure and function of the genealogical tree in Islamic historiography (1200–1500) // Horizons of the World. Festschrift for Isenbike Togan. Istanbul: Ithaki, 2011. P. 465–544.
11. Esin E. Hanlar Ulađi (The Succession of Kings) // Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe / Heissig W., Sagaster K. (eds). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989. P. 113–127.
12. Lataif al-haqaiq / Ghulam-Riza Tahir (ed.). Tehran: Intisharat-I Kitabhana-yi Markaz-I va Markaz-I Asnad, 2535 Shahi/1976. Vol. 2. 144 p.

13. *Pierre D. Genealogy. An Introduction to Continental Concepts* / Clough W.O. (tr.). New Orleans: Polyanthos, 1977. 143 p.
14. *Roxburgh D. Turks: A Journey of a Thousand Years*. London: Royal Academy of Arts, 2005. 496 p.
15. *Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Columbia University, 1986. 286 p.
16. *Sertkaya O.F. Timürlü Seceresi (Топкапы Сарayı Müzesi, Hazine 2152, v. 32–43)* // *Sanat Tarihi Yıllığı*. 1979–80. №9–10. 383 s.
17. *Togan A.Z.V. On the Miniatures in Istanbul Libraries*. Istanbul: Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1963. 68 p.
18. *Togan A.Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashīd al-Dīn* // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1962. №7. P. 60–72.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, Кремль, 11, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

Поступила 29.08.2018 Принята к публикации 1.11.2018
Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Grigoryev A.P. *Letopisniye litchevie svody v srednevekovykh gosydarstvennykh obrazovaniyakh Irana: Chingisidskie rodosloviya na persidskom i tyurkskom yazykah* [Illuminated chronicle collections in the medieval state formations of Iran: the Chinggisid genealogies in Persian and Turkic languages]. *Vostokovedeniye: mejvuzovskii sbornik*. Vyp. 30 (zakluchitelny): *istoriko-philologicheskiye issledovaniya. Pamyati akad. M.N. Bogolyubova* [Oriental Studies: collection of works. Iss. 30 (conclusive): historical and philological research works. On the honor of M.N. Bogolyubov]. 2014, pp. 145–173. (In Russian)
2. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*. Vol. III. *Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushcheye genealogii)* [The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. III. Muizz al-ansab (The Glorifying Genealogies)]. Almaty, 2006. 672 p. (In Russian)
3. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i pahjganah": Research Perspectives]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
4. Rashid al-Din. «Shuab-i pandzhgana». *Faksimile* ["Shuab-i pahjganah". Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 460 p. (In Russian)
5. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey*. Vol. II [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 316 p. (In Russian)
6. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey*. Vol. I, kniga vtoraya. [Compendium of Chronicles. Vol. I, book two]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 281 p. (In Russian)
7. Roux J.-P. *Chingiskhan i mongol'skaya imperiya* [Genghis Khan and the Mongol Empire]. Moscow, Astrel, 2006. 144 p. (In Russian)
8. Storey Ch.A., Yu.E. Bregel. *Persidskaya literatura. Bio-bibliograficheskij obzor* [Persian Literature. Bio-bibliographical Review]. Moscow, Nauka Publ., 1972. Vol. II. 1884 p. (In Russian)

9. Khamidova Ch.I. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (3) [Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (3)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846–865. (In Russian)
10. Binbas I.E. Structure and Function of the Genealogical Tree in Islamic Historiography (1200–1500). *Horizons of the World. Festschrift for Isenbike Togan*. Istanbul, Ithaki, 2011, pp. 465–544.
11. Esin E. Hanlar Ulaki (The Succession of Kings). *Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe*. Heissig W., Sagaster K. (eds). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1989, pp. 113–127. (In German)
12. *Lataif al-haqaiq*. Ghulam-Riza Tahir (ed.). Tehran, Intisharat-i Kitabhana-yi Markaz-i va Markaz-i Asnad, 2535 Shahi/1976. Vol. 2. 144 p. (In Persian)
13. Pierre D. *Genealogy. An Introduction to Continental Concepts*. Clough W.O. (tr.). New Orleans, Polyanthos, 1977. 143 p.
14. Roxburgh D. *Turks: A Journey of a Thousand Years*. London, Royal Academy of Arts, 2005. 496 p.
15. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Columbia University, 1986. 286 p.
16. Sertkaya O.F. Timürlü Seceresi (Topkapı Sarayı Müzesi, Hazine 2152, v. 32–43) [Timur's genealogy (Topkapy Museum, Hazine 2152, v. 32–43)]. *Sanat Tarihi Yıllığı* [The Year of the History of Art]. 1979–80, no. 9–10. 383 p. (In Turkish)
17. Togan A.Z.V. *On the Miniatures in Istanbul Libraries*. Istanbul, Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1963. 68 p.
18. Togan A.Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashīd al-Dīn. *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1962. No. 7, pp. 60–72.

About the author: Chulpan I. Khamidova – Research Fellow, the Center for the written and musical heritage, Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences (11, Kremlin, Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

*Received August 29, 2018 Accepted for publication November 1, 2018
Published December 29, 2018*

ГОРОД XIV В. НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

А.В. Пачкалов

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
zolornum@mail.ru*

Цель статьи: изучение материалов монетного обращения Муранского селища, относящегося к золотоордынской эпохе (Самарская область).

Материалы исследования: известные на сегодняшний день монетные находки, сделанные на селище. Эти находки рассмотрены в контексте находок, сделанных в этом регионе ранее (исследования В.Н. Поливанова, А.Е. Алиховой).

Результаты исследования позволяют датировать денежное обращение Муранского селища периодом от второй половине XIII в. до 1360-х гг. Помимо монет Золотой Орды на селище были найдены две античные монеты. Распределение монетных находок по монетным дворам в целом напоминает распределение находок на памятниках Нижнего Поволжья (преобладание основных нижеволжских монетных дворов – Сарая, Сарая ал-Джедид, Гюлистана). Наибольшее количество монет (около половины находок) приходится на время правления ханов Узбека и Джанибека (1340–1350-е гг.). Населенный пункт был оставлен в результате гражданской войны в Золотой Орде в начале 1360-х гг. Монеты позже начала 1360-х гг. на селище не встречаются. Возможно, что на Муранском селище в конце XIX в. были найдены монеты Золотой Орды, хранящиеся в настоящее время в Национальной библиотеке в Париже.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Поволжье, нумизматика, монеты

Для цитирования: Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 707–718. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.707-718

THE FOURTEENTH-CENTURY CITY AT THE SAMARA BEND ACCORDING TO NUMISMATIC SOURCES

A.V. Pachkalov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
zolornum@mail.ru*

Abstract: Research objectives: The study of coin circulation in the Muran settlement (Samar region) during the Golden Horde period.

Research materials: All the known coin finds from the Muran settlement. These finds are discussed in the context of earlier finds in this region (the excavations by V.N. Polevanov, A.E. Alikhova and others Russian researchers).

The novelty of the research is represented by information about new unpublished coin finds from the Muran settlement.

The results of research allow us to date the coin circulation of the Muran settlement from the second half of the thirteenth century to the 1360s. Besides Golden Horde coins, two ancient Greek coins were found at the Muran settlement.

The distribution of coin finds is similar to the distribution of settlements of the Lower Volga region (mainly the Lower Volga mints of Saray, Saray al-Jadid and Gulistan). Most of the coins (more than half of the finds) date to the reigns of Uzbek Khan and Janibek Khan (1340–1350s). The Muran settlement was abandoned during the civil war in the early part of the 1360s. Coins dating from later than the beginning of the 1360s are absent at the Muran settlement.

Probably, the Golden Horde coins from the Numismatic Department of National Library in Paris were found at the Muran settlement in the end of the nineteenth century.

Keywords: Golden Horde, Jochid ulus, Volga region, numismatics, coins

For citation: Pachkalov A.V. The Fourteenth-Century City at the Samara Bend according to Numismatic Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 707–718. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.707-718

Темой исследования является монетное обращение Муранского селища (Самарская область), относящегося к золотоордынской эпохи. Целью работы является изучение специфики монетного обращения селища. Основные задачи: изучение источниковой базы (опубликованные и неопубликованные монетные находки), рассмотрение динамики монетного обращения, сопоставление с монетным обращением на других археологических памятниках.

Находки монет Золотой Орды в Самарском Поволжье до недавнего времени были достаточно редки, поэтому особый интерес представляет новая информация, полученная от различных частных коллекционеров. По публикациям [10; 11; 23; 24; 25; 26] в Самарской области известна серия находок монет XIV в., а также единичные находки монет XIII и XV вв. (в основном это находки, сделанные в районе Самарской Луки – наиболее обжитой части Самарского Поволжья). Наибольшее количество монет приходится на время расцвета Золотой Орды (время правления Узбека и Джанибека).

Среди находок отдельных джучидских монет в Самарской области до недавнего времени не было ни одного большого комплекса находок. В предлагаемой публикации рассматриваются многочисленные новые находки джучидских монет, сделанные на Муранском селище (у с. Муранка Шиганского района на р. Усе, в районе Самарской Луки). Памятники Орды были распространены в районе Самарской излучины. Они отмечаются разными авторами, начиная с путешественников XVIII в. Можно предполагать, что все они имели развитое монетное обращение. Но к настоящему времени Муранское селище – это единственный памятник в Самарском Поволжье, материалы которого стали известны в большом объеме. Можно полагать, что это был один из крупнейших населенных пунктов Золотой Орды в регионе. Поселение протянулось по берегу реки более чем на 3 км., а вглубь берега – более чем на 1 км. По сведениям XIX в. в этой местности располагалась «мизгит», т.е. мечеть или минарет. В.Н. Поливановым был исследован очень крупный могильник XIV в. и найдена надгробная каменная плита с арабской надписью из Корана

[19]. То есть, по этим и другим сведениям, видно, что у с. Муранка в XIV в. располагался значительный город эпохи Золотой Орды.

7 монет с Муранского селища из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина были опубликованы в 2012 г. [8]. Из них 6 экз. монет серебряные, чеканенные в период со второй половины XIII в. до первой половины XIV в. В той же работе приводятся данные о 248 экз. и 35 экз. монет, найденных на Муранском селище. Место их хранения не указано (по всей видимости, монеты из частных коллекций) [18, с. 159].

Муранское поселение было затоплено в 1950-е гг. водами Куйбышевского водохранилища, но в 2010 г. из-за значительного спада уровня воды территория памятника оказалась на поверхности земли. В основном в 2010 г. на памятнике различными частными лицами были собраны тысячи золотоордынских монет (точное число остается неизвестным) и множество других предметов этой эпохи. Исходя из данной информации, можно уверенно считать, что на поселении в золотоордынское время существовало развитое монетное обращение.

Автору удалось зафиксировать сведения о более 900 золотоордынских монетах, найденных в 2010 г. на Муранском селище. Таким образом, это число монетных находок в несколько раз превосходит число всех монет Золотой Орды, найденных на различных поселениях Самарской Луки и опубликованных к настоящему времени.

Информация о монетных находках приводится в том объеме, в каком удалось ее зафиксировать (111 серебряных и 796 медных средневековых монет).

Серебро: Ариг-Буга: Булгар б.г. (б.г. – без года) – 1; анонимные: Булгар б.г. – 2 (Сингатуллина № 42); Укек г.(?) – 5; ан-Насир лид-Дин: Сарай(?) б.г. – 1; Азак б.г. – 1 (начало XIV в.); Токта: Маджар б.г. – 1; Сарай ал-Махруса 710 г.х. (г.х. – год хиджры) – 5; Узбек: Сарай ал-Махруса 722 г.х. – 4; Сарай 727 г.х. – 1, г.(?) – 19; Булгар ал-Махруса 722 г.х. – 1, 723 г.х. – 1, 732 г.х. – 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 742 или 743 г.х. – 1, 743 г.х. – 2, 744 г.х. – 1, 746 г.х. – 2, 740-е гг.х. – 2; Сарай ал-Махруса 749 г.х. – 1; Сарай ал-Джедид 752 г.х. – 1, 754(?) г.х. – 1, 750-е гг.х. – 1, г.(?) – 22 (из них одна обрезана); Гюлистан 752 г.х. – 3, 753 г.х. – 2, г.(?) – 3; Бердибек: Гюлистан 759 г.х. – 2, г.(?) – 1; Сарай ал-Джедид 759 г.х. – 2 (из них одна с надчеканкой в виде виньетки), г.(?) – 1; Кульпа: Сарай ал-Джедид 760 г.х. – 1; Хызр: Гюлистан 761 г.х. – 3; Кильдибек: Сарай ал-Джедид 762(?) г.х. – 1; неопределенная чекана Сарая ал-Джедид – 1; неопределенные – 13 (из них две – булгарские конца XIII – начала XIV в. и из них одна со следами перечекана или двойного удара); Хулагуиды: Сулейман: город(?) г.(?) – 1.

Медь: ан-Насир лид-Дин Аллах: б.м. и б.г. – 2; Менгу: Булгар б.г. – 6 (перечеканы из монеты ан-Насир лид-Дин Аллах); анонимные: Булгар б.г. – 2 (решетка), 734 г.х. – 61; Сарай 731 г.х. – 1; Сарай 1330-е гг. – 108 (зверь и солнце); Мохши 741 г.х. – 1; Джанибек: Хорезм 749 г.х. – 3; анонимные: Крым 1340-е гг. – 1 (орел); Сарай ал-Джедид 1340-е гг. – 196 (двуглавый орел), 1350–1360-е гг. – 210 (цветочный орнамент, из них 1 экз. со следами неясного перечекана); Базджин (Барджин) 753 г.х. – 5; Мохши 758 г.х. – 1; Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 70; Гюлистан 762 г.х. – 76; город(?) 762 г.х.

– 3; анонимные: Гюлистан 764 г.х. – 2; неопределенная чекана Сарая ал-Джедид – 1; неопределенная чекана Хорезма(?) – 1; неопределенные – 46.

Помимо золотоордынских монет здесь же были найдены три древнегреческие монеты, чеканенные в Пантикапее:

1–2) Голова безбородого сатира в плющевом венке; лук и стрела, ПАН [28. Табл. VI, 66]. Первая половина III в. до н.э.

3) Голова Аполлона; лук в горите, ПАН [28. Табл. VIII, 95]. Первая половина – середина II в. до н.э.

Ранее античные монеты неоднократно встречались в Поволжье. Свод находок на 1920-е гг. был опубликован Б.В. Зайковским [7]. Более половины мест находок в Поволжье связаны с районами, где расположены селища и городища времени Золотой Орды. Наибольшее число находок рассматриваемых монет происходит с Водянского городища (около полусотни экземпляров). На других памятниках, возникших в золотоордынскую эпоху, находки монет домонгольского времени единичны. Интересно, что почти все памятники золотоордынского времени в Поволжье, где были найдены домонгольские монеты, не имеют подстилающего культурного слоя. Д.Б. Шелов связывал поступление ольвийских монет в Нижнем Поволжье с античным временем. По его мнению, находки античных монет в Нижнем Поволжье отражают какие-то связи этого региона с античными центрами [29, с. 296]. Однако, на мой взгляд, некоторые из этих находок могут быть связаны и с золотоордынским временем [17]. Присутствие античных монет на золотоордынском городище на Самарской Луке в целом не является чем-то необычным: подобные находки отмечены на территории многих крупных городов Золотой Орды.

Муранское селище известно с конца XIX в. С 1890 до 1902 гг. с перерывами исследования у с. Муранки проводил выдающийся симбирский исследователь В.Н. Поливанов (1848–1915 гг.), а в 1950-е гг. – А.Е. Алихова. В большей степени археологами исследовался могильник XIV в. (было вскрыто более 800 погребений, оставленных в основном мордовским населением). Раскопки конца XIX в. проводились поспешно, поэтому погребения часто не описывались. Несмотря на публикации, осуществленные В.Н. Поливановым, не весь материал, собранный исследователем, в настоящее время известен. Особенно это касается нумизматических находок. Например, известно, что при исследовании могильника в погребениях было найдено много джучидских монет. Состав этих находок не совсем ясен, особенно это касается количества найденных монет и их металла. Среди монет были названы следующие: серебро: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г.х. – 1; медь: анонимные или Узбек: город(?) 731 г.х. – 1; анонимные: Болгар 734 г.х. – 6; Джанибек: Сарай ал-Джедид 747 г.х. – 1 (эта и некоторые следующие монеты, возможно, являются не медными, а серебряными – *А.П.*); Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 1; Тимур-Ходжа: город(?) 762 г.х. – 1 (очевидно, чекан Сарая ал-Джедид – *А.П.*); анонимные: Сарай ал-Джедид г.(?) – 2 (тип? время? – *А.П.*); «с изображением двуглавого орла» – 1 (Сарай ал-Джедид, 1340-е гг.? – *А.П.*) [22, с. 89, 93; 13, с. 101; 19, с. 130; 20, с. 27; 21, с. 156; 27, с. 196, № 423]. По данным, которые не были опубликованы В.Н. Поливановым, известно, что в одном из погребений в 1889 г. исследователем была найдена монета Джанибека 743 г.х. [8, с. 8] (вероятно, это серебряная монета, чеканенная в Сарае ал-Джедид – *А.П.*), а в 1902 г. в погребениях было

найдено 7 серебряных и 13 медных монет, определений которых, к сожалению, не сохранилось [8, с. 13–14]. При исследованиях А.Е. Алиховой на Муранском селище были найдены 4 медные монеты: Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 2; анонимные: Сарай ал-Джедид 761 г.х. – 1, 762 г.х. – 1 [1, с. 294–295; 27, с. 196, № 423]. При раскопках могильника в одном из захоронений экспедицией А.Е. Алиховой было найдено десять медных анонимных монет Сарая ал-Джедид (761 г.х. – 3, 763 г.х. – 1, 761–763 гг.х. – 6) [1, с. 299; 27, с. 187, № 330].

Исходя из этих данных, видно, что состав монетных находок, сделанных экспедициями В.Н. Поливанова и А.Е. Алиховой, подобен составу монетных находок, публикуемых в данной работе. Интересно также отметить следующий любопытный факт. В Кабинете монет и медалей Национальной библиотеки в Париже хранится крупнейшая в странах дальнего зарубежья коллекция монет Золотой Орды, насчитывающая тысячи в основном медных золотоордынских монет XIV в. Автор изучал эту парижскую коллекцию в 2008 г. Состав большей части коллекции напоминает состав находок на золотоордынских поселениях Татарстана, а также Самарской и Саратовской областей. История формирования этой коллекции, по всей видимости, неизвестна (возможно, что архивные исследования позволят в будущем обнаружить данные по этому вопросу). Хотелось бы обратить внимание на то, что в археологических работах вместе с В.Н. Поливановым принимал участие французский археолог барон де Бая. О заинтересованности де Бая в этих работах свидетельствует тот факт, что в 1894 г. им было сделано сообщение о муранских древностях на конгрессе ориенталистов в Женеве. Известно, что де Бай интересовался и другими золотоордынскими памятниками, расположенными в Поволжье (в т.ч. Болгарское и Увекское городища). Не исключаю, что коллекция монет Золотой Орды, хранящаяся в Париже, связана с деятельностью де Бая. Возможно, что она состоит из монет, найденных на разных памятниках. Не исключаю, что среди них много монет с Муранского селища. Хочется надеяться, что данные о формировании парижской коллекции золотоордынских монет удастся обнаружить в будущем.

Рассмотрим данные по составу находок. Обращает внимание большое число серебряных монет по отношению к медным. Можно предполагать, что в комплексе присутствуют части разрушенного клада (или кладов) серебряных монет.

Исходя из находок монет XIII в., можно полагать, что населенный пункт уже существовал во второй половине XIII в. Но небольшое число находок монет XIII – начала XIV в. позволяет связывать значительный рост города со временем не раньше 1330-х гг. (правление хана Узбека). К этому времени относится резкий подъем городов в Поволжье. Монетное обращение (и, вероятно, сама городская жизнь) оставалось стабильным на протяжении всего периода 1330–1350-х гг. Как и на других золотоордынских памятниках Поволжья преобладающими являются для этого периода пулы Сарая 1330-х гг. с изображением льва и солнца, пулы Сарая ал-Джедид 1340-х гг. с изображением двуглавого орла, пулы Сарая ал-Джедид 1350-х гг. с изображением цветочного орнамента. Наибольшее количество монет (около половины находок) приходится на время правления хана Джанибека (1340–1350-е гг.). При этом примерно на равные группы распределяются монеты 1340-х и 1350-х гг. Не на всех золотоордынских памятниках это так. Некоторые золотоордынские

памятники имеют очень небольшое число монет 1340-х гг. (с двуглавым орлом), а некоторые почти не имеют монет 1350-х гг. (например, значительно меньше таких монет в Болгаре) [15]. Самыми поздними массовыми монетными находками являются монеты хана Хызра 762 г.х. (это является типичным для многих памятников как Среднего, так и Нижнего Поволжья). Только несколько монет относятся к более позднему времени (самые последние монеты – 764 г.х.), и это позволяет уверенно считать, что город был оставлен в результате гражданской войны в Золотой Орде в начале 1360-х гг.

Распределение монетных находок по монетным дворам в целом напоминает распределение находок на памятниках Нижнего Поволжья (преобладание основных нижеволжских монетных дворов – Сарая, Сарая ал-Джедид, Гюлистана), но отличительной особенностью можно считать наличие монет, выпущенных в соседнем Булгаре (булгарские монеты являются преобладающими для раннего периода монетного обращения в XIII в.). Несколько экземпляров золотоордынских монет чеканены за пределами Поволжья (Крым, Приазовье, Средняя Азия). Один экземпляр относится к иноземному чекану иранской династии Хулагуидов. Необычным для Поволжья является небольшое число монет Мохши, монетного двора, располагавшегося недалеко от Самарской Луки (г. Наровчат в Пензенской области). Монеты Мохши встречаются чаще на памятниках Самарской области и в Татарстане.

* * *

Автору стали известны также и другие единичные находки джучидских монет в Самарской области, сделанные в последние годы частными лицами:

1. Безенчуг. Подражание серебряной монете Токтамыша чеканки Сарая ал-Джедид.
2. Севрюкаево. Серебро: Узбек: Сарай 727 г.х. – 1.
3. Сухая Вязовка. Серебряная монета Узбека.
4. Похвистнево. На Сухореченском поселении были найдены анонимный болгарский дирхем конца XIII – начала XIV в. и анонимный болгарский пул 734 г.х. Ранее при археологических исследованиях этого же поселения был найден золотоордынский дирхем [6, с. 140] и (или) «анонимный пул конца XIII в.» [9, с. 311].
5. Сызрань. Серебро: Узбек: Сарай – 1.
6. Танкеевка. В 2 км от села, в сосновом лесу, найден пул Менгу каана (перечекан из монеты с именем ан-Насир лид-Дин Аллаха).
7. р. Усы верховья. Серебро: Джанибек хан, Сарай ал-Джедид 742 или 743 г.х. Медь: анонимные: Булгар б.г. – 1 (орнамент в виде решетки); Сарай ал-Джедид 1340-е гг. – 2 (двуглавый орел), 1350–1360-е гг. – 5 (цветочный орнамент); Тимур-Ходжа: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 1; Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 1; неопределенные – 1.
8. Точное место находки неизвестно (Самарская обл.). Серебро: Джанибек: Гюлистан 753 г.х. – 1. Медь: анонимные: Сарай ал-Джедид 1350–1360-е гг. – 1 (цветочный орнамент).

* * *

Ранее автором (вместе с самарским археологом А.Ф. Кочкиной) был опубликован небольшой комплекс монетных находок, сделанных у с. Лбище Ставропольского р-на на Самарской Луке. В поступившей в Самарский музей коллекции насчитывается 18 джучидских монет XIV в. от времени Узбека до 1360-х гг., среди которых 2 серебряные монеты и 16 медных монет [10]. По количеству монетных находок этот комплекс значительно уступает муранскому, но состав его очень близок. Это позволяет говорить, что золотоордынские поселения у с. Лбище и у с. Муранка имели сходную историю (по всей видимости, возникли и прекратили свое существование примерно в одно и то же время). К сожалению, серий нумизматических находок с других золотоордынских памятников Самарской Луки больше не публиковалось, но данные по составу монетных кладов также могут быть привлечены для изучения истории Самарской Луки в это время. В непосредственной близости от с. Муранки были найдены три клада с серебряными монетами: Старые Костычи, 1868; Губино, 1891; Губино, 1900 [19, с. 9, 39; 21, с. 527; 26, с. 137; № 40–42]. Возможно, что эти клады (по крайней мере, найденные у Губино) связаны с Муранским селищем. Большая часть монетных кладов Самарского Поволжья относится ко времени «великой замятни», и их состав подобен составу серебряных монет с Муранского селища, которое тоже прекратило существование в период «великой замятни». Так, несколько кладов имеют младшие монеты хана Мюрида (Старые Костычи, 1868; Губино, 1900; городище на Самарской луке, 2000-е гг.) [19, с. 39; 21, с. 527; 26, с. 137; № 41–42; 16, с. 164, № 25], Хайр-Пулада или Абдаллаха (Большая Репьевка, 1865) [26, с. 138; № 44], монеты неуказанного хана 766 г.х. (Губино, 1891) [19, с. 9; 26, с. 137; № 40]. Т.е. наиболее разрушительным временем для золотоордынских городов Самарского Поволжья (как и в Волжской Болгарии) были 1360-е гг. (особенно 764 г.х.). Монетное обращение и города в Поволжье приходят в упадок уже в 1360-е гг. Причиной этого являлись междоусобные войны.

* * *

Необходимо поставить вопрос об имени золотоордынского населенного пункта, находившегося в XIII–XIV вв. на месте Муранского селища. Важным источником для изучения исторической географии Поволжья являются западноевропейские карты XIV–XV вв. Применительно к Самарскому Поволжью, пожалуй, наибольший интерес среди них вызывает карта братьев Пицигани 1369 г. На этой карте отмечен город *Samag* на левом берегу Волги и несколько населенных пунктов на правом берегу [5, с. 168; 2]. Все эти населенные пункты в настоящее время остаются нелокализованными, а золотоордынский город *Samag* – не найден. Возможно, городище было затоплено Куйбышевским водохранилищем или уничтожено при строительстве Самары. Учитывая размеры, торговое значение Муранского селища, одновременность его существования со временем составления карты Пицигани (время правления хана Узбека в Орде), можно полагать, что этот населенный пункт вероятно отмечен на карте Пицигани. По данным путешественников XVIII в., в рассматриваемом регионе располагались развалины и других золотоордынских

населенных пунктов (городище Костычи и городище Переволоцкое), но значение, размеры этих памятников в сравнении с Муранским селищем не совсем ясны. Город Samar должен был располагаться примерно в районе позднейшей Самары. На карте Пицигани, на правом берегу Волги, напротив Samar стоит надпись lamaugam. Считаю, что необходимо обратить внимание на сходство этого топонима с названием села Муранка, расположенным на реке с тем же названием. Происхождение названия не совсем ясно. В настоящее время исследователи предполагают, что этимология Муранки связана с монгольским нарицательным названием реки («мурин») [3], отмечая, что в топонимии Поволжья имеется целый ряд монголизмов [4].

* * *

Таким образом, в результате исследования введены в оборот новые нумизматические источники (монеты, найденные на Муранском селище и на соседних археологических памятниках Самарской области), изучена история монетного обращения Муранского селища и сопоставлена с монетным обращением других памятников Поволжья. На основе монетных находок сделаны выводы о том, что населенный пункт на месте Муранского селища существовал во второй половине XIII в. и пришел в упадок в начале 1360-х гг. (расцвет пришелся на 1340–1350-е гг.). Поставлен вопрос о возможной связи Муранского селища с надписью lamaugam, отмеченной в Поволжье на карте Пицигани 1367 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // *Материалы и исследования по археологии СССР. № 42.* М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 485–499.
2. *Багров Л.* История русской картографии. М.: Центрполиграф, 2005. 523 с.
3. *Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.* Самарская топонимика. Самара: Самарский университет, 1996. 192 с.
4. *Барашков И.Ф.* Монголизмы в топонимии Среднего Поволжья // *Ономастика Поволжья.* Вып. 3. Уфа, 1973. С. 250–255.
5. *Брун Ф.К.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 2. Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879. 707 с.
6. *Васильева И.Н.* Раскопки Сухореченского поселения // *Археологические открытия 1981 г.* М.: Наука, 1982. С. 139–140.
7. *Зайковский Б.В.* Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных находок древнего времени до XIII в. включительно // *Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения.* Вып. 35, ч. 1 (Археологический сборник). Саратов: Полиграфпром, 1926. С. 41–50.
8. *Зубова О.В.* Архивная находка. История открытия и исследования Муранского могильника в XIX–XX вв. // *Краеведческие записки.* Вып. XII. Самара: Самарский краеведческий музей, 2007. С. 6–14.
9. *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье.* М.: Наука, 2000. 423 с.
10. *Кочкина А.Ф., Пачкалов А.В.* Монеты XIV в. с поселения Лбище // *Краеведческие записки.* Вып. 12. Самара: Самарский краеведческий музей, 2005. С. 99–106.

11. *Морозов Б.Ю.* Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. 3. Самара: Самарский краеведческий музей, 1995. С. 319–328.
12. Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1892. 127 с.
13. Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 г. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1893. 187 с.
14. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 7. Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1957. 123 с.
15. *Пачкалов А.В.* Город Болгар в период правления хана Джанибека (1340–1350 е гг.) по нумизматическим данным // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Сборник научных докладов и сообщений. Ч. 1. Казань: Казанский государственный университет, 2004. С. 118–122.
16. *Пачкалов А.В.* Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. Нижний Новгород: «Информэлектрон», 2004. С. 158–171.
17. *Пачкалов А.В.* Находки античных и раннесредневековых монет на поселениях Золотой Орды // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2/2008. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2008. С. 219–224.
18. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.). Материалы научно-практической конференции. Самара: ООО «Офорт», 2012. С. 153–159.
19. *Поливанов В.Н.* Муранский могильник. Симбирск: Тип. О.В. Мураховской, 1893. 16 с.
20. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губ. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 61 с.
21. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
22. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 28. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 277 с.
23. *Фасмер Р.Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 287–308.
24. *Фасмер Р.Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 1926–1928 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 281–324.
25. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.
26. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–207.
27. *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 165–221.
28. *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 220 с.
29. *Шелов Д.Б.* Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 296–299.

Сведения об авторе: Александр Владимирович Пачкалов – кандидат исторических наук, доцент, директор Музея финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (125468, Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация). E-mail: zolornum@mail.ru

Поступила 31.08.2018 Принята к публикации 07.11.2018

Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Alikhova A.E. Muranskiy mogil'nik i selishche [Muran burials and settlement]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR=The reports and researches on Soviet archaeology*. No. 42. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1954, pp. 485–499. (In Russian)
2. Bagrov L. *Istoriya russkoy kartografii* [The History of Russian Cartography]. Moscow, Centrpoligraf, 2005. 523 p. (In Russian)
3. Barashkov V.F., Dubman E.L., Smirnov Yu.N. *Samarskaya toponimika=The toponimy of Samar region*. Samara, Samara State University Publ., 1996. 192 p. (In Russian)
4. Barashkov I.F. Mongolizmy v toponimii Srednego Povolzh'ya [Mongol language in the toponimy of the Middle Volga region]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Is. 3. Ufa, 1973, pp. 250–255. (In Russian)
5. Brun F.K. *Chernomor'ye. Sbornik issledovaniy po istoricheskoy geografii Yuzhnoy Rossii=The Black Sea region. Research Collection on Historical Geography of the South Russia*. Part 2. Odessa, Tipografiya G. Ul'rikha, 1879. 707 p. (In Russian)
6. Vasil'yeva I.N. Raskopki Sukhorechenskogo poseleniya [The excavation of Suhaya rechka settlement]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1981 g.=Archaeological Discoveries of 1981*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 139–140. (In Russian)
7. Zaykovskiy B.V. Iz monetnykh letopisi Nizhne-Volzhskoy oblasti. Topografiya naiboleye dostovernnykh monetnykh nakhodok drevnego vremeni do XIII v. vkhlyuchitel'no [From coin annals of the Low Volga region. The topography of the most reliable coin finds from ancient time until the 13th century]. *Trudy Nizhnevolzhskogo oblastnogo nauchnogo obshchestva krayevedeniya=Proceeding of the Lower Volga Society for Study of Local History*. Is. 35, part 1. Saratov, Poligrafprom, 1926, pp. 41–50. (In Russian)
8. Zubova O.V. Arkhivnaya nakhodka. Istoriya otkrytiya i issledovaniya Muranskogo mogil'nika v XIX–XX vv. [The finds from archive. The history and research of Muran settlement in the 19th–20th centuries]. *Krayevedcheskiye zapiski=Local History Notes*. Is. 12. Samara, Samarskij kraevedcheskij muzej, 2007, pp. 6–14. (In Russian)
9. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'ye=The History of the Samar Volga Region from the Most Earliest Times to the Present. Early Iron Age and the Middle Ages*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 423 p. (In Russian)
10. Kochkina A.F., Pachkalov A.V., Monety XIV v. s poseleniya Lbishche [The finds of coins of the 14th century from the Lbishhe settlement]. *Krayevedcheskiye zapiski=Local History Notes*. Is. 12. Samara, 2005, pp. 99–106. (In Russian)
11. Morozov B.Yu. Topografiya kladov i sluchaynykh nakhodok monet na territorii Kuybyshevskoy (Samarskoy) oblasti [The topography of hoards and occasional finds on the territory of the Kuybishev (Samar) region]. *Krayevedcheskiye zapiski=Local History Notes*. Is. 3. Samara, Samarskij kraevedcheskij muzey, 1995, pp. 319–328. (In Russian)

12. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1889 g.* = *The Report of Imperial Archaeological Commission in 1889*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1892. 127 p. (In Russian)
13. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1891 g.* = *The Report of Imperial Archaeological Commission in 1891*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1893. 187 p. (In Russian)
14. Pakhomov E.A. *Monetnyye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza* = *The Coin Hoards of Azerbaijan and Others Republics and Regions of Caucasia*. Is. 7. Baku, Akademiya nauk Azerb. SSR Publ., 1957. 123 p. (In Russian)
15. Pachkalov A.V. *Gorod Bolgar v period pravleniya khana Dzhani-beka (1340–1350-e gg.) po numizmaticheskim dannym* [The history of Bolghar city during the Janibek Khan's reign (1340–1350s) under numismatic sources]. *125 let Obshchestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* = *125 Years of Archaeological, Historical and Ethnographic Society under Kazan University*. Part I. Kazan, Kazan State University Publ., 2004, pp. 118–122. (In Russian)
16. Pachkalov A.V. *Novyye nakhodki kladov zolotoordynskikh monet* [New Finds of hoards with the coins of Golden Horde]. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov* = *Antiquities of the Volga and Other Regions*. Issue V. *Numismatic Collection*. Nizhniy Novgorod, Informelektro, 2004, pp. 158–171. (In Russian)
17. Pachkalov A.V. *Nakhodki antichnykh i rannesrednevekovykh monet na poseleniyakh Zolotoy Ordy* [The finds of ancient and early-medieval coins on Golden Horde settlements]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* = *The Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan*. 2008, no. 2. Ural'sk, Zapadno-Kazakhstanskiy oblastnoy tsentr istorii i arkheologii, 2008, pp. 219–224. (In Russian)
18. Petrov P.N. Bugarchev A.I. *Analiz numizmaticheskikh nakhodok dzhuchidskikh monet s territorii Samarskoy Luki iz kolleksii Samarskogo oblastnogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya im. P.V. Alabina* [The analysis of numismatic finds of Jochid coins from the territory of Samara Luka from a collection of the Samara regional local history museum named after P.V. Alabin] *Sredneye Povolzh'ye v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII – XVI v.)* = *The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: On the Crossroads of Cultures (the end of the 13th–16th century)*. Samara, OOO "Ofort", 2012, pp. 153–159. (In Russian)
19. Polivanov V.N. *Muranskiy mogil'nik* [Muran burial ground]. Simbirsk, Tip. O.V. Murahovskoy, 1893. 16 p. (In Russian)
20. Polivanov V.N. *Arkheologicheskaya karta Simbirskoy gubernii* [The Archaeological Map of the Simbirsk Region]. Simbirsk, Tipo-litogr. A.T. Tokareva, 1900. 61 p. (In Russian)
21. Rybakov B.A. *Remeslo drevney Rusi* [The Craft of Ancient Rus']. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1948. 803 p. (In Russian)
22. Smirnov A.P. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* [The sketches on ancient and medieval history of the Middle Volga and Cis-Kama population]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on the Archaeology of the USSR]. No. 28. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 277 p. (In Russian)
23. Fasmer R.R. *Spisok monetnykh nakhodok, zaregistrirrovannykh Sektsiyey numizmatiki i gliptiki Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (GAIMK) v 1920–1925 gg.* [The list of coin finds registered by section of numismatics and glyptics of the State Academy of history of material culture in 1920–1925]. *Soobshcheniya GAIMK* = *Reports of the State Academy of History of Material Culture*. Vol. I. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1926, pp. 287–308. (In Russian)
24. Fasmer R.R. *Spisok monetnykh nakhodok, zaregistrirrovannykh Sektsiyey numizmatiki i gliptiki Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (GAIMK) v 1926–1928 gg.* [The list of coin finds registered by section of numismatics and glyptics of

the State Academy of history of material culture in 1926–1928]. *Soobshcheniya GAIMK=Reports of the State Academy of History of Material Culture*. Vol. II. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1929, pp. 281–324. (In Russian)

25. Fakhrutdinov R.G. *Arkheologicheskiye pamyatniki Volzhsko-Kamskoy Bulgarii i eye territorii=Archaeological Monuments of the Volga-Kama Bulgharia and Its Territory*. Kazan, Tatknigoizdat, 1975. 219 p. (In Russian)

26. Fedorov-Davydov G.A. Klady dzhuchidskikh monet [The hoards of Jochid coins]. *Numizmatika i epigrafika=Numismatics and Epigraphics*. Vol. I. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960, pp. 94–207. (In Russian)

27. Fedorov-Davydov G.A. Nahodki dzhuchidskikh monet [The finds of Jochid coins]. *Numizmatika i epigrafika=Numismatics and Epigraphics*. Vol. IV. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963, pp. 165–221. (In Russian)

28. Shelov D.B. *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.je.=The Mintage of Bospor in the 6th–2nd centuries BC*. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1956. 220 p. (In Russian)

29. Shelov D.B. Ol'viyskiye monety v Povolzh'ye [The finds of Olbian coins in the Volga region]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy=Antiquities of Eastern Europe*. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 296–299. (In Russian)

About the author: Aleksandr V. Pachkalov – Cand. Sci. (History), Financial University under the Government of the Russian Federation, Assistant Professor, Director of Financial Museum (49, Leningradsky prospect, Moscow 125468, Russian Federation). E-mail: zolornum@mail.ru

*Received August 31, 2018 Accepted for publication November 7, 2018
Published December 29, 2018*

CRIMEAN SCHOLARS IN MAMLUK SYRIA (13th–14th CENTURIES): CAREERS AND LEGACY

Mykhaylo Yakubovych

National University of Ostroh Academy

Ostroh, Ukraine

mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua

Abstract: *Objective:* Using the available manuscripts and historical biographies, this study is dedicated to covering the preliminary biographical data, career stories and the preserved written legacy of Crimean scholars who were active in the Syrian part of Mamluk Sultanate. A discussion of the Crimean families (both the “native” Crimeans and those who stayed there for some time) who settled in Syria and their impact on the social and intellectual life of the Mamluk Sultanate will show not only the level of relations between Mamluk Syria and the Crimean Ulus of the Golden Horde, but also how early Crimean scholars used their opportunities to make successful careers in their new homeland.

Research material: This article analyses two “Crimean” scholarly families (the one in Damascus and the second one in Tripoli). First, it is obvious that most of them were previously tied to Crimea and probably received an early education there, since their *nisbah* was more broadly used than the previous Central Asian ones (like *al-Turkistani* for those scholars who was born outside of Crimea). What seems to be a common feature for the scholars is that all of them were experts in Hadeeth and at least three of them were students of as renowned an authority as Ibn Shihnah (d. 1330). Even those who were of Sufi background continued to practice the teaching of Hadeeth (like Ahmad ibn ‘Uthman al-Qirimi and Muhammad al-Qirimi). Some of them (like Hussam al-Din al-Qirimi) were also teachers in Mamluk medrese. At least two of Crimean scholars were judges (Hussam al-Din al-Qirimi and Muhammad al-Qirimi) and probably received a patronage from the local Mamluk emirs.

Results and novelty of the research: It appears that the typical career pattern in medieval Damascus involved the necessity of obtaining some diplomas (*ijazah*) from local scholars, and the study of Hadeeth was a good point of entry because it opened the way for the prospective engagement in administrative positions (like being a judge) or at least to some paid position in medrese. These connections and patronage also provided good prospects for younger family members. Thus, we see how they continued along the same career path as their fathers. At least two Crimean scholars (Ahmad ibn ‘Uthman al-Qirimi and Hussam al-Din al-Qirimi) were also connected to another foreign figure in Mamluk Syria, a chief judge (*qadhi al-qudha*), Jalal al-Din al-Qazwini (d. 1337). Generally speaking, it could be said that Crimean scholars were welcomed into the type of “international scholarly community” that we encounter in the Syrian case. Similar words could be said about Mamluk Egypt which was also one of the most desirable destinations for Crimeans already in the fourteenth century. Further studies of the scholars who were of Crimean origin (like Hussam al-Din al-Qirimi al-Sulkhati) and travelled to Mamluk Sultanate could answer more questions about their primary education, interests and the legacy they left to the intellectual history of Islam.

Keywords: Golden Horde, Mamluk Sultanate, Crimea, Islamic law, Hadeeth Scholarship, Medrese, Manuscripts

For citation: Yakubovych M. Crimean Scholars in Mamluk Syria (13th–14th centuries): Careers and Legacy. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 719–728. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.719-728

It is widely known fact that the first waves of Islamisation in Crimean peninsula happened long before the “official” acceptance of Islam as a Golden Horde state religion (1313/1314). Some of the sources, including both the external ones (like *Rihlah* of Ibn Battuta [18, p. 157]) and the internal ones (for example, report of Ahmad al-Qirimi, d. 1474 to the Ottoman Sultan Mehmed the Conqueror [19, p. 71]), reveal about “hundreds” of scholars operating in Crimea since the old times. Many of these scholars, as it is obvious from their nisbah, came to the peninsula from the Central Asia and Persia; for example, Ibn Battuta mentions the scholar with *nisbah* “Khorasani” [18, p. 157]; O. Aqçoqraqlı in his studies revealed research on a few tombstones, where scholars from Iraq and Anatolia were buried, while E. Goncharov and I. Zaytsev came to the conclusion that one of the oldest tombs in Eski-Yurt belongs to someone Ahmad ibn Mahmud al-Barjinligy from the old city of Barjinlig in Syr Darya shore [20]. Moreover, some of the oldest extant manuscripts where *nisbah* al-Qirimi is mentioned along with Central Asian ones are preserved in some of the Middle Eastern libraries. In the National Library of Israel (Jerusalem), there is a copy of famous Hadeeth collection *Jami’ al-Sahih*, written in Damascus by someone “Muhammad bin ‘Ali bin ‘Abd al-Rahman al-Jandi by birth, Al Qirimi by origin, on the fourth day... of the blessed month Shaaban of 711 (December 15, 1311)”¹. Thus, this scholar has been born in Central Asian city of Jand or Jend, mentioned by many Arab geographers, then moved to Crimea and finally settled in Syria. Another scholar, Diya’ al-Din al-Qirimi (d. 1387) who spent last 20 years of his life in Cairo and left one of the works in Islamic law, belonged to the scholarly family from Qazwin in Persia and left his native city for Crimea around 1347².

Using available manuscripts and historical biographies, written by the later Mamluk historians such as Shams al-Din al-Dhahabi (1274–1348), Ibn Hajar al-Asqalani (1372–1449), Ibn Nasir al-Din al-Dimashqi (1375–1438), Ibn Qadi Shuhbah (1377–1448) and others, this study is dedicated to cover preliminary biographical data, career stories and preserved written legacy of the Crimean scholars who were active in Syrian part of Mamluk Sultanate. Since in the age of early Ottoman extension over Anatolia (14th century) Syrian cities of Aleppo and Damascus were important points in pilgrims way from Crimea to Makkah (as it is stated by Sharaf al-Din al-Qirimi in his work, who travelled by this road in 1407)³, for the Crimeans Syria was the most close part of Mamluk state. Description of the Crimean families (both the “native” Crimeans and those previously stayed here for some time) who settled here and their impact on the social and intellectual life of

¹ *Al-Jami’ al-Sahih*. The National Library of Israel (Jerusalem). Ms. Yah. Ar. 103. 405 ff.

² Al-Qirimi, Diya’ al-Din. *Talkhis minhaj al-wusul*. Khalidyah Library (Jerusalem). No. 459. 34 ff.

³ Al-Qirimi, Sharaf bin Kamal. *Sharh Manar al-Anwar*. Princeton University Library. Mss. No. 5738Y. 361 ff.

Mamluk Sultanate will show not only the level of relations between the Crimean Ulus of the Golden Horde and Mamluk Syria, but also how early Crimean scholars used their opportunities to make successful careers in the new homeland. Of course, the author is far from claiming this study to be finalizing and comprehensive (since many of the Mamluk sources still consist of uncatalogized manuscripts and, unfortunately, suffer from the war events in Syria), but even the exploration of the few Crimean scholarly families in medieval Damascus, Jerusalem and Tripoli may shed light on some previously unknown facts.

The earliest of the known Crimeans is ‘Abu Abdallah (and Abu l-‘Abbas) Ahmad ibn ‘Uthman al-Qirimi, who is mentioned by Ibn Nasir al-Din [4, p. 462] and Ibn al-Jazarri [15, p. 78]. Nothing is said about his past life, just that he was a Sufi (*al-Sufi*) and came to Damascus by 695 hijri (around 1296). Since he carry no other *nisbah* in both sources, it looks that his birthplace was some place in Crimea, and he was coming from Muslim family (however, some later sources ascribed to his son *nisbah* “Al-Turkistani” [7, p. 90]), so he could born in some Central Asian family of newcomers to Crimea. Ibn al-Jazarri said he was born after 660/1261; thus, he could be around thirty or little older when coming to Damascus. List of his teachers (mostly scholars of Hadeeth and Qur’anic recitation, *qira’at*) includes Ibrahim al-Badawwi (d. 1308), Ahmad ibn Jabbarah (1328) and Abu Bakr bin Qasim al-Tunisi (d. 1342) [4, p. 462]. What is also added by ibn al-Jazzari is that Ahmad ibn Uthman al-Qirimi was a close friend of *Qadhi al-Qudha’* (“Chief Judge”) Jalal al-Din al-Qazwini (d. 1337); this well-known Persian scholar and author of a few books on the rhetoric in Arabic language also was a foreigner, coming to Damascus around 1291 after being judge in “some part of the Rum” (meaning Anatolia) in a very young age, no more than twenty [10, p. 5]. It could be supposed that Ahmad ibn Uthman al-Qirimi meet Jalal al-Din al-Qazwini before coming of both to Damascus in the 1290s and then joined him here; nothing is said, however, about the students or works of Ahmad ibn Uthman al-Qirimi, who died “returning from Egypt” in Rabi al-Awwal 731/December–January of 1330 [4, p. 462].

A son of Ahmad ibn Uthman al-Qirimi, Muhammad al-Qirimi is known much better than his father. He was born in Damascus by Dhu l-Hijja 17, 720 (corresponding to January 17, 1321), studied Hadeeth along with his father in Omeyyad mosque and later became military judge in Cairo [17, p. 292]. Like his father, he belonged to Shafii school of Islamic law. However, it looks like the administrative or scholarly career was not of his main interest, so he finally settled in Jerusalem, devoting himself to the pious practices and ascetism. The place where he lived became known as *zawiyah* (“cell”) named after al-Qirimi; after his death (happened by Safar 9, 788/March 11, 1386 [5, p. 258]) he was buried here and until now all the neighbourhood in the old part of Jerusalem is known as *Hayy al-Qirimi* (not so far from Al-Aqsa Mosque). His tomb (*turbah*) is preserved here as well.

Muhammad al-Qirimi was a teacher of many students who later became experts in Hadeeth; they were al-Khalil bin Harun al-Jaza’iri and Ibn Arslan al-Ramalli (d. 1440) [1, p. 458]. Also one of his students was Sufi Abu Said bin Sari; in general, pious practices were the main point of interest for those who was describing Muhammad al-Qirimi’s biography. First of all it is said that he made all the Qur’nic recitation (*hatm*) three [5, p. 258] or five [7, p. 91] times in a day; also

some “wonders” are ascribed to him. The most comprehensive account of them is given by later Sufi scholar ‘Abd al-Ghani al-Nabulusi (1641–1731) in his *Al-Hadhrah al-Unsiyah fi l-Rihlatu l-Qudsiyah* (“Close Remembrance in the Journey to Jerusalem”), who visited tomb and mosque of Muhammad al-Qirimi in Rajab 1101 (April 1690) [9, p. 182–185]. Here he meet old Sheikh Ahmad al-Qirimi, great-grandson of Muhammad al-Qirimi, who informed Abd al-Ghani al-Nabulusi about some stories happened with his famous ancestor. True they or not, it is important to mention them here because this shows how Muhammad al-Qirimi was perceived in his times.

First of all, this is about some jurist Ahmad al-Fatawi who blamed Muhammad al-Qirimi for the common *dhikr* practice for both women and men at once, since this “mixing” (*ikhtilat*) is said to be prohibited in Islamic law. However, when a jar with this fatwah inside has been brought to Muhammad al-Qirimi and opened in a presence of this Ahmad al-Fatawi, the jurist was amazed: instead of the paper he saw there a set of fire, ice and cotton. Muhammad al-Qirimi then explained, that “cotton” means women, fire means men and the ice means “a state” (*hal*), which prevents cotton to be set on fire of passion. Following this wonder, Ahmad the jurist repented and became one of Muhammad al-Qirimi’s “representative” *naqib*. Later Muhammad al-Qirimi also instructed him by the knowledge of “great divine secret”, mysteriously bringing him to the legendary mountains of Qaf [9, p. 183–184].

Also there is a story where Muhammad al-Qirimi poses himself as authority for other Sufis; for instance, Sheikh Ibrahim al-Zaqa’ (1344–1414) from Gazza once brought him a copy of his commentary on *Al-Tanwir* by famous Ibn ‘Ata al-Iskandari (1259–1310). Muhammad al-Qirimi approved his text (*ajadta wa ahsanta*, “you have done it good and in a well manner”), but in response said that almost whole *Al-Tanwir* could be explained in two verses; their meaning could be translated in the following way: “what is not intended cannot be realized, then let your ardor to be avoided, then left those thoughts which occupy your heart, and then relax!” [9, p. 185]. There is also another story related to Sheikh Ibrahim al-Zaqa’: once Muhammad al-Qirimi was in pious isolation (*khulwa*) and asked God to sent him one of the saints with a shirt; the same moment Sheikh Ibrahim came from Gazza [13, p. 98]. What is interesting to note here, that nothing is known about past Sufi affiliation of Muhammad al-Qirimi, his Sufi mentors of belonging to any of the known tariqah; it looks that he was famous because of his personal qualities. ‘Abd al-Ghani al-Nabulusi also mentions his son, ‘Abd al-Qadir al-Qirimi, who died in 843/1439 and was buried along with his father.

Another scholarly family from Crimea, settled in Mamluk Syria, takes its roots in the personality of Shafii scholar Hussam al-Din Al-Hasan bin Ramadhan bin al-Hasan Ibn Fad-in (or Ibn Fakih) al-Alani (or Al-‘Alai) al-Sulkhati al-Qirimi, who is mentioned by numerous biographers. According to Nasir al-Din al-Dimashqi, he was born after 670 hijri (i.e. after 1271) and came to Damascus in his “maturity” (*kuhulah*) to start his education [4, p. 462]. Among his teachers were such well-known scholars of Hadeeth as Ibn Shihnah (d. 1330), al-Wadi ‘Ashi (d. 1348), Al-Barazzali (d. 1338) and Jamal al-Din al-Mizzi (d. 1341). The later was a close friend of Ahmad ibn Taymiyah (1263–1328). Around 725/1325 Hussam al-Din al-

Qirimi already was a teacher of Hadeeth in *Ribat al-Nasiri* in Damascene area of Salihyah, being examined and approved for the lessons by the aforementioned judge Jamal al-Din al-Qazwini [16, p. 257]. In some period of his life he became judge in Safed (it was in the times of its emir Seyf al-Din Jukandar, i.e. before 1334). Salah al-Din al-Safadi (d. 1362), who personally met Hussam al-Din al-Qirimi in Safed, describes him as “a handsome men with nice appearance and smile” [12, p. 18]. Later he moved to Tripoli (the one in Lebanon) and received a position of judge here, issuing also some fatwas. He died in Tripoli by Rabi al-Awwal 746 (July of 1345) [4, p. 462]. It looks that there is no other possible explanation for his *nisbah* than he could belong to the Alans and came from the well-known Crimean city of Solkhat. Unfortunately, none of his books are known.

The next well known member of this scholarly family was the son of Hussam al-Din, Abu l-Hummam Bahadir bin ‘Abdallah al-Qirimi. He started his teaching in Damascus (so it looks like he already was there before 1320, when his father studied under Ibn Shihnah) and then moved to Tripoli [4, p. 76]. His teacher also was well-known Hadeeth scholar Sadr al-Yasufi (d. 1387). In Tripoli, Bahadir bin ‘Abdallah al-Qirimi’s student was Ahmad ibn Badr (d. 1465), a Sufi scholar of Arabic grammar [13, p. 158]. Ibn Nasir al-Dimashqi also mentions that Bahadir al-Qirimi wrote *mukhtasar* of Jamal al-Din al-Mizzi’s *Tahzib al-Kamal fi ‘Asma’ al-Rijal* (“Correction of the Complete Outline in the Names of the Men”) in four volumes, one of the most popular books for Hadeeth studies, originally written by ‘Abd al-Ghani al-Maqdisi (1146–1203). It looks like this *mukhtasar* (unfortunately, it is not known whether the text preserved or not) was among the earliest written on al-Mizzi’ *Tahzeeb*. Bahadir al-Qirimi died by Shawwal 776 (March of 1375) in Tripoli [4, p. 76]. Ibn Nasir al-Dimashqi personally met his son (and grandson of Hussam al-Din al-Qirimi), Muhammad bin Bahadir al-Qirimi. This happened in Damascus “after *fitnah*” (probably the siege of Damascus by Tamerlane in 1400 is meant), when Muhammad bin Bahadir al-Qirimi was going back from his pilgrimage to Makkah. Later he died in Tripoli. No other members of this family are known, but definitely some of their offspring were continued to live in Tripoli or other cities of *Sham*.

One of the earliest Crimean scholars in Mamluk Syria was also Sufi Salih Abu ‘Abdallah Muhammad bin Sheikh Mu’min bin Malik al-Qirimi; according to Ibn Nasir al-Dimashqi (the only biographer who mentions him), he lived in Jerusalem and studied under Ibn Shihnah in Damascus (this was before 1330, when Ibn Shihna died) [4, p. 463]. He was a Sufi and had some connection to the aforementioned Muhammad al-Qirimi, since his student Abu Said bin Sari mentions his teacher’s note (*hatt*) about death of Salih al-Qirimi [4, p. 463]. According to this report, he strangled while being in some “passionate extraordinary state” (*majzub shath*) [4, p. 463]. That happened on the hill in Damascus where death penalties were usually performed, but afterwards a mosque named Yalbugha has been build there (in 747/1346) and the place ceased to be a site for the punishments [4, p. 463]. This mosque, known as Yalbugha Jami (named after the ruler who built it, namely, Seyf al-Din Yalbugha, d. 1374) existed until 1974, when demolishing and further restoration took place [11, p. 216]. Other sources are silent about this personality.

One more scholar with *nisbah al-Qirimi* was ‘Ali bin Salah bin Abu Bakr bin Muhammad bin ‘Ali al-Sukhumi al-Qirimi. He is mentioned by the most of the Syrian Mamluk biographers and seems to be one of the most notable writers of time, since two of his known works are preserved. He is reported to be an expert in tafsir, *usul al-fiqh* and the Arabic language; most of the biographers mention his ascetism, wide knowledge of the subject, devoted worship and other moral qualities. Nothing substantial concerning his biography is known apart from the fact that he was living in Aleppo and died here by 774/1372 in the age of seventy and “something” (according to Al-Asqalani [1, p. 362]; Ibn Tagriberdi, however, provides date of 714/1314, [17, p. 223]; Al-Dawudi in his *Tabaqat al-Mufasssirin* opts for the same date as Al-Asqalani [2, p. 410], so this seems to be preferable). What does “Al-Sukhumi” really means seems to be a question without any successful answer, since it is not known whether this is some place (well-known city of Sukhumi in the Kingdom of Georgia?) or merely family name.

There are two known works, written by ‘Ali bi Salah al-Qirimi. The first on is a commentary to well-known masterpiece of Hadeeth studies *Masabih al-Sunnah* by Muhi’ l-Din al-Baghavi (d. 1122), entitled *Manhal al-Yanabi’ fi Sharh al-Masabih* (“Source of Wells in the Commentary to Al-Masabih”), written in 762/1361 [6, p. 542]. One of the copies, dated back by 16th century, is preserved in Princeton University Library and contains more than eighty percent of the primary text (up to the chapter about the Day of Resurrection)⁴. The work provides many legal, grammatical and other issues of Hadeeth scholarship; *Manhal al-Yanabi’* was popular in the circles of later Hadeeth scholars, for example, some of Ali bin Salah al-Qirimi’s commentaries are mentioned as the most authoritative by Ibn al-Ajami (d. 884/1479) in his *Al-Nazir al-Sahih ‘an al-Jami’ al-Sahih* (“True Vision of the Collection of Sound Hadeeth”) [14, p. 373].

One more work preserved is *Maqasid al-Fuhul fi ‘Ilm al-Usul* (“Aims of ‘The Courageous in the Science of Law Principles’”). At least one copy is known, located in Islamic University of Madinah Library⁵. Copied in 773/1371 by Yunus bin Isma’il bin Ibrahim al-Hasani al-Dimashqi, this work provides an outline of Hanafi jurisprudence (basic principles, *usul*). Written as a commentary to the work by unknown author named *al-Fuhul fi ‘Ilm al-Usul*, the manuscript contains 114 folios with a discussion on the very principles of Islamic law. No other copies of this work are known.

Some kinds of scholarly ties between the scholars from Crimea and Mamluk Syria continued to be active in the next centuries as well. For example, the Crimean scholar Sharaf al-Din bin Kamal al-Qirimi (d. 1440), who authored *Manar al-Anwar fi Usul al-Fiqh*, a commentary over *Usul al-Fiqh* book by Abu al-Barakat al-Nasafi (d. 1310) provides a short outline of his pilgrimage to Makkah. He describes his stay in *diyar al-Sham* (“Lands of Syria”) around 1407, where he meet “big scholars” (*ulama’ al-kubbar*), who successfully accepted early drafts of his

⁴ Al-Sukhumi. *Manhal al-Yanabi’ fi Sharh al-Masabih*. Princeton University Library, Garrett 2603Yq. 247 ff.

⁵ Al-Sukhumi. *Maqasid al-Fuhul fi ‘Ilm al-Usul*. Library of Islamic University in Madinah. No. 3085, 114 ff.

work and asked him to write the final version “as soon as possible” (*fi aqrab al-azman*); finally, he made this on the way to Hijaz⁶. Later connections also could be found in Syria during the Ottoman times. For example, some of the Crimean scholars were settling here by 17th century. The one Lutf Allah ibn Mustafa al-Qirimi (1078/1667 – 1161/1748) was one of the most known preachers (*wa'iz*) in the Great Mosque of Damascus and wrote a few books including *Risalah fi Radd 'ala al-Shiah* (“Treatise on the Refutation of Shias”) [8, p. 15].

This short biographical outline of the scholars who made their career in Mamluk Syria during 13th and 14th centuries makes a basis for drawing some preliminary conclusions. Of course, some of the further research on this topic could be done, first of all, a more detailed exploration of the works preserved as well as location of some other manuscripts written by Crimean authors, which could be still uncatalogued.

At least two “Crimean” scholarly families (the one in Damascus and the second one in Tripoli) are known; moreover, there are some other scholars who probably had no family connections in Syria. First of all, it is obvious that most of them were previously related to Crimea and probably received an early education here, since their *nisbah* was more broadly used than the previous Central Asian one (like *al-Turkistani* for those scholars who was born outside of Crimea). What seems to be a common feature for most of the scholars is that all of them were scholars of Hadeeth and at least three of them were the students of such big authority as Ibn Shihnah (d. 1330). Even those who were of Sufi background continued to practice teaching of Hadeeth (like Ahmad ibn ‘Uthman al-Qirimi and Muhammad al-Qirimi). Some of them (like Hussam al-Din al-Qirimi) were also teachers in Mamluk medrese; and at least two of Crimean scholars were judges (Hussam al-Din al-Qirimi and Muhammad al-Qirimi) and probably were under the patronage of local Mamluk emirs. It looks that the pattern of doing career in medieval Damascus was consisted of necessity to obtain some diplomas (*ijazah*) from local scholars, and the study of Hadeeth was a good point because it was opening the way for prospective engagement in the administrative positions (like judge) or at least to some teaching in medrese. These connections and patronage provided also good perspectives for the younger family members, thus we see how they continued the same way of career as their fathers. At least two of Crimean scholars (Ahmad ibn ‘Uthman al-Qirimi and Hussam al-Din al-Qirimi) were also connected to another foreign figure in Mamluk Syria, a chief judge (*qadhi al-qudha'*) Jalal al-Din al-Qazwini (d. 1337). Generally speaking, it could be said that Crimean scholars were welcomed in such “international scholarly community” as it was the Syrian one. Similar words could be said about Mamluk Egypt, which also was one of the most desired destinations for the Crimeans already in the 14th century. Reception of some works (as the one by ‘Ali bi Salah al-Qirimi) and their further preservation seems to reflect a quite high level of integration of the Crimean scholars to the Mamluk scholarly community. Since development of the Islamic sciences in early medieval Crimea (specifically in the 13th/14th centuries) still poses many

⁶ Al-Qirimi, Sharaf bin Kamal. *Sharh Manar al-Anwar*. Princeton University Library. Mss. No. 5738Y. F. 2a–3b.

questions, further study of the scholars who were of the Crimean origin (like Hussam al-Din al-Qirimi al-Sulkhati) and traveled to Mamluk Sultanate could provide more answers about their primary education, interest and legacy they left in the intellectual history of Islam.

REFERENCES

1. Al-Asqalani, Ibn Hajar. *Al-Durar al-Kaminah fi l-'Ayan al-Mi'yah al-Thaminah*. Vol. 1. Beirut, Dar Ihya' al-Turath al-Arabi [n. d.]. 458 p. (In Arabic)
2. Al-Dawudi, Muhammad. *Tabaqat al-Mufassirin*. Vol. 2. Beirut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyah, 1983. 884 p. (In Arabic)
3. Al-Dhahabi, Shams al-Din. *Tarikh al-Islam*. Ed. M. Bawazir. Vol. 53. Beirut, Dar al-Kutub al-'Arabi. 1990. 525 p. (In Arabic)
4. Al-Dimashqi, ibn Nasir al-Din. *Tawdih al-Mushtabih bi Dhibt Asma' al-Ruwwa wa Ansabihim wa Alqabihim wa Kinnahim*. Ed. by M. Al-Arqasusi. Vol. 7. Beirut, Mu'asasah al-Risalah. 1993. 371 p. (In Arabic)
5. Al-Hanbali, Mujir al-Din. *Al-Uns al-Jalil bi Tarikh al-Quds wa l-Khalil*. Ed. by M. Al-Ka'biah. Vol. 2. Amman, Maktabah Dandays. 1999. 526 p. (In Arabic)
6. Al-Kittani, Muhammad. *Al-Risalah al-Mustatrafah li-Bayan Mashhur Kutub al-Sunnah al-Musharrifah*. Ed. by M. Al-Zamzami. Beirut, Dar al-Basha'ir al-Islamiyah, 1993. 542 p. (In Arabic)
7. Al-Makki, Muhammad. *Zayl al-Taqayyid li-Ma'rifatu l-Rawwah al-Sunan wa l-Masanid*. Ed. M. Al-Murad. Vol. 1. Makkah, Jami'ah Umm al-Qura. 1990. 515 p. (In Arabic)
8. Al-Muradi, Abu l-Fadhl. *Suluk al-Durar fi 'Ayan al-Qarn al-Thani Ashar*. Vol. 4. Cairo, Bulaq, 1301/[1883]. 270 p. (In Arabic)
9. Al-Nabulusi, 'Abd al-Gnani. *Al-Hadhrh al-Unsiyah fi l-Rihlatu l-Qudsiyah*. Ed. by A. Al-'Ulbi. Beirut, Dar Sadir, 1990. 400 p. (In Arabic)
10. Al-Qazwini, Jalal al-Din. *Al-Idhakh fi 'Ulum al-Balaghah*. Ed. I. Shams al-Din. Beirut, Maktaba al-Asriyah, 2002. 415 p. (In Arabic)
11. Al-Rihawi, Abd al-Qadir. *Madinat Dimashq: Tarikhuha wa-Tharwatuha wa-Tatawwuruha al-Umrani*. Damascus, Dar al-Basha'ir, 1996. 350 p. (In Arabic)
12. Al-Safadi, Salah al-Din. *Al-Wafi bi l-Wafiyat*. Ed. by A. Al-Arnaut, T. Mustafa. Vol. 12. Beirut, Dar Ihya al-Turath al-'Arabi, 2000. 300 p. (In Arabic)
13. Al-Zubayri, Walid et al. *Al-Mawsuah al-Maysirah fi tarajum a'imah al-tafsir wa l-iqra' wa l-nahw wa l-lughah*. London, Majallah al-Hikmah, 2003. 3149 p. (In Arabic)
14. Ibn al-Ajami. *Al-Nazir al-Sahih 'al al-Jami' al-Sahih*. Ed. by M. Sha'ban. Vol. 2. Damascus, Dar al-Kamal al-Muttahidah, 2016. 455 p. (In Arabic)
15. Ibn al-Jazarri, Muhammad. *Gayah al-Nihayah fi Tabaqat al-Qurra'*. Ed. by J. Bergstraesser. Vol. 2. Beirut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyah. 2006. 520 p. (In Arabic)
16. Ibn Kathir. *Al-Bidayah wa l-Nihayah*. Vol. 18. Ed. A. Al-Turki. Cairo, Dar Hajar, 1998. 753 p. (In Arabic)
17. Ibn Tagriberdi. *Al-Nujum al-Zahirah fi Muluk al-Misr wa l-Qahirah*. Ed. by M. Shams al-Din. Vol. 3. Beirut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyah, 1992. 305 p. (In Arabic)
18. *Rihlah of Ibn Batutah*. Beirut, Dar Sadir, 1998. 747 p. (In Arabic)
19. Taşköprüzade, Ahmad. *Al-Shaqa'iq al-Nu'maniyah fi 'Ulama' al-Dawlah al-Uthmaniyyah*. Beirut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyah, 1395/1975. 503 p. (In Arabic)
20. Zaytsev I.V., Goncharov E.Yu. Iz Bardzhinlyka v Eski-Yurt: mevlyana Akhmad bin Makhmud al-Bardzhinlygi [From Barjinlyk to Eski-Yurt: Mevlâna Ahmad ibn Mahmud

al-Barjinligy]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2014. Vol. 7, pp. 176–180. (in Russian)

About the author: Mykhaylo Yakubovych – Cand. Sci. (History), Director, Center for Islamic Studies, The National University of Ostroh Academy (2, Seminaraskaya Str., Rovenskaya region, Ostroh 35800, Ukraine). E-mail: mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua

*Received September 6, 2018 Accepted for publication December 3, 2018
Published December 29, 2018*

КРЫМСКИЕ УЧЕНЫЕ В МАМЛЮКСКОЙ СИРИИ (XIII–XIV вв.): КАРЬЕРА И НАСЛЕДИЕ

М.М. Якубович

*Национальный университет «Острожская академия»
Острог, Украина
mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua*

Цель исследования: используя доступные рукописи и обширные биографии, это исследование призвано охватить биографические данные, истории карьеры и сохраненное письменное наследие крымских ученых, которые были активны в сирийской части Мамлюкского султаната. Описание крымских семей (как «коренных» крымчан, так и тех, кто оставался в Крыму некоторое время) и их влияния на социальную и интеллектуальную жизнь Мамлюкского султаната раскрывает не только уровень отношений между крымским улусом Золотой Орды и Мамлюкским султанатом, но и то, как ранние крымские ученые использовали предоставленные возможности для успешной карьеры на новой родине.

Материалы исследования: в этой статье анализируются как минимум две «крымские» научные семьи (одна в Дамаске и вторая в Триполи); кроме того, есть некоторые другие ученые, которые, вероятно, не имели семейных связей в Сирии. Прежде всего, очевидно, что все они были связаны с Крымом и, вероятно, получили раннее образование здесь, поскольку их нисба была более широко использована, чем предыдущая среднеазиатская (например, «аль-Туркестани» для тех ученых, которые родились за пределами Крыма). Для большинства ученых характерна общая черта: все они были учеными в области хадиса, и по меньшей мере трое из них были учениками такого значимого авторитета, как Ибн Шихна (ум. 1330). Даже те, кто принадлежали к суфиям, продолжали практиковать науку о хадисах (например, Ахмад ибн Усман аль-Кырыми и Мухаммад аль-Кырыми). Некоторые из них (например, Хуссам аль-Дин аль-Кырыми) были также учителями в мамлюкских медресе; и по крайней мере двое из крымских ученых были судьями (Хуссам аль-Дин аль-Кырыми и Мухаммад аль-Кырыми) и, вероятно, находились под покровительством местных эмиров.

Результаты и новизна исследования: карьера иностранца в средневековом Дамаске была связана с необходимостью получения некоторых дипломов (*иджаза*) у местных ученых, и исследование в области хадисов давало преимущество для получения перспективной работы на административных должностях (например, судья)

или, по крайней мере, преподавания в медресе. Эти контакты и покровительство обеспечивали также хорошие перспективы для молодых членов семей, которые продолжали карьеру отцов. Сохранность некоторых рукописных трудов и их дальнейшая рецепция показывают довольно высокий уровень взаимодействия крымских ученых с иными членами научной элиты мамлюкского сообщества. Поскольку развитие исламских наук в раннем средневековом Крыму (в частности, XIII–XIV веков) по-прежнему вызывает много вопросов, дальнейшее изучение ученых, происходивших из самого Крыма и переселившихся в Мамлюкский султанат, поможет ответить на вопрос об их начальном образовании, интересах и наследии, которые они оставили в интеллектуальной истории ислама.

Ключевые слова: Золотая Орда, Мамлюкский султанат, Крым, исламское право, изучение хадисов, медресе, рукописи

Для цитирования: Yakubovych M. Crimean Scholars in Mamluk Syria (13th–14th centuries): Careers and Legacy // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 719–728. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.719-728.

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Якубович – кандидат исторических наук, директор Центра исламоведческих исследований Национального университета «Острожская академия» (35800, ул. Семинарская, 2, Острог, Ровенская обл., Украина). E-mail: mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua

*Поступила 06.09.2018 Принята к публикации 3.12.2018
Опубликована 29.12.2018*

**THE EVOLUTION OF SOYURGHAL IN CHINGGISID
AND NON-CHINGGISID STATES
DURING THE POST-IMPERIAL PERIOD***

R. Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

Abstract: *Research objectives:* An analysis of the evolution of the land-law institution of soyurghal which was applied during the 15th–19th centuries in the Chinggisid and non-Chinggisid states that arose after the disintegration of the Mongol Empire and its uluses. This work is an attempt to clarify the reasons behind the preservation of this imperial legal institution during the post-imperial period, along with the points of commonality and differences which emerged during its evolution in the different states and regions of Asia.

Research materials: This research is based on wide range of historical and legal sources with information on soyurghal and its evolution. There are yarliks (or firmans) of monarchs (patents and letters), historical chronicles, along with treatises on the political and administrative structure of post-imperial states. The author analyses the documents of the Kazan, Crimean, Bukharan, and Khivan khanates, as well as Kashgharia, the states of Aq-Koyunlu and Qara-Kouynlu, Savafid Iran, and Mogul India. This research is also based on results of scholars who have already discussed soyurghal of the imperial and post-imperial period: M. Abduraimov, K.A. Antonova, A.M. Belenitskiy, P.P. Ivanov, A.K.S. Lambton, V.F. Minorskiy, Sh.F. Mukhamed'yarov, I.P. Petrushevskiy, M.A. Usmanov, etc.

The novelty of the study: The presented article is the first attempt to compare the evolution of institution of soyurghal based on a wide range of sources from different states and epochs to clarify basic trends of this evolution and find the reasons for using different categories of soyurghal in different states to a greater or lesser extent.

Research results: The author finds that during the 15th–19th centuries the institution of soyurghal had three meanings: land investiture for vassals (state and military officers), land investiture for state officers and clergy, and lastly a grant from the monarch to his subject in general. These different kinds of soyurghal were used in all states which were analyzed in the article. The conclusion is that this land-law institution was used in fact throughout the whole area of the former Mongol Empire and that this imperial legal tradition was preserved during the period after the disintegration of the empire itself.

Keywords: Mongol Empire, Chinggisid states, Jochid Ulus, Chaghadaid Ulus, Iran under the Safavids, Great Moghuls, Mongol imperial law, Islamic law, privileges and immunities

For citation: Pochekaev R.Yu. The Evolution of Soyurghal in Chinggisid and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 729–740. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.729-740

* The research for this article was funded by a grant from the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Grant № 18-IP-01.

Introduction

The land-law institution of soyurghal was established in the second part of the 14th c.¹ and widely used in the imperial states – successors of the Mongol Empire: Chaghatay Ulus (Timurid Empire) [23], the Golden Horde [14, p. 112–139] and Iran of Jalayirids [17, p. 210, 213, 215, 239]. In fact, it was a “modification” of the similar institution of iqta which was a landownership of military aristocracy in the Islamic states since the pre-Mongolian times and was adopted by the Chinggisids. But, in contrast to iqta, soyurghal was closer connected with immunities in taxation, administrative and judicial spheres. Scholars are inclined to connect soyurghal with the status of tarkhan: this status gave personal immunities (and even hereditary, for several generations), and soyurghal gave the same immunities to land tenures of tarkhans (also hereditary) [38, p. 324].

Origination of soyurghal was reasoned by long-term civil wars in the Chinggisid Uluses in the middle – second half of the 14th c.: rival claimants for the throne were interested in loyal vassals and tried to provide this loyalty by giving them vast land tenures with immunities in different legal spheres. As the role of military aristocracy increased after disintegration of the Chinggisid Uluses in the 15th–16th cc., the practice of granting of soyurghals was preserved in the post-imperial states including even these of them which rejected the legacy of the Mongol Empire in general (such as the states of Aq-Koyunlu, Qara-Kouynlu and Savafids in Iran or the Great Moguls of India).

The analysis of institution of soyurghal in the political and economical aspects in imperial period was done by famous scholars A.M. Belenitskiy (on a base of the Timurid state) [11; 23], I.P. Petrushevskiy (on a base of the Mongolian Iran) [32], A.P. Grigor’ev (on a base of the Golden Horde) [14]. Some researchers paid attention on the evolution of soyurghal in the post-imperial states: Sh.F. Mukhammed’yarov (Kazan Khanate), M.A. Usmanov (Kazan and Crimean Khanates) [26; 40], M. Abduraimov, P.P. Ivanov, R.N. Nabiev (Bykharan Khanate) [1–3; 16; 28], O.A. Evendiev, Sh.F. Farzaliev, V.F. Minorskiy, I.P. Petrushevskiy, A.K.S. Lambton (Iran during the rule of Aq-Koyunlu, Qara-Kouynlu and Savafids) [12; 13; 24; 33; 34], K.A. Antonova (the Mogul India), etc. But all of these scholars paid attention to specific states and didn’t make their aim to analyze the institution of soyurghal and its evolution in comparative legal context.

So, we are intended to analyze the evolution of soyurghal in different states on the space of the former Mongol Empire, clarify similar features and differences of its using in different states and regions and reasons of them. The source base for our research include a wide range of historical and legal monuments. Among them are yarliks and firmans of the khans of Kazan, Crimea, Bukhara, shahs of Iran, emperors of the Mogul India, historical chronicles of Bukhara, Khiva, India, political treatises of Safavid Iran, etc. Analysis of these sources allowed us to recognize three principal kinds of soyurghal, and it makes sense to examine in details each of them.

¹ I.P. Petrushevskiy in one of his early works dated the beginning of the use of soyurghals by the 13th c. [33, p. 58], but later revised his views.

The land investiture for military officers

The main (and, in fact, original) kind of soyurghal as land investiture was a land tenure for military officers. Firstly it was a “material supplement” for status of tarkhan and provided the taxation, administrative and judicial immunity not only for granted person himself but also for his land possession [2, p. 101; 26, p. 119]. Of course, such privileges provided loyalty of land-owners to their monarch – especially because even hereditary soyurghal had to be confirmed either by the next monarch, or to the heir of the previous owner (defterdar) [41, p. 43–45, 47, 73]².

At the same time each defterdar was, in fact, the absolute owner of his soyurghal: he had the full, administrative, tax and judicial authority on the people who lived within the borders of soyurghal, and officers of khans or shahs didn't have right to enter into his tenure [see e.g. 34, p. 231–232]³. And if tax collector for some reason took any collected levies or taxes from the soyurghal, the monarchs issued special edicts (firmans) to return the collected sum to the owners [34, p. 238–239].

In the 15th–16th cc. soyurghals for the military officers were extensive land possessions (regions with numerous settlements and even cities). This practice was widespread in all former uluses of the Mongol Empire: in the Jochi Ulus (Kazan and Crimea), the Central Asia (Bukhara and Khiva), Iran (states of Aq-Koyunlu, Qara-Koyunlu and Savafids).

Firstly the owners of soyurghals were tarkhans who were representatives of the “qara suyek” (“black bone) or non-privileged class by birth and acquired privileges of the “aq-suyek” (“white bone”⁴), including immunities. But already since the 16th c. the authority of the Chinggisids substantially decreases at the simultaneously rise of influence of tribal clans' aristocracy, and members of the “Golden Blood Line” (descendants of Chinggis Khan) also became the owners of soyurghals at the same terms as representatives of “qara-suyek” [2, p. 103].

The first examples of this trend took place in the state of Mukhammad Shaybani Khan (1500–1510) in the beginning of the 16th c.: after conquest of the Timurid state in Chaghatay Ulus (Mawrannahr) he granted with soyurghals his close relatives – son Mukhammad-Timur-sultan, cousins Khamza-sultan and Makhdi-sultan, uncles Kuchkunji-sultan and Soyunj-Khoja-sultan, etc. – as well as his loyal vassals from the clan aristocracy. So, Jan-Wafa-biy the Durman obtained Herat as soyurghal, Qambar-biy the Naiman – Marv, Kepeq-biy the Qushchi – Balkh⁵, etc. [15, p. 133; 16, p. 23]. The same policy was continued by one of the most famous Bukharan khans, Abdallah II (1563–1598) who also granted many of his relatives (at that not only Uzbek, but also Kazakh sultans) with soyurghals [15, p. 264; 16, p. 26; 18, p. 223]. The relatives of the Bukharan Shaybanids, Arabshakhids of Khiva used the same practice: according to Firdaws al-iqbal, for example, Aqatay Khan “granted Kat to the two sons of Qal Khan [his nephews – R.P.]” [15, p. 444;

² But we don't have an information that heir had to pay for confirmation of his rights [26, p. 124], as it was in medieval Europe for feud (“relief”).

³ It looks like an “udel” (appanage) in the Russia of the 12th–16th cc. or “pomest'e” (estate) in the Russian Empire of the 18th – middle of the 19th cc.

⁴ The representatives of the aq-suyek formally were only members of the Chinggisid family (only by male line), seyyids and khojas.

⁵ The statement of P.P. Ivanov that Kepeq-biy got Khorezm as soyurghal [16, p. 23] don't represent the facts: he was only an ataliq of the young Pulad-sultan, grandson of Shaybani Khan who was appointed by his grandfather the nominal ruler of Khorezm.

39, p. 34]⁶. The same practice was used also by descendants of Chaghatay – the khans of Kashgharia: different sultans gained soyurghals from khans individually or as heirs of their fathers [15, p. 387, 406].

Of course, giving of soyurghals to the members of khans' families was not aimed at strengthening the positions of ruling family: on the contrary, authoritative khans intended to reduce the status of their relatives (and often – rivals) to the same level as tribal leaders. As representatives of “qara-suyek”, Chinggisids-defterdars also could be deprived of their soyurghals on the will of khan at any time [16, p. 69; 26, p. 124–125]. Above mentioned Mukhammad Shaybani Khan more than once changed the owners of soyurghals and replaced his relatives by more loyal military commanders from the tribal aristocracy [see e.g. 15, p. 134]. According to Khafiz-i Tanysh Bukhari, of Shaybanid regional rulers, Khudayberdy-sultan decided to change his hereditary soyurghal in Karshi for soyurghal of his relative Klych-Qara-sultan in Sagardj: the latter was a cousin of powerful Abdallah Khan, and the owner of Karshi expected that this monarch wouldn't take the soyurghal of his close relative [18, p. 150]!

If the power of supreme rulers became weaker, and they had to share it with influential relatives, they also let them right to grant soyurghals. So, in the Crimean Khanate of the second part of the 16th c. soyurghals were given by qalgha-sultan Mukhammad-Geray (further Mukhammad-Geray II, 1577–1584) in 1576, Fatkh-Geray-sultan (further Fatkh-Geray II, 1596) in 1595 and even khan's daughter Mikhri-sultan-khani in 1588 [41, p. 44, 53, 55].

When the Chinggisids were removed from the power in the Central Asian khanates, the right to grant soyurghals to military officers was transferred to their heirs – new rulers of these states. So, the emirs of Bukhara granted soyurghals even in the first part of the 19th c. And the last example of using this kind of such land-law institution, as we know, took place in 1870s in the Jetysahr – the state of Yaqub-beq in Kashgharia (1864–1877): he uses this imperial institution to stimulate the loyalty and effective administration of his regional governors: they had to collect taxes for his treasure and participate in his military operations (as their predecessors even in the imperial period!), but besides that had an absolute power in their tenures. This practice allowed Yaqub-beq to rule without strong centralization of power and had control over regional rulers [40, p. 113–114].

Absolute power of defterdars on the territory of soyurghal and their numerous privileges and immunities were under the control of monarchs and central state authorities. Each yarlik or firman on granting the soyurghal was fixed in special registers (defters) as well as terms of possession: exemption of payment of all or specific taxes, judicial immunity or not, etc. Persian and Indian political treatises contain valuable information on the state structures with functions to track the holding of soyurghals and discharge the duties by their owners as well as propriety of official patents for soyurghals. Such functions were entrusted to viziers themselves, heads of divans of some high-level tax collectors [5, p. 46; 20, p. 111; 25, p. 78; 27, p. 15–16].

⁶ An interesting anachronism connected with such practice takes place in the “Qara Tavarikh” by Utemish-khadji, the Khivan author of the middle of 16th c.: he mentioned that Chinggis Khan gave conquered territories as soyurghals to his sons and grandsons [31, p. 20, 26]. Of course, the historian transferred realities in Khiva of his times to the early imperial period.

The land investiture for clergy and state officers

The 15th c. became an era of fight against the Chinggisid political and legal heritage headed by the Islamic clergy. It strongly demanded from rulers of the post-imperial Turkic-Mongol states to reject imperial state and legal institution including soyurghals. Monarchs of non-Chinggisid dynasties who needed the religious support to legitimate their rights for the throne couldn't ignore such demands. But at the same time they needed the loyalty of powerful clan aristocracy and high-level commanders who owned the hereditary soyurghals and didn't want to lose their benefits and privileges.

In search of compromise Uzun Hasan, the ruler of Aq-Qoyunlu (1453–1478) already in the second half of the 15th c. began to grant with soyurghals the influential representatives of Islamic clergy equally to emirs and military commanders [12, p. 172]. The Safavids who came to power not only as temporal but also as religious leaders continued this practice and since the times of Shah Tahmasp I (1524–1576) gave even more soyurghals to clergy [10, p. 28; 34, p. 235]. A temporal and military officers saved only their hereditary soyurghals⁷.

The soyurghals of clergy, however, also became hereditary and from time to time there were conflicts among heirs, and rulers had to solve them and divide landownership among two or more heirs [8, p. 163–164; 21, p. 44, 51]. No need to say that such cases also became a reason of diminishing of the size of soyurghals in the post-imperial states.

It's interesting that descendants of Chinggis Khan in their states also practiced granting Islamic clergy with soyurghals: after fall of imperial states their authority, as we already mentioned, substantially decreased, and they needed in religious ground of their power no lesser than non-Chinggisid rulers, their rivals. In the second half of the 16th c. Crimean Gerays began to grant khojas with soyurghals [41, p. 49]. Even powerful Shaybanids – such as Nawruz Akhmad Khan (1551–1556) or Abdulla Khan, – gave and confirmed soyurghals to seyids, khojas and ulama. According to the “Treatise on tithes and haradj lands” by Arif Bukhari, at the end of the 18th c. soyurghal became an ownership of clergy whereas military aristocracy gained only tankha [6, p. 17; 35, p. 197].

But the most radical transformation of soyurghal from temporal to clerical landownership took place in the Mogul India during the reign of Shah Akbar I (1556–1605). He replaced soyurghals for military aristocracy by new land-law institution – “jaghir” [7, p. 249] and left soyurghals only as clerical landownership⁸, at that firstly he gave them to Islamic clergy (“aime”, i.e. imams), but after his religious reform began to grant with soyurghals also Parsees and Hindus [8, p. 155–156; 9, p. 44, 58]⁹.

As substantial part of officials in Turkic-Mongol states were representatives of Islamic clergy, no wonder that at the same time the practice of granting them with soyurghals also took place.

⁷ For example, in 1656 Shah Abbas II (1642–1666) by own firman confirmed the soyurghal of emir who inherited it from his father, who, in his turn, gained firman from Safi I (1629–1642), father of Abbas, to confirm his own inheritance of soyurghal from his father in 1638 [21, p. 44, 46–47].

⁸ If representative of clergy decided to change a military career, he obtained not soyurghal, but jaghir [8, p. 158].

⁹ In search of “Indian” equivalent for Turkic word soyurghal Akbar used in some of his firmans word “madad-i me’ash” [8, p. 160–161].

The tradition of granting the state officers with soyurghal took place even in the 14th c.: according to “Dastur al-qatib” by Muhammad Nakhchivani, the Jalayirids provided with such landownership high-ranking officers – sahib-divan, etc. [20, p. 107]. However, it was not a wide-spread practice and it became usual only since the 16th–17th cc. when sheikhs ul-Islam, cadis and keepers of shrines also gained soyurghals [8, p. 167; 15, p. 490; 28]. The main difference of this kind of landownership from soyurghals of military officers and clergy was that they owned their soyurghals only while they kept their positions. For example, if the keeper of shrine was moved to another position, his soyurghal passed to his successor in this shrine [8, p. 167]. At that if son inherited the position of his father, soyurghal, in fact, became hereditary landownership – but, in any case, it was necessary to obtain confirmative yarlik from khan¹⁰.

The grants of monarch to his subject in general

The original meaning of the Turkic word “soyurghal” was “reward”, “bounty” from ruler to his subject: it was used already in early Turkic times [19, p. 513]. It kept this meaning in the Mongol empire, in the age of Chinggis Khan and his nearest successors [26, p. 118; 30, p. 75]. As we could see above, since the 1th c. it turned into land-law institution, but it is strange enough that even in the 16th–17th cc. soyurghal from time to time was used in its original meaning.

In the 1570s Baba-sultan, the Bukharan prince and long-term rival of Abdallah II, decided to make it up with khan and asked for soyurghal – not as landownership but as charity and forgiveness [19, p. 233]¹¹.

In letters of Crimean khans, sultans and ever high state officials (viziers, etc.) we also could find word “soyurghal” as “reward”, at that khan Islam-Geray III (1644–1654) and his nuraddin-sultan Ghazi-Geray asked Russian tsars Mikhail Fyodorovich (1613–1645) and Alexei Mikhailovich (1645–1676) to grant with soyurghal their ambassadors. Crimean viziers asked the same Russian rulers for “kazna” (“treasure”) to representatives of Geray house and soyurghals for their servants. In his turn the treasurer of khan in his letter informed tsar Mikhail that he granted Russian ambassadors with soyurghal [4, p. 215, 454, 507, 511, 560, 568, 619].

In the “Tadhkirat al-Muluk” the pay-roll is cited where expenditure for soyurghals and other grants exceeded 36 700 dinars: or course, here is a question of rewards, not a land-law institution [25, p. 109; see also: 26, p. 118–119].

And, at last, one more interesting example of soyurghal took place in Ferghana in 1578: regional ruler Muhammad-Khashim-sultan granted emir Ibrahim with soyurghal for reconstruction of aryk: his grant was an immunity from taxation of 1/5 of his harvest [28, p. 27].

The decline of soyurghal

As we noticed above, the owners of soyurghals in the early post-imperial period had many privileges in relations with state authorities and were absolute suze-

¹⁰ R.N. Nabiev published a series of khans’ confirmative yarliks to hereditary cadis of Ferghana who from generation to generation took up this position and, consequently, had soyurghal [28; see also: 8, p. 168].

¹¹ Such use of soyurghal (“sojurqa-, erinčkä”) took place in the early medieval Turkic-language Turfanese texts [29, p. 513].

rains over their possessions – rulers, tax collectors and judges. But in the 18th–19th cc. rulers of Central Asia and Iran began to restrict the status of soyurghals.

Already in the 17th c. Bukharan rulers began to impose taxes on soyurghals and deprive their owners of immunities in administrative and judicial spheres. To avoid of discontent of powerful defterdars, khans and then emirs of Bukhara began to grant them with new form of privileged possession – darbast (darubast) equal to earlier soyurghals [2, p. 127; 35, p. 37]. Sometimes rulers used compromise in the land-legal policy and granted heirs of soyurghal owners with “soyurghal with rights of darbast”, and that allowed owners to save their privileges and immunities [2, p. 127; 37, p. 55].

Owners who were in emir’s good graces had chance to transform their soyurghals into “mulk-i khurr” (“white” private land property wit tax immunity): this practice was used by the rulers of Bukhara and Kashgharia in the 16th–17th cc. [2, p. 107; 28, p. 26]. But such examples were few in number, and the most part of defterdars became not absolute owners but only receivers of revenues from soyurghals¹², whereas the administrative and judicial power over them passed to khans’ officers [2, p. 104–105, 111]¹³.

To meet the demands of clergy the Persian shahs obliged the owners of soyurghals to pay Islamic taxes ushr and others [27, p. 16]¹⁴. In the 17th c. the owners of soyurghals in Iran also should pay some “presents”: in fact there were taxes to maintain state officials who didn’t get a salary. So, according to “Dastur al-Muluk” (treatise of the edge of the 17th – 18th cc.), each soyurghal should pay 90 dinars in favor of chief of tax collectors, 50 dinars in the favor of munshi al-mamalik (head copyist), 14 dinars in favor of copyists, 17 dinars in the favor of daruga (manager) of chancellery, etc. [27, p. 46–47, 64, 75, 80, 81]. And in the 18th c. according to “Tadhkirat ak-Muluk (c. 1725), chief vizier had from soyurghals 714 dinars [25, p. 86]. And the most part of soyurghals in this period was transformed into small ownerships over little settlement.

Just before the Russian conquest of the Central Asia, the soyurghal, in fact, disappeared from land law of khanates: the only forms of tenures given by khans to their officers were amlyak and tankha and they were not provided with wide range of privileges and immunities as soyurghal [22, p. 116–118].

Conclusion

As we could see, the institution of soyurghal in its three principal kinds was widely used in all states and regions of the space of the former Mongol Empire. The only exception, possibly, was the Mogul India during the reign of the emperor Akbar who used soyurghal only as investiture for clergy (at that not only Islamic one): we suppose that the reason of this approach was Akbar’s thoroughgoing reli-

¹² It looked similar to the early medieval European land-law institution of benefit (in particular in Carolingian France).

¹³ For example, Imam-Quli Khan of Bukhara (1611–1642) granted Khoja Yusuf with several settlements as soyurghal with benefit of 10 thousand khani [16, p. 81], i.e. this owner had right only to get only revenue from these settlements, not to govern them or judge their inhabitants.

¹⁴ In firmans of Akbar Shah of India at the end of the 16th c. and even in yarliks of Amir Khaydar of Bukhara (1800–1826) in the first quarter of the 19th c. soyurghals were exempted from payment of zakat and haradj [2, p. 108; 8, p. 160–161; see also, 1; 3].

gious reforms and did not reflected the situation in the land law of the post-imperial Turkic-Mongol world in general.

Earlier we already had an opportunity to see that the same situation was with another Mongol imperial legal institution, tamgha, which also was preserved and used for years after the fall of the empire and its direct heirs [36]. So, we have reasons to state that soyurghal also became an effective legal institution even in the states which rejected the Chinggisid political and legal heritage in general but preferred to save some useful institutions with some transformation and modifications because of the position of Islamic clergy and own political interests.

The case of soyurghal allows us to consider the post-imperial Turkic-Mongol world as a common legal space on a base of widely used imperial institutions. It doesn't mean that all states of this space were in a political unity, but they based their legal relations on the same institutions and principles, that gave them an opportunity to interact more effectively and even allowed to adopt easily to political and legal realities of another state if it conquered one or another region of the neighboring one.

We wish, this research allowed to continue the study of using Mongol imperial legal institutions and rules in the post-imperial Turkic-Mongol world to make sure that imperial law deeply influenced on legal development of the states of this region and caused future integration on the Eurasian space.

REFERENCES

1. Abduraimov M. *Voprosy feodal'nogo zemlevladieniya i feodal'noy renty v pis'makh emira Khaydara. Opyt kratkogo issledovaniya istochnika* [Questions of Feudal Landownership and Feudal Rent in the Letters of Amir Khaydar. Attempt of a Brief Research of the Source]. Tashkent, 1961. 111 p. (In Russian)
2. Abduraimov M.A. *Ocherk agrarnykh otnosheniy v Bukharskom khanstve v XVI – pervoy polovine XIX v.* [Essay on Agrarian Relations in the Bukharan Khanate of the 16th – first half of the 19th c.] Vol. 2. Tashkent, Fan Publ., 1970. 287 p. (In Russian)
3. Abduraimov M. Pozdneyschie upominaniya o soyurgale [Latest mentions of soyurghal] *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], 1961, vol. 2, pp. 40–46. (In Russian)
4. Abduzhemilev R.R. (comp.), Mirgaleev I.M. (ed.). *Dokumenty Krymskogo khanstva iz sobraniya Khusayna Feyzkhanova* [Documents of the Crimean Khanates from the Huseyn Feyzkhanov's Collection]. Simferopol, Konstanta, 2017. 816 p. (In Russian)
5. Abul Fadhl Allami. *Ain i Akbari*. Vol. II. Transl. by H.S. Jarrett. Calcutta, Baptist Mission Press, 1891. 458 p.
6. Akhmedov B.A. Ikta v Sredney Azii v XVI – nachale XVIII vv. [Ikta in the Central Asia of the 16th – beginning of the 18th cc.]. *Formy feodal'noy zemel'noy sobstvennosti i vladieniya na Blizhnem i Srednem Vostoke (Bartol'dovskie chteniya 1975 g.)* [Forms of Feudal Land Ownership and Possession in the Near and Middle East (Readings in honor of V.V. Bartol'd of 1975)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 15–24. (In Russian)
7. Antonova K.A. Osnovnyye formy feodal'nogo zemlevladieniya v Mogol'skoy Indii XVI veka [Principal forms of feudal landownership in the Mogul India of the 16th century]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies], Vol. 5, 1953, pp. 245–274. (In Russian)
8. Antonova K.A. Suyurghal v akbarovskoy Indii (k voprosu o formakh zemlevladieniya v srednevekovoy Indii) [Soyurghal in the Akbar's India (on the forms of land-

ownership in the medieval India]. *Uchenye zapiski Tikhookeanskogo instituta* [Proceedings of the Pacific Ocean Institute], Vol. 2, 1949, pp. 149–176. (In Russian)

9. Ashrafyan K.Z. *Feodalizm v Indii* [Feudalism in India]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 239 p. (In Russian)

10. Ashurbeyli S.B. Feodal'nye pozhalovaniya v Shirvane v XV–XVII vv. [Feudal grants in Shirvan of the 15th–17th cc.]. *Formy feodal'noy zemel'noy sobstvennosti i vladeniya na Blizhnem i Srednem Vostoke (Bartol'dovskie chteniya 1975 g.)* [Forms of Feudal Land Ownership and Possession in the Near and Middle East (Readings in honor of V.V. Bartol'd of 1975)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 25–31. (In Russian)

11. Belenitskiy A. K istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Sredney Azii i Irane v timuridskuyu epokhu (XIV–XV vv.) (obrazovanie instituta «suyurghal») [On the history of feudal landownership in Central Asia and Iran in the age of the Timurids (establishment of the institution of soyurghal)]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1941, vol. 4, pp. 43–58. (In Russian)

12. Efendiev O.A. Institut «suyurghal» i tsentralistskaya politika praviteley Ak-Koyunlu i pervykh Sefevidov [Institution of “soyurghal” and centralizing policy of Ak-Koyunlu rulers and the first Safavids]. *Formy feodal'noy zemel'noy sobstvennosti i vladeniya na Blizhnem i Srednem Vostoke (Bartol'dovskie chteniya 1975 g.)* [Forms of Feudal Land Ownership and Possession in the Near and Middle East (Readings in honor of V.V. Bartol'd of 1975)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 168–175. (In Russian)

13. Farzaliev Sh.F. O suyurgale v XV–XVI vv. (po «Akhsan at-tavarikh» Khasanbeka Rumlu) [On soyurghal in the 15th–16th cc. (according to “Akhsan at-tavarikh” by Khasan-beq Rumlu)]. *Formy feodal'noy zemel'noy sobstvennosti i vladeniya na Blizhnem i Srednem Vostoke (Bartol'dovskie chteniya 1975 g.)* [Forms of Feudal Land Ownership and Possession in the Near and Middle East (Readings in honor of V.V. Bartol'd of 1975)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 141–145. (In Russian)

14. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie yarlyki: poisk i interpretatsiya [The Golden Horde yarliks: search and interpretations]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Studia Turkologica, 2005: Turkic Peoples of the Russian and Great Steppe]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006, pp. 74–142. (In Russian)

15. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., Yudin V.P. (transl.) *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Izvlacheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th cc. (Extracts from the Persian and Turkic works)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 652 p. (In Russian)

16. Ivanov P.P. *Khozyaystvo dzhuybarskikh sheykhov (k istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Sredney Azii v XVI–XVII vv.)* [Ownership of Dzhuybari Sheikhs (on the history of feudal landownership in Central Asia of the 16th–17th cc.)]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1954. 380 p. (In Russian)

17. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida»)* [“Supplement to Compendium of Chronicles by Rashid”]. Transl. from Pers, intr., comments, notes and indexes by E.R. Talyshkhanov; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan, YaZ, 2011. 320 p. (In Russian)

18. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [The Book of the Shah's Glory]. Intr., transl, comments by M.A. Salakhedinova. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1983. 298 p. (In Russian)

19. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [The Book of the Shah's Glory]. Intr., transl, comments by M.A. Salakhedinova. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1989. 296 p. (In Russian)

20. Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian Documental Sources on the Social-Economic History of Khorasan of the 13th–14th cc.]. Ashkhabad, Ylym, 1986. 134 p. (In Russian)

21. Lambton A.K.S. Two Safavid “Soyurghals”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, vol. 14, 1952, 1, pp. 44–54.

22. Lunev Yu.F. *Gosudarstvo i pravo uzbekskikh khanstv s XVI po XIX veka* [State and Law of Uzbek Khanates from the 16th to the 19th centuries]. Moscow, AST, 2004. 216 p. (In Russian)

23. Melioranskiy P. Dokument uygurskogo pis'ma sultana Omar-Sheykha [Document of sultan Omar Sheikh in the Uyghur script]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society], vol. 16, 1904–1905, 1, pp. 01–012. (In Russian)

24. Minorsky V. A “Soyūrghāl” of Qāsim b. Jahāngīr Aq-qoyunlu (903/1498). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, vol. 9, 1939, 4, pp. 927–960.

25. Minorsky V. (transl.). *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge, E.J.W. Gibb Memorial, 1980. 218 p.

26. Muhamed'yarov Sh.F. *Sotsial'no-ekonomicheskij i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva (XV – pervaya polovina XVI vv.)* [Social-Economic and Political Structure of the Kazan Khanate (15th – first half of the 16th cc.)]. Kazan, Ikhlas, 2012. 276 p. (In Russian)

27. Muhammad-Rafi Ansari. *Dastur al-muluk* [Manual for Sovereigns]. Intr., transl., notes and index by A.B. Vil'danova. Tashkent, Fan, 1991. 139 p. (In Russian)

28. Nabiev R.N. Novye dokumental'nye materialy k izucheniyu feodal'nogo instituta «suyurgal» v Fergane XVI–XVII vv. [New documental materials on the study of feudal institution of “soyurghal” in Ferghana of the 16th–17th cc.]. *Proceedings of Academy of Science of Uzbek SSR. Series of Social Sciences*, 1959, vol. 3, pp. 23–31. (In Russian)

29. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Scherbak A.M. (eds.) *Drevnyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Moscow, Nauka, 1969. 676 p.

30. Nikitin A.N. *Ulusnaya sistema Mongol'skoy imperii v pamyatnikakh pis'mennosti imperskikh tsestrov Chingizidskikh khanstv i Drevney Rusi* [The Ulus System of the Mongol Empire in Written Monuments of Imperial Centers of the Chinggisid Khanates and Medieval Rus']. *Cand. Sci. Diss. (history)*. Moscow, 2006. 340 p. (In Russian)

31. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh* [The Black History]. Transl. by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova; ed. I.M. Mirgaleev. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

32. Petrushevskiy I.P. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII–XIV vekov* [Land and Agrarian Relations in Iran of the 13th–14th cc.]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 492 p. (In Russian)

33. Petrushevskiy I.P. K voprosu ob immunitete v Azerbaydzhanе XVII–XVIII v. [On the immunity in Azerbaijan of the 17th–18th c.]. *Istoricheskiy sbornik* [Historical Collection], 1935, vol. 4, pp. 35–72. (In Russian)

34. Petrushevskiy I.P. K istorii instituta soyurgala [On the history of the institution of soyurghal]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], Vol. 6, 1949, pp. 227–246. (In Russian)

35. Pishchulina K.A. *Ocherki istorii Kazakhskogo khanstva: Sb. Statey* [Essays on the History of Kazakh Khanate: Collected Works]. Comp. by K.Z Uskenbay. Almaty, Institute of history and ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, 2016. 350 p. (In Russian)

36. Pochekaev R.Yu. Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 4(6), pp. 77–95.

37. Rakhmanova L. Dokument XVI veka po istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Sredney Azii [Document of the 16th century on the history of feudal landownership in Central Asia]. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], 1969, 6, pp. 55–56. (In Russian)

38. Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the 13th Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 19, 1956, pp. 304–389.

39. Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. *Firdaws al-iqbal: History of Khorezm*. Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln, Brill, 1999. 718 p.

40. Tikhonov D. Nekotorye voprosy vnutrenney politiki Yakub-beka [Some questions on internal policy of Yaqub-beq]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies], Vol. 16, 1958, pp. 109–137. (In Russian)

41. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [The Granted Acts of the Jochid Ulus of the 14th–16th cc.]. Kazan, Kazan State University Publ., 1979. 320 p.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, **ORCID:** 0000-0002-4192-3528, **ResearcherID:** K-2921-2015 (17, Promyshlennaya str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Received August 24, 2018 Accepted for publication November 28, 2018

Published December 29, 2018

ЭВОЛЮЦИЯ СОЮРГАЛА В ЧИНГИЗИДСКИХ И НЕЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПОСТ-ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА*

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

Цель исследования: целью настоящей статьи является анализ развития земельно-правового института союргала в чингизидских и нечингизидских государствах, выделившихся из состава Монгольской империи и ее улусов и существовавших в XV–XIX вв. Предпринимается попытка выявить причины сохранения этого имперского правового института в пост-имперский период, сходства и различия эволюции союргала в разных странах и регионах Азии.

Материалы исследования: основу исследования составляют исторические и историко-правовые памятники, содержащие сведения о союргале и дающие возможность проследить его эволюцию в рассматриваемый период – ханские ярлыки (жалованные грамоты и послания), исторические летописи и хроники, трактаты о политическом и административном устройстве пост-имперских государств. Анализируются документы Казанского и Крымского ханств, среднеазиатских ханств (Бухарского и Хивинского), Кашгарии, государств Ак-Коюнлу, Кара-Коюнлу и Сефевидов в Иране,

* Данное исследование выполнено при финансировании Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, грант № 18-IP-01.

империи Великих Моголов в Индии. Методологическую основу исследования составляют труды исследователей, ранее обращавшихся к изучению института сююргала в имперский и пост-имперский периоды – М. Абдураимова, К.А. Антоновой, Б.А. Ахмедова, А.М. Беленицкого, П.П. Иванова, Э. Лэмбтона, В.Ф. Минорского, Ш.Ф. Мухамедьярова, И.П. Петрушевского, М.А. Усманова и др.

Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка на обширном сравнительно-правовом материале проанализировать основные тенденции в развитии института сююргала практически на всем пространстве бывшей Монгольской империи, выделить основные направления этого развития, выявить причины, почему отдельные виды этого земельно-правового института получили большее или меньшее развитие в отдельных государствах.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что в XV–XIX вв. институт сююргала разделялся на три вида: земельное пожалование служилой знати, земельное пожалование представителям духовенства (в первую очередь мусульманского) и пожалование со стороны монарха своим верноподданым или даже иностранцам в целом. Разные виды сююргалов в той или иной степени применялись практически на всем пространстве бывшей Монгольской империи, что позволяет сделать вывод о живучести имперской правовой традиции и отдельных правовых институтов даже через несколько веков после распада самой империи.

Ключевые слова: Монгольская империя, чингизидские государства, Улус Джучи, Чагатайский улус, Сефевидский Иран, империя Великих Моголов, право Монгольской империи, мусульманское право, привилегии и иммунитеты

Для цитирования: Pochekaev R.Yu. The Evolution of Soyurghal in Chinggisid and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 729–740. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.729-740

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доцент, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, **ORCID:** 0000-0002-4192-3528, **ResearcherID:** K-2921-2015 (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

*Поступила 24.08.2018 Принята к публикации 28.11.2018
Опубликована 29.12.2018*

УДК 904:297"12/14"(477.75)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.741-765

**«СТАРАЯ СТАВКА» КРЫМСКИХ ХАНОВ:
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭСКИ-ЮРТЕ***

Д.А. Ломакин

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
LotakinDA@mail.ru*

Цель: аккумулировать, систематизировать и обобщить опыт изучения поселения Эски-Юрт – возможно, крупнейшего золотоордынского центра на территории Крымского полуострова после снижения роли Солхата как экономического, военного, культурного и, прежде всего, административного центра и переноса столицы в западный Крым.

Материалы исследования: путевые записи многочисленных вояжеров, посетивших Крымский полуостров, как в личных целях, так и по долгу службы (Мартин Броневский, Ф. Дюбуа де Монпере, Иаков Лызлов, П.С. Паллас, С.И. Тарбеев, Эвлия Челеби и др.); научные разработки отечественных исследователей в сфере памятниковедения Крымского полуострова периода Золотой Орды, в частности, изучения территории поселения Эски-Юрт (А.С. Башкиров, У.А. Боданинский, П.И. Голландский, Б.Н. Засыпкин, А.А. Иванов, С. В. Карлов, В.П. Кирилко и др.). Используются архивные материалы из фондов Архива отдела охраны памятников Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника (г. Бахчисарай), Научного архива Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь), Центрального государственного архива города Москвы.

Результаты и научная новизна: выделено 3 этапа изучения памятника: 1. Конец XVIII – начало XX вв.: зарисовки в путевых записках ученых-энциклопедистов, массово посещавших Крым после его присоединения к России (П.С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере и др.). Первый научный опыт освоения памятника (А.Ф. Негри, В.Д. Смирнов и др.); 2. 20-е гг. XX в.: начало археологических исследований на территории поселения (экспедиция А.С. Башкирова, У.А. Боданинского, 1924 г.). Попытки привлечь внимание власти и общественности к проблеме сохранения объектов культурного наследия на территории Эски-Юрта (деятельность А.С. Башкирова, У.А. Боданинского, П.И. Голландского, Б.Н. Засыпкина); 3. Последняя четверть XX в. – современный этап: возрождение научного интереса к поселению (разработки А.Е. Гайворонского, А.А. Иванова, В.П. Кирилко, О.М. Стойковой, М.М. Чорефа и др.), продолжение археологических исследований памятника (экспедиции С.В. Карлова, В.Л. Мыца). Постановка архитектурно-археологических памятников поселения на государственный учет. Проанализировано современное состояние объектов культурного наследия. Представлен опыт археологического освоения памятника (экспедиции под руководством А.С. Башкирова и У. А. Боданинского (1924 г.), В.Л. Мыца (1991 г.), С. В. Карлова (2005 г.)). Установлена дальнейшая необходимость скорейшего археологического освоения территории средневекового поселения Эски-Юрт.

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия» и программы развития ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» проект ГСУ/2016/3 «Академическая мобильность молодых ученых России – АММУР».

Ключевые слова: Эски-Юрт, Бахчисарай, памятник архитектуры, объект культурного наследия, локализация, история изучения, современное состояние

Для цитирования: Ломакин Д.А. «Старая ставка» крымских ханов: отечественная историография об Эски-Юрте // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 741–765. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.741-765

“OLD QUARTERS” OF THE CRIMEAN KHANS: THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF ESKI-YURT*

D.A. Lomakin

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
LomakinDA@mail.ru*

Abstract: The author reviews the history of research on the medieval settlement Eski-Yurt, located in the territory of the modern city of Bakhchisarai, identifying the main stages of its research and summarizing the progression of localization and identification of the monument in Russian historiography. The first attempts to preserve and protect architectural and archaeological objects were connected to the activities of the staff of the Central State Restoration Workshops, associated with the Bakhchisarai State Palace-Museum of Turkic-Tatar Culture, in the mid-1920s. The author describes the development of archaeological research of the site (expeditions led by A.S. Bashkirov and U.A. Bodaninsky (1924), V.L. Myts (1991), S.V. Karlov (2005)).

Objective: To accumulate, systematize and summarize the experience of researching the settlement of Eski-Yurt – possibly the largest Golden Horde center on the Crimean Peninsula after the decline of Solkhat’s role as an economic, military, cultural and, above all, administrative center, and the transfer of the capital to western Crimea.

Research materials: Travel records of numerous voyagers who visited the Crimean Peninsula, both for personal purposes and in the call of duty (Martin Bronevsky, F. Dubois de Montpéroux, Jacob Lyzlov, P.S. Pallas, S.I. Tarbeev, Evliya Çelebi, and others); scientific developments brought about by Russian researchers in the field of monumentology of the Crimean peninsula of the Golden Horde period, particularly related to the study of the Eski-Yurt settlement (A.S. Bashkirov, U.A. Bodaninsky, P.I. Gollandsky, B.N. Zasyrkin, A.A. Ivanov, S.V. Karlov, V.P. Kirilko and others). Archival materials from the Archives of the Monument Protection Department of the Bakhchisarai Historical and Cultural Archaeological Museum-Reserve (Bakhchisarai), of the Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Crimea, of the Russian Academy of Sciences (Simferopol), and of the Central State Archives of the city of Moscow.

Results and novelty of the research: Three stages of the study of the site can be distinguished: 1. Late 18th – early 20th centuries: sketches in travel notes of the researcher-encyclopedists who frequently visited the Crimea after its accession to Russia (P.S. Pallas,

* The study was carried out in the framework of the basic part of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 33.5763.2017/БЧ on the topic “Russian Empire and Crimea: main problems and concepts” and development program of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “V.I. Vernadsky Crimean Federal University” project ГСУ/2016/3 “Academic mobility of young scientists of Russia – AMMUR”.

F. Dubois de Montpéreux and others). The first scientific experience of the development of the site (A.F. Negri, V.D. Smirnov and others); 2. The 1920s: the beginnings of archaeological research on the territory of the settlement (expedition of A.S. Bashkirov, U.A. Bodaninsky, 1924). Attempts to draw the attention of the authorities and the public to the problem of preserving cultural heritage sites at Eski-Yurt (activities of A.S. Bashkirov, U.A. Bodaninsky, P.I. Gollandsky, B.N. Zasytkin); 3. The last quarter of the 20th century – contemporary stage: the revival of scientific interest in the settlement (works of A.E. Gaivoronsky, A.A. Ivanov, V.P. Kirilko, O.M. Stoykova, M.M. Choref, etc.), and the continuation of archaeological research of the monument (expedition of S.V. Karlov, V.L. Myts). The placing of architectural and archaeological monuments of the settlement on the state record.

The available material was systematized and summarized by the author who presented the architectural analysis of the monuments of the settlement. He analyzed the current state of objects of cultural heritage and pointed to the further need for the earliest possible archaeological study of the territory of the medieval settlement of Eski-Yurt.

Keywords: Eski-Yurt, Bakhchisarai, architectural monuments, objects of cultural heritage, localization, history of study, cultural heritage

For citation: Lomakin D.A. “Old Quarters” of the Crimean Khans: The Domestic Historiography of Eski-Yurt. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 741–765. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.741-765

Эски-Юрт (с крымскотатарского – «старое селение», «старая ставка») – средневековое поселение в юго-западном Крыму, в настоящее время – исторический район в западной части г. Бахчисарай. В эпоху Золотой Орды имел характер крупного, возможно, городского поселения, расположенного на торговом пути от портов Херсона и Каламиты к внутренним областям Крымского полуострова. О его значительном размере свидетельствуют масштабы мусульманского кладбища Кырк-Азизлер в 1 км к северо-западу от города. Поселение сохраняло свое значение и в ранний период истории Крымского ханства (вторая половина XV в.). Возможно, наряду с расположенной неподалеку крепостью Кырк-Ер, оно использовалось как ставка первых крымских ханов после перенесения столицы из восточной части полуострова (г. Солхат, ныне – Старый Крым) в западную. Впоследствии, после основания Бахчисарая, селение утратило свой прежний экономический и административный статус.

Вплоть до начала XX в. Эски-Юрт сохранял значение одного из важных центров мусульманского культа в Крыму благодаря наличию в его центральной части святыни: азиза Малик-Аштера¹. При нем была сооружена мечеть,

¹ **Малик Аштер** – командир кавалерии в войске пророка Мухаммеда, герой многочисленных мусульманских преданий. Согласно им, впервые прославился победив дракона в Йемене. Затем с большим войском отправился проповедовать ислам на Волгу и в Крым. Добившись там немалых успехов, продолжил путь к Днестру, где ему довелось сразиться с королем-великаном по имени Салсал. Победив его, сам был поражен вражеской стрелой. Смертельно раненный, он добрался до Крыма и умер, его могила была сокрыта от глаз непосвященных. По свидетельству В.Д. Смирнова, погребение было обнаружено во время правления Мухаммед-Гирейя: «Во время копания земли для фундамента могилы всех крымских ханов была найдена мраморная квадратная доска с надписью на джагатайском языке, указывающая, что это была могила Малик Аштера.<...>. Мухаммед-Гирейя, найдя эту могилу, оставил мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвиг купол над ней с надписью длинными буквами и основал монастырь с тюрбе и блюстителем монумента при нем» [30, с. 29–30].

служившая одновременно в качестве текие общины суфиев (перестроена в 1914 г., разрушена в 1955 г.). На территории кладбища до настоящего времени сохранилось 4 дюрбе². Вероятно, Азиз являлся местом захоронения представителей ханской династии и их родственников. Кроме того, имеются косвенные свидетельства о погребении здесь Чингизидов. Культурный центр на Азизе просуществовал до 20-х гг. XX в. К настоящему моменту большая часть надгробных памятников бесследно исчезла.

К северо-западу от Эски-Юрта располагалось кладбище Кырк-Азизлер. Наиболее ранний из выявленных здесь надгробных памятников датирован 1316 г. Скорее всего, одновременно с упадком поселения в конце XV в. данную территорию перестали использовать для захоронений (в отличие от Азиза, где были зафиксированы погребения вплоть до XIX в.). Практически весь культурный слой уничтожен в результате сельскохозяйственных и строительных работ. Сохранены лишь 23 надгробия, перевезенные У.А. Боданинским в бахчисарайский музей.

В 1948 г. с. Эски-Юрт переименовано в Подгородное, Азиз – в Задорожное. Последнее в период с 1954 по 1968 гг. включено в состав Подгородного, которое впоследствии вошло в городскую черту Бахчисарая. Земли, скрывавшие руины средневекового поселения, были в большинстве использованы под одноэтажную застройку и промышленные зоны, на территории Азиза в 1980-х возник стихийный рынок (прекратил функционировать в 2006 г.). В 2004 г. Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником³ разработан проект создания государственного музея на базе сохранившихся историко-архитектурных памятников, который до настоящего момента не реализован.

Письменные источники о поселении Эски-Юрт малочисленны и крайне фрагментарны. Первые зафиксированные упоминания о нем относятся к концу XVI в. Посол польского короля Стефана Батория Мартин Броневский, посетивший полуостров в 1578 г., повествуя о столице Крымского ханства, отметил, что «возле города [Бахчисарая – Д.Л.] построены каменная мечеть и гробницы ханов из развалин христианских» [7, с. 68; 24, с. 345].

² Дюрбе Мухаммед-Шах-бея-Бен-Юде-Султан – ул. Фрунзе, д. 10-а, литера «А». Получило статус федерального значения распоряжением Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17 октября 2015 г.

Дюрбе Мухаммед-Гирея II (большой восьмигранник) – на пересечении ул. Нахимова и Буденного.

Дюрбе Мухаммед-бея (Малый восьмигранник) – пер. Первомайский, д. 1-а, литера «А». Получило статус федерального значения распоряжением Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17 октября 2015 г.

Дюрбе Ахмед-бея (кубовидное) – ул. Буденного, д. 16-а, литера «А». Получило статус федерального значения распоряжением Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17 октября 2015 г.

Усыпальницы поставлены на учет постановлением Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970. Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. № 284 установлена граница охранной зоны, которая ограничена окружностью радиусом 50 м вокруг каждого памятника.

³ Ныне – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник».

Записки московского посла в Крым С.И. Тарбеева (пребывал в Крыму в 1626–1628 гг.), опубликованные Л.М. Савёловым в 1905 г. на страницах Известий Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК), содержат информацию о том, что в апреле–мае 1628 г. во время осады Бахчисарая Кантемиром⁴ его ставка была расположена в Эски-Юрте [28, с. 70]. Детально рассматривая те же события весны 1928 г., А.А. Новосельский не указывает конкретное расположение войска Кантемира [23, с. 120].

Священник Иаков Лызлов, посетивший полуостров в 1634–1635 гг. в составе русского посольства к ханскому двору, в своих путевых записях оставил следующие строки: «Эски-Юрт от Бахчисарая с версту, церковь зело велика и украшена хорошо была, ныне же сделана мечетью, а кладут в ней крымских царей и царевичей, а простые мурзы и татары отнюдь не кладутся. Около тех мест многие христианские церкви иные разорены» [29, с. 691].

Значимое и в определенной мере информативное описание поселения оставил турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в 1666–1667 гг.: «Вниз на запад от города Бахчисарая, на краю садов, в древние времена был большой город Эски-Юрт, в 2 тысячи шагов в длину. И теперь там во многих тысячах мест – отличные строения. Сейчас это деревня лишь 300 домами, садами и виноградниками, в каждом здании там протекают живые воды. В этом месте на кладбище под тремя куполами, крытыми свинцом лежат <...> шахиншахи-ханы. Каждый купол полон света, там есть искусно сделанные подвески и светильники. <...> Полные света усыпальницы стоят на разноцветных коврах, а вокруг они украшены прекрасными изречениями, написанными изысканным почерком. <...> При каждой из усыпальниц есть тюребедары. Это место паломничества знати и простолюдинов» [20, с. 60; 34, с. 122]. Далее автор детально остановился на описании осмотренных им захоронений⁵: «Под этими куполами и со всех сторон от них похоронены калги и нуреддахры, султаны, их жены и дочери <...>, в общем, все благородные люди Бахчисарая, а также прочие богачи и нищие. Потому что со времен святой Опоры Пророчества в этом месте кладбище. Зиярет Берекет-хана⁶: <...> над его могилой нет куполов. О дате известно из тариха прямо на могильном камне. Зиярет Тогархана⁷. <...> Затем идут зияреты Баки-Бея <...> и Гюзбай Дюзбая⁸» [20, с. 60; 34, с. 124]. Также, со слов Эвлии Челеби, «в Эски-Юрте находится могила

⁴ **Кантемир (Кан-Темир, Кантимур)** (ум. 10 июля 1637) – основатель Буджацкой (Аккерманской или Белгородской) орды. Прозван «Ханом Темиром» и «Кровавым Мечом». Один из беев ногайского рода Мансур. Вёл родословную от золотоордынского темника и основателя Ногайской орды Едигея.

⁵ М.М. Чореф склонен считать большую часть сведений о приведенных захоронениях неправдоподобной, утверждая, что «стремясь угодить как крымским властям, так и своим отечественным покровителям, Эвлия Челеби приводит явно ложную информацию о ханах и их родственниках, похороненных в этих тюребе или близ них. <...> Наличие в Крыму этих могил дало автору возможность высказать свои суждения о родстве предков Гираев и Османов» [35, с. 146].

⁶ Вероятно, автор имеет в виду хана Берке (умер в 1267/68 г.).

⁷ О ком идет речь – не установлено.

⁸ Вероятно, речь идет о Гюндюзе Алп-бее (умер в 1306) и Сары-Баты Савджи-бее (умер в 1288), братьях Османа сыновьях Эртогула

двоюродного брата Муза бен Джебеля⁹ – зиярет полководца, храброго султана, святого Малика Аштера. <...> Но над его могилой нет и следа купола тюрбе или высокой постройки. Он похоронен на обустроенной площадке около светлой мечети нашего господина Мухаммед-Герай-хана. В головах и в ногах его вкопаны столбы, посвященные его памяти. Размер их – все 50 аяков¹⁰» [20, с. 66; 34, с. 146]. Старший научный сотрудник Нижневарттовского государственного университета, кандидат исторических наук М. М. Чорэф отметил, что «мало вероятно, чтобы мусульмане оказывали такие знаки внимания памятному знаку, поставленному в память о герое мусульманских преданий. Местные жители могли почитать могилу или известного им праведника, или, что более вероятно, знатного человека, возможно, Чингизида. Это смелое предположение подтверждается наличием на надгробии Мелек Аштера «джагагайских» надписей, т.е. текстов на монгольском языке. <...> Вероятно, Азиз почитался как древнее место упокоения Чингизидов. По крайней мере, один из них, удостоившийся царского титула низшего ранга, был похоронен на этом кладбище» [35, с. 146]. Также, по мнению турецкого путешественника, Эски-Юрт, как и Бахчисарай, были основаны ханом Берке (правил в 1256–1266): «Берекетхан построил в Крымской стране город Эски-Сала, сад Ашлама, Бахчисарай и Эски-Юрт» [20, с. 120; 34, с. 232]. Исследованию эски-юртских сюжетов в повествовании турецкого путешественника посвящена отдельная публикация Е.В. Бахревского [1, с. 185–191].

Записка полковника русской армии Х.Г. Манштейна с детальным описанием бахчисарайского дворца, составленная в 1736 г. по распоряжению графа Б.К. Миниха, позволяет предположить, что к первой трети XVIII в. поселение Эски-Юрт являлось крупным пригородом Бахчисарая. Описывая подход русской армии к ханской столице, автор говорит о том, что «дороги в город прорублены в каменных горах, и того ради, очень трудны и худы, а с западной стороны имеется большое предместье, через которое мы к Бахчисарая маршировали» [22, с. 75]¹¹. При этом Х.Г. Манштейн в своих мемуарных записях о России, впервые опубликованных в 1770 г. в Лондоне, Эски-Юрт не упоминает [21, с. 83–84].

В начале 90-х XVIII в. значимое описание поселения оставил академик П.С. Паллас: «Ниже Бахчисарая, в двух верстах от него, находится деревня Дозис [Азиз – *Д.Л.*], подле Джурюк-су с капустными огородами; между нею и южными высотами видны древние ханские мавзолеи, называемые татарами Эски-юрт. <...> Новые стремления к уничтожению много содействовали совершенному разрушению этих значительных памятников, частью совершенно развалившихся. Окна и дверь новейшей и красивейшей из этих ханских усыпальниц, покрытой купольным сводом, были отделаны наличниками из белого

⁹ **Муаз бен Джебель** (605–640) – сподвижник пророка Мухаммеда. Проповедовал в Йемене, занимая пост наместника. После смерти пророка вернулся в Медину к Абу Бакру и был отправлен в Сирию и Палестину, где умер от чумы.

¹⁰ **Аяк** (тюрк. «ступня») – мера длины, равная половине строительного аршина, т.е. около 38 см.; 50 аяков = примерно 1,9 м

¹¹ М.М. Чорэф считает, что записка Х.Г. Манштейна о бахчисарайском дворце была составлена в начале XIX в., поэтому сведениям, помещенным в ней, доверять нет оснований [35, с. 147].

с серыми прожилками мрамора, его следы еще приметны; невежественные руки кощунственно выломали большую их часть для обделки каминов. Между этими строениями находятся многие надмогильные столбы и камни, из коих немало мраморных с листовым орнаментом лучшего вкуса. Как бы то ни было, в настоящее время деревенские татары внимательно блюдут за этими остатками, чтобы уберечь их от конечного истребления» [25, с. 34]. По мнению исследователя, ряд дюрбе возведен для представителей одного из знатных родов Бахчисарая: «Надо думать, что именно для бывших яшлаув-беев воздвигли две из могильных часовен, видных в Эски-Юрте» [25, с. 34].

Турецкий историк начала XIX в., представитель династии Гиреев, сын Шахбаза Гирея, Халим Гирей в своем исследовании о династии Крымских ханов (составлено в 1811 г., дважды издавалось в Стамбуле – 1870, 1909 гг.) указал, что «могила хана Семин Мухаммед-Гирея¹² находится в селе Эски-Юрт возле Бахчисарая» [10, с. 40].

Швейцарский натуралист Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший западное предместье Бахчисарая весной 1833 г., оставил следующую запись: «Прежние ханы, имевшие свою резиденцию, весьма вероятно, в Кыркоре, воздвигали свои гробницы у выхода из долины в степь, вокруг небольшого селения Эски-Юрт. Некоторые из этих старинных сооружений замечательны» [13, с. 276]. Путешественник детально остановился в своих записках на усыпальницах поселения:

Дюрбе Мухаммед-Шах-бея-Бен-Юде-Султан: «Здание, квадратное в основании, переходит в восьмигранник благодаря тому, что его четыре угла срезаны к вершине. Свод представляет собой не купол, а составлен из восьми треугольных граней, соединяющихся на вершине. Под полом находится подвал, куда помещали гробы. Туда вела маленькая низкая дверь, предваряемая портиком, боковые стенки которого были вырезаны в виде ниш, подобных михрабу мечетей» [13, с. 277]. Автор сожалел, что ему не удалось перевести арабскую надпись над входом в дюрбе: «Надпись над входом между двумя розетками написана еще более сложной вязью, чем надпись над входом в гробницу Потоцкой. Никто не мог мне ее перевести. Тем не менее она представляет интерес, и я не теряю надежды на то, что однажды она будет расшифрована» [13, с. 277].

Дюрбе Мухаммед-Гирея II (большой восьмигранник): «Около этих древних дюрбе группируются три мавзолея, более современные и богатые. Самый красивый, вне всякого сомнения, тот, что находится ближе к мечети Эски-Юрта. Он построен в самом изящном мавританском стиле. <...> Нижние окна были обрамлены прекрасным белым мрамором, лучшие куски которого похищены. Саркофаги из белого мрамора прекрасной работы, покрытые рельефно высеченным узором из цветов и розеток, были ограблены. Железная крыша сильно пострадала» [13, с. 277].

Дюрбе Мухаммед-бея (Малый восьмигранник) и дюрбе Ахмед-бея (кубовидное): «Две другие гробницы менее замечательны и образующие одну группу с вышеописанной, довольно хорошо сохранились. Одна из них находится во дворе мечети. Здесь была принята мера предосторожности – лучшие мраморные плиты были замурованы в оконных проемах» [13, с. 277].

¹² Автор имеет в виду Мехмеда II Гирея (1532–1584) – сына и наследника Девлета I Гирея, Крымский хан в 1577–1584 гг.

Ф. Дубуа де Монпере вокруг дюрбе застал множество разнообразных надгробий, аналогии которым он до этого обнаружил в Старом Крыму: «Эти большие дюрбе <...> окружены значительной массой саркофагов, как из мрамора, так и их обычного камня, разбросанных в кажущемся беспорядке, либо объединенных внутри прямоугольных, сложенных из камня оград, подобно семейным гробницам. Лишь немногие остались нетронутыми. Я не видел плит с надписями. <...> Этот род татарских надгробий отличается от встречавшихся до сих пор: своды, углубленные в землю, напоминали мне гробницы, которые я видел в Старом Крыму» [13, с. 277].

Благодаря подвижничеству членов Одесского общества истории и древностей во втором томе Записок общества (ЗООИД) в 1848 г. впервые были опубликованы два эпиграфических памятника из Эски-Юрта и Азиза. Их перевод был выполнен вице-президентом общества А.Ф. Негри [2, с. 527–528].

Фрагментарную информацию содержит исследование отечественного этнографа А.В. Терещенко. Автор причислил место бывшего поселения к особо почитаемым святыням среди мусульман Крыма: «Салачик, Эски-Юрт и Азиз – благоговейные места для мусульман, завалены кучами надгробных камней, разбитыми гробницами и мавзолеями, между которыми есть прекрасной работы. Славившиеся богатством усыпальницы стоят в запустении. Я видел валяющиеся в пыли мраморные от гробниц обломки с изображением цветов и узоров, видел многие ханские обелиски и мавзолеи» [32, с. 54]. В.Д. Смирнов справедливо подчеркнул, что «археологические исследования на пространстве Эски-Юрта и Азиза, усеянном древними развалинами, без сомнения, могут открыть много данных, которые должны будут уяснить, истинное значение этой местности в истории утверждения татарского элемента в Крыму в догерайскую эпоху» [30, с. 119].

В 1890 г. в районе станции «Бахчисарай» (ныне – район железнодорожного вокзала) был обнаружен клад из 282 серебряных монет, датированных Императорской археологической комиссией XIII в. [26, с. 148–149]. Там же в 1891 г. местным жителем был обнаружен клад из 87 серебряных монет XIV в. [27, с. 184–185]. Оба клада детально исследованы не были, дальнейшая их судьба не известна. По справедливому замечанию М.М. Чорефа, «такие крупные по тем временам клады могли быть сокрыты только вблизи какого-то поселения. Следовательно, некий населенный пункт в западной части Бахчисарайской долины мог существовать уже в тот период. Другие упомянутые клады и отдельные монетные находки нам не столь интересны. Само их нахождение только подтверждает существование поселения в XIII–XV вв.» [35, с. 150].

В октябре 1890 г. член Таврической ученой архивной комиссии И.С. Журьяри по поручению Архивной комиссии, с целью «проверки заявления об открытых будто бы в окрестностях Бахчисарая проводником Брянцевым предметов и мест, заслуживающих внимания археологов, но еще неисследованных» [14, с. 109], посетил урочище Кырк-Азизлер. Он отметил, что «памятники этого кладбища, занимающего пространство несколько более пяти десятин¹³, совершенно сходны с памятниками, находящимися в Качи-Кальёне <...>. Склепы значительных размеров в большом количестве разбросаны группами по

¹³ Десятина – русская единица земельной площади, равная 2 400 кв. сажням или 1,09 гектара.

всему кладбищу, входы в них остаются закрытыми» [14, с. 109]. К моменту осмотра один из памятников оказался разграбленным: «разобран верх и через образовавшееся отверстие можно спуститься во внутрь. Этот склеп сферической формы, имеет по дну около четырех шагов. Стены его покрыты толстым слоем извести. По северной стороне, сбоку, находится полукруглой формы вход, высотой менее аршина¹⁴, заваленный камнями. У западной стены лежат два камня <...>, а близ них – человеческие кости, изорванная в клочки черная, по-видимому, козловая кожа, ломающаяся при слабом давлении на нее, и кусочки совершенно истлевших досок» [14, с. 109]. По утверждению Брянцева, склеп был обрушен недавно, а он одним из первых проник внутрь, где обнаружил «остов человека, зашитый в кожу. Голова его была обращена на юг, а ноги покоились в двух упомянутых выше камнях» [14, с. 109]. Череп, со слов проводника, был изъят профессором Н.П. Кондаковым. Эпиграфических памятников И.С. Журьяри обнаружено не было.

Осенью 1924 г. начаты научные работы по изучению древностей поселения Эски-Юрт, когда по инициативе КрымСНК была организована археологическая разведывательная экспедиция. Исследования проводились всего 10 дней, с 5 по 15 октября, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения при ЦИК СССР и Крымским отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Для составления общего плана работ была создана комиссия во главе с И.Н. Бороздиным. После тщательного осмотра территории и выработки дальнейшего плана предстоящего исследования, его выполнение возложено на А.С. Башкирова и У.А. Боданинского. После топографической фиксации территории городища работа была сосредоточена на его западной части, мусульманском могильнике Кырк-Азизлер.

4 ноября 1924 г. на страницах газеты «Красный Крым» А.С. Башкиров и У. А. Боданинский опубликовали краткий предварительный отчет об исследовании поселения Эски-Юрт [3, с. 2]. Был «составлен детальный топографический план <...> с нанесением на него сохранившихся на поверхности и открытых в земле памятников древности, произведен ряд архитектурных съемок с древних сооружений, произведены первые зондажные раскопки. Работы сопровождались детальнейшими зарисовками и фотографированием» [3, с. 2]. Авторы публикации отметили, что «в результате археологических работ был изучен тип монументальных дюрбе, тип купольных гробниц с их погребениями, погребения в грунтовых могилах и огромное количество разнотипных надгробных памятников, покрытых богатой орнаментацией, нередко снабженных надписями на татарском, арабском и персидском языках, часто с точным указанием года смерти умершего, а, следовательно, и времени изготовления того или иного памятника» [3, с. 2]. Большинство надгробий исследователями было датировано второй половиной XIV – началом XV вв.

Учитывая разведывательный характер работ, отсутствие времени на обработку материала, отмечено, что «пока еще не пришло время говорить о деталях научного значения открытых памятников. Предстоит кропотливая лабораторная их обработка. Нужны еще длительные дальнейшие изыскания <...>, но и то, что сделано во время первой рекогносцировочной работы <...>

¹⁴ Аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

является весьма ценным показателем того, что дальнейшие исследования могут дать богатый материал к пониманию прошлого» [3, с. 2].

Авторы публикации подчеркнули значительный интерес к работам не только в научной среде, но и широкой общественности: «Потянулись к месту работ не только экскурсии учащихся, работников просвещения, но и представители профсоюзов, члены местного исполкома и просто граждане массами перебивали на месте открытий» [3, с. 2]. 11 октября Эски-Юрт посетили председатель СНК СССР А.И. Рыков и член президиума ВЦИК и ЦИК СССР П. Г. Смидович.

Более детальный, но отнюдь не обстоятельный отчет об исследовании поселения был опубликован в журнале «Новый Восток» в 1925 г. [4, с. 295–311]. По результатам работ участниками экспедиции была предложена классификация выявленных надгробных памятников, выделены их следующие группы:

I. Горизонтальные надгробия:

1. «Каменная плита или одиноко лежащая над могилой, или огороженная камнями, мелкими плитами, поставленными на ребро» [4, с. 296]. Не имели надписей и резьбы.

2. «Надгробия длинные, низкие и широкие гробовидной формы с отлогой двускатной вершиной-крышей, высеченные с продолговато-квадратной плитой-цоколем. Последняя иногда двухступенчатая» [4, с. 297]. Сосредоточены в южной части могильника, без надписей.

3. Надгробия широкой формы с двускатной вершиной на высоком цоколе, узкие стороны которых выполнены в форме т.н. «рогов». Зачастую украшены резьбой, имели надписи. Исследователями была предпринята попытка проследить эволюцию оформления подобного типа памятников «от простейших форм к архитектурной миниатюрности. <...> Основной корпус их и двурогие части постепенно принимают формы архитектурных деталей и не каких-либо фантастических, а вполне реальных образцов монументальных сооружений» [4, с. 300]. Был сделан вывод о сельджукском влиянии на становление подобных надгробных форм¹⁵.

4. Отдельно выделено надгробие Хасене-Хатун, дочери имама, погребенной в 1369 (1397?) г. Памятник состоял из четырех блоков: на массивный известняковый постамент с поясом меандрового орнамента установлен мраморный фрагмент сундукообразной формы с двускатным верхом, где размещена надпись: «Пророк сказал: смерть есть чаша, которую должен каждый испить; смерть есть дверь, которую должен каждый пройти». По концам надгробия были установлены мраморные плиты, специальными вырезами закре-

¹⁵ С подобным утверждением не согласился М.М. Чореф, отметивший, что «попытка объяснить местное своеобразие надгробных памятников XIV–XV вв. исключительно влиянием культуры сельджуков, на наш взгляд, кажется необоснованной. Конечно, переселенцы из Малой Азии могли привносить элементы своей культуры, свои обычаи жителям Северного Причерноморья. Однако теория о проникновении сельджуков в Юго-Западный Крым в тот период все еще требует доказательств. Кроме того, обычай устанавливать на могилах макеты культовых сооружений был распространен и у христиан. Следовательно, мы можем предположить, что своеобразие надгробных памятников Эски-Юрта объясняется возникшим симбиозом культур кочевников-пришельцев и местного, аборигенного населения» [35, с. 148].

пленные в постаменте. На них – имя и дата смерти покойной. Здесь же была расположена надпись на фарси, вероятно – стихотворение.

II. Вертикальные надгробия: «имеют форму круглой или гранной колонки, увенчанной часто в богатой резьбе головным убором, который у поздних надгробий обычно чалмовидный, <...> под чалмой обычно на шейке надпись. <...> Вертикальные надгробия укрепляются прямо в землю между крупными камнями, но часто для них сооружаются особые плиты, в выдолбленные отверстия которых вставляются эти памятники; иногда эти плиты покрываются орнаментом; например, в виде круга с вырезанной в его поле шестиконечной звездой» [4, с. 307]. После окончания работ все выявленные надгробия были перевезены в бахчисарайский музей.

Авторы публикации указали на наличие на территории кладбища т.н. «аллеи купольных гробниц»: «“Аллея” эта занимает место в западной части могильника и выделяется видом небольших груд архитектурных фрагментов, среди которых видны остатки стен, огораживающих небольшие квадратные площадки. Иногда площадки зияют темными провалами от обвалившихся куполов, находящимися под площадками» [4, с. 309]. Участниками экспедиции были обследованы руинированные остатки дюрбе, составлен общий план памятников, выявлен ряд закономерностей: «из осмотра руин мы вывели следующие данные: разрушившиеся сооружения кубовидной формы, обычно впущенные в почву и скалу, перекрыты куполами на сферических парусах, перевернутая вершина которых на уровне пола. В восточной стенке камеры посередине выкладывается с арочным верхом замурованный ход, через который только и возможно проникнуть в камеру. Поверх купола камеры выложен пол верхнего помещения, которое или было открытое, только огороженное тонкой стенкой <...> или же поверх было другое наружное купольное сооружение» [4, с. 309]. Склеп одного из подобных памятников был детально исследован, обнаружено пять костяков. Подвергнут изучению ряд грунтовых захоронений, погребения безинвентарные [4, с. 311].

Фрагментарную информацию о т.н. «аллее» содержит «заметка» непосредственного участника археологических исследований В.Н. Чепелева. По его сведениям, всего было выявлено около 30 дюрбе, расположенных в северо-западном углу кладбища. Сооружения представляли собой в плане правильные прямоугольники, возвышающиеся над уровнем земли на 1–1,5 аршина (0,7–1 м)¹⁶.

9 октября 1924 г. участниками экспедиции была предпринята фотографическая съемка мавзолеев и их зарисовка, выполненная художницей Бонч-Осмоловской. На основании осмотра строений В.Н. Чепелев высказал мысль о том, что данные строения являются современниками древнейших памятников Кырк-Азизлера [19, с. 450], при этом отметив, что «древность этих дюрбе Азиза очень гадательная, близка к “Эски-Дюрбе” (Старый дюрбе)¹⁷ в Бахчи-

¹⁶ ГБУ РК «БИКАМЗ». Архив отдела охраны памятников. Фонд Е.В. Вермарна. Папка № 42. Д. 15/42. Чепелев В.Н. Заметка о кладбище в Кырк-Азизлер в Эски-Юрте (Бахчисарай) и о мавзолеех Азиза [без даты]. Л. 40 об.–41.

¹⁷ Автор имеет в виду памятник федерального значения гробницу «Эски Дюрбе», расположенный на улице Зои Космодемьянской, д. 12А, литера «А».

сарая; они еще, по-видимому, носят все следы восточного зодчества, в то время, как более поздние дюрбе во дворце, уже совершенно другого стиля»¹⁸.

В августе-сентябре 1926 г. по заданию Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) в Крым был направлен архитектор, член правления Российского общества по изучению Крыма Б.Н. Засыпкин. В его задачу входило ознакомление с архитектурными памятниками крымских городов, анализ их состояния и выработка предложений по их защите и изучению [33, с. 13]. Всего исследованию подверглось 69 памятников татарского зодчества, сделано около 300 фотоснимков и около 70 обмеров, составлялись технические акты и описания¹⁹. 9–10 августа 1926 г. Б.Н. Засыпкин совместно с У.А. Боданинским провели осмотр памятников древности Бахчисарая с целью выработки мер по их поддержанию и защите. Результаты отражены в отдельном акте, отложившемся в фондах Центрального государственного архива города Москвы (ГБУ «ЦГА Москвы»)²⁰. Участники комиссии не оставили без внимания памятники Азиза, был озвучен ряд предложений: «В дюрбе № 1 [дюрбе Мухаммед-Гирея II (большой восьмигранник) – Д.Л.] произвести облицовку купола камнем с последующей промазкой швов и флюатированием²¹. Произвести укрепление сохранившегося пилона от портала путем промазки швов и накладки одного ряда. Произвести очистку внутренности от земли и камней. По дюрбе № 2 [дюрбе Мухаммед-бея (Малый восьмигранник) – Д.Л.] произвести снятие позднейшей цементной штукатурки купола и восстановить облицовку его камнем. Произвести очистку покрытий от зарослей, исправление и дополнение карнизов и выстилку покрытий плитами. Произвести открытие заделанных окон со вставкой сетчатых решеток. Произвести укрепление мраморных наличников путем промазки швов. Вставить в цоколь недостающие камни. По дюрбе № 3 [дюрбе Ахмед-бея (кубовидное) – Д.Л.] произвести капитальный ремонт черепичной крыши и очистку кругом от позднейших наслоений земли. По дюрбе № 4 [дюрбе Мухаммед-Шах-бея-Бен-Юде-Султан – Д.Л.] произвести капитальный ремонт каменной части

¹⁸ ГБУ РК «БИКАМЗ». Архив отдела охраны памятников. Фонд Е.В. Вермарна. Папка № 42. Д. 15/42. Чепелев В.Н. Заметка о кладбище в Кырк-Азизлер в Эски-Юрте (Бахчисарай) и о мавзолеях Азиза [без даты]. Л. 42 об.

¹⁹ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Р-1: «Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918–1934 гг.». Оп. 1. Д. 509: «Обследование памятников архитектуры Крыма: пояснительные и докладные записки, 1922–1928 гг.». Л. 18: «Отчет об итогах обследования памятников Крыма архитектором Б.Н. Засыпкиным в августе–сентябре 1926 г.».

²⁰ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Р-1: «Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918–1934 гг.». Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32: «Акт обследования архитектурных памятников Бахчисарая от 9–10 августа 1926 г.».

²¹ **Флюатирование** – процесс химического воздействия растворимых фторосиликатов на негашеную известь, выделяющуюся при твердении цемента. Реакция впервые применена профессором Хауэншильдом (патент № 27083 от 05.06.1883 г.), тем самым создавшим эффективный способ защиты бетона. Под воздействием флюатов активная известь превращается в химически-пассивный и механически-прочный фторид кальция, а также образуются твердые силикаты. До настоящего момента метод остается актуальным, доступным и эффективным.

купола. Открыть заделанные окна и вставить решетки. Произвести мелкие исправления каменных деталей»²².

Архитектурный анализ четырех сохранившихся дюрбе на Азизе был представлен в 1927 г. Б.Н. Засыпкиным на страницах журнала «Крым» опубликованы чертежи усыпальниц, подчеркнута влияние сельджукской архитектуры, памятники датированы XIV–XVI вв. [15, с. 120]. У.А. Боданинский, рассматривая общую архитектуру мавзолеев Крыма, предположил наличие тесных взаимосвязей между Чуфут-Кале (Кырк-Ером) и Эски-Юртом, по сути, объединив их в единое поселение, превратив горную крепость в его цитадель. По мнению автора, Эски-Юрт имел название «Кырк», а «его верхняя крепость – Кырк-Ер» [6, с. 197]. Детальные чертежи усыпальниц, расположенных на территории поселения, включившие данные обмеров, а также ряд предложений по консервации памятников, были выполнены заведующим художественным отделом Центрального музея Тавриды, архитектором П.И. Голландским. В настоящий момент документы являются частью фондов Научного архива Института археологии Крыма РАН (Симферополь)²³, впервые опубликованы В.П. Кирилко [19, с. 443–450].

А.Л. Якобсон связал поселение Эски-Юрт с «первым очагом татарской оседлости в Крыму» [36, с. 134; 37, с. 129], существовавшее, по его мнению, во второй половине XIV – XV вв. до возникновения Бахчисарая. Автор подчеркнул, что «насыщенный культурный слой в восточной половине урочища позволяет говорить об интенсивной жизни; следы каменных фундаментов указывают на основательность отдельных построек» [36, с. 135; 37, с. 129]. А.Л. Якобсон отметил наличие разнообразных по форме надгробных памятников в западной части урочища: «цилиндрические (увенчанные чалмой), в виде стелы, гробовидные на монолитной плите, гробовидные с двускатным верхом, с выступами на концах (“рогами”) или без них; нередко этим выступам на надгробиях придавали архитектурные формы в виде модели мавзолея-дюрбе, а горизонтальная часть надгробия обрабатывалась в виде удлиненного здания мечети. Многие из надгробий богато украшены резьбой в виде жгутиков с петлями, розетками, сложными плетенками, сплетенными пальметками и пр.» [36, с. 134; 37, с. 129]. Автор заострил внимание на архитектуре дюрбе Мухаммед-бея – «одного из наиболее древних памятников раннетатарской архитектуры. Это приземистый куб со срезанными углами <...>, дающими переход к узкому восьмигранному верху, перекрытому куполом. С южной стороны к зданию примыкает небольшой портал в виде пилонов с пиштаком <...>. Под полом – глубокая сводчатая усыпальница с замурованным входом. Облицовка из гладко тесанного камня придает мавзолею черты монументальности» [36, с. 134; 37, с. 129]. На основании архитектурного анализа дюрбе А.Л. Якобсон пришел к выводу о «полной зависимости раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому же крайне упрощались. В этом отношении дюрбе Эски-Юрта очень характерно.

²² ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Р-1: «Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918–1934 гг.». Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32: «Акт обследования архитектурных памятников Бахчисарая от 9–10 августа 1926 г.».

²³ Институт археологии Крыма РАН. Научный архив. Голландский П.И. 4 дюрбе в селении «Азиз» близ Бахчисарая и мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае.

Архитектура татар-кочевников в XIV и XV вв. лишь зарождалась, как зарождалось в это время и их государство в Крыму» [36, с. 134; 37, с. 129].

Исследование эпиграфических памятников Эски-Юрта было продолжено лишь по прошествии более 60 лет с момента первых археологических изысканий. В 1989 г. А.А. Ивановым (ныне – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук, академик Британской академии общественных и гуманитарных наук) осуществлена идентификация и классификация надгробных памятников, выполнено повторное прочтение эпитафий, произведен их научный анализ. Из внесенных в 1924 г. в инвентарную книгу 25 могильных камней (№№ 2449–2473) в бахчисарайском музее было выявлено 23 шт. (не обнаружены надгробия, изображенные на рисунках № 4 и 8а в публикации А.С. Башкирова, У.А. Боданинского [4, с. 298, 307]). Большинство (20 из 23) представляли собой вырубленные из монолитного известняка сундукообразные саркофаги на платформе с двускатным верхом и т.н. «рогатыми» выступами, надписей не имели лишь 3 памятника из 23, 12 из них датированы. Наиболее ранний имел две надписи: «Это гробница покойной, прощенной, счастливой мученицы за веру Шаххатун, дочери Махмуда ал-Кирими, милость Аллаха всевышнего [да будет над нею]...» и «Сказал Пророк, мир над ним: “Верующие не умирают, но переходят из мира тленного в мир вечный”». В конце стоит дата: месяц джумази-уль-ахыр 716 – т.е. 1316 г. [16, с. 26]. Надгробие выполнено из мрамора, установлено на известняковой плите, впервые перевод опубликован во втором томе ЗООИД. А.А. Иванов отметил, что «нет твердой уверенности в происхождении этого камня с городища Эски-Юрта» [16, с. 27]. Наиболее поздний памятник датирован 1419 г.

На основе полученного материала авторитетным иранистом был сделан ряд выводов и предположений:

1. Судя по датам, жизнь на городище Эски-Юрта шла достаточно активно в 70-х гг. XIV в. и до 20-х гг. XV в.

2. На десяти камнях удалось установить имена покойных, лишь пять из них сопровождалось нисбами: три – «Кырыми», в одном случае – «ас-Семаи», одна не прочитана. Данная приставка к имени погребенного, зачастую указывающая его географическое происхождение, могла бы помочь в определении названия поселения в XIV–XV вв., но полученный малоинформативный материал, по мнению А.А. Иванова, не позволил этого сделать: «Можно полагать, что это название [Эски-Юрт – Д.Л.] более позднее и старым это городище стало считаться по отношению к Бахчисараю, возникшему в начале XVI в. или по отношению к крепости Кырк-Ор, где была ставка Крымских ханов в XV в. Вряд ли это место тоже называлось “Крым” (Кирим) наряду с Солхатом-Крымом (позднее – Эски-Крым), где было найдено 10 могильных камней с нисбом “ал-Кирими”» [16, с. 30]. Кандидат филологических наук, руководитель центра государственной культурной политики российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева Е.В. Бахревский придерживается диаметрально противоположной точки зрения: «На наш взгляд, при переходе политического центра страны в юго-западную часть полуострова туда же должно было перейти и название столицы. Таким образом, Бахчисарай с предместьями

должен был носить и название Крыма, Нового Крыма. <...> Эски-Юрт и Бахчисарай при перенесении сюда политического центра должны были именоваться “городом Кырымом”, и надгробия с кладбища в Эски-Юрте носят нисбу “Кырыми” именно по этой причине» [1, с. 189–190].

3. «Эски-Юрт был весьма значительным поселением в XIV–XV в. Ведь кроме могильных памятников здесь сохранились четыре мавзолея и прекрасный каменный мимбар, что говорит о существовании мечети в свое время. <...> План кладбища Кырк-Азизлер дает возможность подсчитать, что это кладбище занимало около 16 га. <...> Употребление тюркских имен покойных и числительных в датах позволяет говорить о нарастании (преобладании) тюркского населения в Эски-Юрте» [16, с. 30].

4. «В Эски-Юрте во второй половине XIV – первой четверти XV вв. существовала своя хорошо развитая школа обработки камня, о чем свидетельствуют прекрасно выполненные могильные камни и мавзолеи. Художественные связи этой школы были направлены на юг – в Анатолию, хотя здесь в надписях на могильных памятниках мы не находим выходцев из этого региона» [16, с. 31].

Пятая нисба из Эски-Юрта была переведена в 2014 г. научным сотрудником Института востоковедения РАН Е.Ю. Гончаровым и заместителем директора Бахчисарайского историко-культурного заповедника И.В. Зайцевым. Среди обнаруженных на территории кладбища Кырк-Азизлер памятников было сундукообразное надгробие с двускатной высокой стрельчатой вершиной, которое по первоначальной описи материалов имело седьмой порядковый номер. На обеих его торцевых сторонах имелись надписи. А.С. Башкиров и У.А. Боданинский ограничились в своей статье воспроизведением восточной торцевой стороны: «Надпись надгробия № 7 указывает на то, что под ней лежат кости ученого представителя мусульманского философско-религиозного ордена мевлевийцев; читается она так: на западной торцевой стороне памятника – “сей покойный прощенный мевлиана Ахмед бин – Махмуд эль – Балигый бин – Хусейн” и на восточной стороне – “года 793” = 1390 г.н.э. “Да помилует, его бог”» [4, с. 307]. А.А. Иванов выполнил более точный перевод эпитафии: «Покойный господин наш Ахмад ибн Махмуд ал...» и «год 793, да помилует его Аллах». Ученый отметил, что «начало и конец надписи с именем покойного пока не понятны. В конце явно должна стоять нисба, но А.С. Башкиров и У.А. Боданинский предлагали чтением этого места как “...ал-Балигый ибн Хусейн”, но в надписи явно нет слов “ибн Хусейн”, а остается непонятная нисба» [16, с. 27]. Е.Ю. Гончарову и И.В. Зайцеву удалось перевести нисбу и выполнить полный перевод всей эпитафии: «[Это могила] покойного мевляны Ахмада ибн Махмуда Барчинлыкского²⁴» и «В год семьсот девяносто третий. Да помилует его Господь!» [12, с. 177].

²⁴ **Барчинлык** (Барчин, Барчинлыг-кент, Барчкенд) – один из крупнейших городов на территории сырдарьинских владений Джучидов. В эпоху монгольского завоевания упоминается среди городов, взятых армией Чингизхана. После административных и финансово-экономических реформ, проведенных в Великой Монгольской империи в 1251 г., здесь чеканились золотые и серебряные монеты, город имел статус центра провинции. В результате соглашений, достигнутых на Курултае 1267 г., отошел в Улус Джучидов, на его серебряных монетах появилась тамга хана Менгу-Тимура, потомка Бату. Археологи-

Подкрепляя свои рассуждения нумизматическим материалом, авторы пришли к выводу о существовании обширных связей между регионами Золотой Орды в первой половине XIV в. Не отрицая возможность переезда мавляны Ахмада б. Махмуда в Крым в иные годы, отмечено начало 1380-х гг., «как период большей вероятности такого путешествия. В 1380 г. хан Токтамыш ушёл с армией из Ак-Орды и Хорезма на завоевание западных областей Улуса Джучидов. В войсковом обозе, скорее всего, ехали не только лица военного сословия, но и всевозможные сопровождающие, включая духовенство. Это было, возможно, самое крупное перемещение жителей из среднеазиатских вилайетов Золотой Орды в ее западные районы, достигнувшее, в том числе и Крыма» [12, с. 179].

Первые результаты исследования керамического материала поселения Эски-Юрт получены лишь в конце XX в. и отражены в совместной публикации крымских археологов [5, с. 183–190]. В 1990 г. на северо-восточной окраине современного г. Бахчисарай на территории винодельческого завода в заполнении средневековой ямы, частично разрушенной строительной траншеей, выявлены два фрагмента поливной посуды. Первый отнесен исследователями к придонной части открытого сосуда, нанесен геометрический орнамент в виде косой сетки, в заполнении которой изображены спиралевидные завитки. Второй фрагмент – донная часть красноглиняной миски на кольцевом поддоне. Внутренняя сторона сосуда была покрыта тонким слоем прозрачной зеленой поливы. Под ней по белому ангобу прочерчен стилизованный растительный орнамент. На дне имеется след от ножки подставки. Оба фрагмента были отнесены к XIV – началу XV вв. [5, с. 185].

В 1991 г. в рамках программы по реставрации памятников мусульманской архитектуры региона сотрудники Крымской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация»²⁵ совместно с Научно-производственным предприятием «Къысмет» выполнили обмеры ряда мавзолеев Салачика и Эски-Юрта. На двух из них – Мухаммед-Шах-бея и Хаджи-Гирея – силами Горно-Крымской археологической экспедиции Института археологии Академии наук Украины под руководством В.Л. Мыца проведены археологические исследования [19, с. 451]. Работы на первом из них производились на двух участках: внутри строения и перед южным фасадом.

К моменту раскопок дюрбе погребения были практически полностью утрачены. Выявлены лишь отдельные фрагменты нескольких костяков. На дне усыпальницы в южной части помещения обнаружены детали надгробного памятника (по классификации А.Е. Гайворонского – тип № 2 [9, с. 18]), ряд архитектурных фрагментов из известняка. Исследования позволили получить дополнительные сведения об архитектонике здания. В результате археологических работ за пределами усыпальницы на дневной поверхности строительного горизонта обнаружены две бронзовые монеты, одна из которых датирована М.Б. Северовой 1778 г. (второй год правления Шагин-Гирея). На основании

ческими остатками является городище Кыз-Тобе, находящееся западнее г. Кзыл-Орда в бассейне р. Жана-дарья.

²⁵ Ныне – Государственное унитарное предприятие Республики Крым «Комплексная архитектурно-реставрационная мастерская Крымпроектреставрация» (г. Симферополь).

проведенных исследований проведена реконструкция портала сооружения, возведение мавзолея отнесено к последней четверти XVIII в. [19, с. 463].

В 2005 г. сотрудниками Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника проведены разведывательные археологические изыскания на западной окраине Бахчисарая в районе пищевого комбината по ул. Подгородней. Исследуемый участок в 30–50-х гг. XX в. был занят фруктовым садом, подвергался интенсивной распашке, в 70-х гг. стал частью промышленной окраины города, что привело к серьезному повреждению культурного слоя, на значительной площади – к его полному уничтожению. В процессе работ было зачищено 12 траншей, общей площадью 135 кв.м, разбиты четыре квадрата [17, с. 182]. Обнаружены остатки поселения золотоордынского времени, выявлены части разрушенных тандыров, четыре хозяйственных ямы, заполненные пластами обмазочной глины, почвой, бутовым камнем. В засыпи найдены обломки бытовой посуды и кости домашних животных. В составе общего керамического комплекса преобладали фрагменты гончарной посуды золотоордынского времени. Она представлена частями горшков и кувшинов коричневого обжига, красноглиняных поливных кувшинов, поливных монохромных чаш с подглазурной росписью белым ангобом, полихромных и монохромных чаш, украшенных геометрическим или растительным орнаментом. На исследованном участке обнаружено 36 медных золотоордынских монет, датированных XIV – началом XV вв. [17, с. 183]. Руководитель археологических исследований С.В. Карлов с уверенностью констатировал: «Открытые раскопками части тандыров и хозяйственные ямы свидетельствуют о том, что в средневековье на этом участке Эски-Юрта находились жилые дома и хозяйственные комплексы. Полученный археологический материал дает возможность предварительно датировать исследованную часть поселения хронологическим интервалом от начала XIV до начала XV вв., что не противоречит данным эпиграфики» [17, с. 184]. Детальный отчет о проведенных исследованиях представлен руководителем экспедиции в 2010 г. на международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» (г. Старый Крым) [18, с. 35–76].

Итогам изучения отдельного артефакта, обнаруженного в процессе археологических исследований 2005 г., посвящен доклад младшего научного сотрудника Музея археологии и пещерных городов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (ГБУ РК «БИКАМЗ») О.М. Стойковой, представленный на третьих Бахчисарайских научных чтениях памяти Е.В. Веймарна (9–11 сентября 2015 г.) [31, с. 25–26]. Экспедицией С.В. Карлова была обнаружена поливная миска со стилизованным изображением птицы, датированная XIV в., собранная из нескольких фрагментов. Декорирована по внутренней части дна зооморфным изображением в виде птицы с расправленными крыльями. По четко прорисованному контуру автором сделано предположение, что птица относится к совообразному отряду хищных. На поверхности миски изображение получено путем гравировки по ангобу. После нанесения рисунка сосуд был покрыт прозрачной светло-зеленой поливой. По мнению О.М. Стойковой, вполне вероятным является производство миски в одном из гончарных центров Крыма, к примеру – в Солхате [31, с. 25–26]. На данный момент артефакт находится в экспозиции

«Столовая посуда Юго-Западного Крыма» в здании Зынджирлы-Медресе в витрине № 5 под номером 39.

Оригинальную версию локализации поселения Эски-Юрт предложил М.М. Чореф, предположивший его возникновение и становление на землях разоренного Кырк-Ер: «Золотоордынское городище возникло в западной части долины и постепенно заняло ее всю. <...> Уже в начале XIV в. это было довольно большое поселение, жители которого вели значительную торговлю. <...> Возможно, оно являлось административным центром или было резиденцией татарского феодала, вероятно, наместника правителя Золотой Орды. <...> Вероятно, в результате бурных событий конца XIV – начала XV вв. Кырк-Ер был разорен. Оставшиеся в живых жители покинули западную часть долины и переселились на ее восточную сторону, ближе к горам. Эти районы ранее были заселены, но не являлись центром городища. Теперь же на восточной окраине поселения появилась новая резиденция, а укрепление на плато стало убежищем в случае опасности. Так как все эти районы входили в состав Кырк-Ера, то старое название сохранилось и за ними. В это время центр поселения практически обезлюдел. <...> На территории прежнего укрепления, у входа в долину, там, где некогда была ставка, возникло селение Эски-Юрт, давшее название западным районам некогда существовавшего городища» [35, с. 150].

М.М. Чореф также заключил, что «Кырк-Ер может быть локализован в районе современного железнодорожного вокзала Бахчисарая. Дело в том, что его укрепление могло находиться только на возвышенности, закрывающей подходы в долину; близ его предполагаемого местонахождения него были найдены три клада, а неподалеку находятся остатки золотоордынских некрополей. А наличие на месте т.н. Эски-Юрта, по словам путешественников, христианских культовых центров, позволяет нам предполагать, что какое-то поселение существовало на его территории до XIII в. и было захвачено монголами» [35, с. 150].

Крымские исследователи А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев однозначно связывают появление «первого татарского поселения в Юго-Западном Крыму – Эски-Юрта» [11, с. 57] – с временем захвата татарами Кырк-Ера: «Скорее всего, появление Эски-Юрта и подчинение Кырк-Ера – звенья одной цепи – проникновения золотоордынцев в юго-западный Крым, своего рода нейтральную территорию между Золотой Ордой и генуэзскими владениями» [11, с. 57], что произошло, по мнению авторов, не ранее второй половины XIV в.

В 2006 г. опубликован каталог памятников Ханского кладбища Бахчисарайского дворца [9]. В него были включены надгробия, перевезенные сюда экспедицией У.А. Боданинского осенью 1924 г. с территории практически уничтоженного ныне кладбища Кырк-Азизлер (кроме хранившихся на тот момент в лапидарии музея). Приведена датировка памятников, имена погребенных (если эти данные было возможно установить), указано их схематическое расположение на общей карте Ханского кладбища, каждому объекту присвоен отдельный номер [9, с. 39–40].

Ряд оригинальных предположений о характере поселения Эски-Юрт выдвинул бахчисарайский краевед А.Е. Гайворонский, в большинстве своем не подкрепленные научными фактами, но имеющие убедительную логическую

основу. Автор обширной публикации, указывая на внушительную по средневековым меркам площадь Азиза и Кырк-Азизлера, склонен видеть в Эски-Юрте периода его расцвета крупный городской центр: «Параллельное существование кладбищ Газы-Мансур и Кырк-Азизлер показывает, что основными пользователями Кырк-Азизлера являлись жители не Салачика и не Кырк-Ера, а самого Эски-Юрта. В этом случае стоит признать, что Эски-Юрт в ранний период своей истории был довольно крупным поселением – ведь всякий, кто имеет представление о сельских мусульманских кладбищах Крыма, отметит обширность погребальных комплексов Эски-Юрта и несоответствие их масштабов скромным масштабам того небольшого поселка, что известен нам из поздних описаний. <...> Итак, Эски-Юрт по целому ряду данных предстает перед нами как довольно крупное поселение, городской характер которого вовсе не исключен» [8, с. 87]. Подтверждением этому могут служить и эпиграфические данные, свидетельствующие о том, что в Эски-Юрте проживали представители знати (на надгробиях упоминаются титулы «султани», «бек») и духовенства (мевляна Ахмед, имам мевляна Анис эд-Дин эс-Семаи).

А.Е. Гайворонский отметил ряд общих черт в развитии Солхата и Эски-Юрта, считая их важнейшими ордынскими центрами в восточном и западном Крыму соответственно: «Два города не просто имели черты сходства в своей топографии, но и находились во взаимодействии. Это факт, доказанный материалами эски-юртской эпиграфики: в Эски-Юрте жили и умирали люди из Кырыма, а также их потомки. <...> Судя по всему, это было немалое по площади поселение, возникшее на древнем торговом пути. Эски-Юрт по своему расположению имел много общего с Кырымом и даже был отчасти населен выходцами из этого города» [8, с. 90].

Проводя исторические параллели между Солхатом и Эски-Юртом, А.Е. Гайворонский задал логичный вопрос: «Есть ли древний предшественник у Эски-Юрта? Таких пунктов пока не найдено (собственно, еще никто не пытался их искать). Однако обнаружение следов раннесредневековых поселений в этой местности вовсе не исключено» [8, с. 89]. Данный тезис особо актуален ввиду сообщений Мартина Броневского и священника Иакова о руинах христианских построек в этом районе. Об этом свидетельствует и мраморный архитектурный фрагмент с изображением креста явно вторичного использования, обнаруженный в начале 20-х гг. экспедицией У.А. Боданинского.

Автор публикации упомянул о существовании монет конца XIV в., отчеканенных в т.н. «Новом Крыму» (Кырым-ал-Джадид). «Если исходить из того, что “джедиды” это отдельные города, то на полуострове сложно найти иное место для локализации “Нового Кырыма”, кроме Эски-Юрта. Ведь других городов, сравнимых с Кырымом по населенности, в ордынской части полуострова попросту не было. <...> Эски-Юрт, весьма схожий в своем месторасположении с Кырымом, был в сравнении с ним действительно «новым», ибо на местных кладбищах не зафиксированы столь старые памятники, как в Солхате (ряд данных указывает, что и ордынская власть в этих краях была установлена несколько позже, чем в Восточном Крыму)» [8, с. 95]. Учитывая существование «старого» Кырыма вполне логичным выглядит предположение о возможности локализации «нового».

А.Е. Гайворонским были изложены сомнения о возможности расположения ставки Хаджи-Гирея на современной территории крепости Чуфут-Кале:

«Это безводное и труднодоступное место, не годящееся для многолюдной ханской резиденции – а тем более в период, когда архаичные ордынские традиции кочевья еще играли определенную роль как в жизни первых лиц государственной структуры, так отчасти и самого ханского двора» [8, с. 91]. Наиболее вероятным направлением поиска резиденции указан Эски-Юрт: «Малый “двойник” Кырыма прекрасно отвечал всем требованиям для устройства новой столицы – даже, пожалуй, лучше, чем крепость Кырк-Ера и ущелье Салачика. <...> Итак, Кырк-Ер являлся сокровищницей и убежищем на случай опасности, в то время как сама ханская ставка находилась в низине, в местности, подобной Солхату. <...> Постоянное пребывание ставки на скалах Кырк-Ера сопряжено с затруднениями, которые лишены смысла в мирное время» [8, с. 91]. Справедливо отмечено практически полное отсутствие шансов обнаружить место расположения ханского дворца: «Если четко выявляемых остатков дворца не найдено даже в Кырыме, то в Эски-Юрте такая вероятность еще меньше уже в силу меньшей масштабности самого города. Если же ханская ставка имела вид известного и описания ордынских городов “города шатров”, то шансы такой находки становятся и вовсе ничтожными» [8, с. 92].

Стоит лишь надеяться, что подобные рассуждения обретут реальную основу, появятся неопровержимые факты в пользу того или иного тезиса. Наиболее эффективным инструментом поиска подобных доказательств могут стать лишь планомерные археологические исследования на городище средневекового поселения Эски-Юрт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахревский Е.В.* Кладбище в Эски-Юрте: по материалам «Книги путешествия» Эвлии Челеби // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 1996. Вып. 5. С. 185–191.
2. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // *Записки Одесского общества истории и древностей.* 1848. Т. 2. С. 480–528.
3. *[Башикиров А.С., Боданинский У.А.]*. Изучение материальной культуры крымских татар // *Красный Крым.* Симферополь, 1924. № 155(1174). 4 ноября. С. 2. Изд. под псевд.: Б.Б.
4. *Башикиров А.[С.], Боданинский У [А.]*. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // *Новый Восток.* 1925. № 8–9. С. 295–311.
5. *Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В.* Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* / Крымский филиал Института археологии НАН Украины; под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Киев: Стилос, 2005. Т. 1. С. 183–190.
6. *Боданинский У.[А.]*. Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму: из истории искусства крымских татар // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.* 1927. № 1(58). С. 195–201.
7. *Броневский Мартин.* Описание Крыма // *Историческое наследие Крыма.* 2005. № 10. С. 156–200.
8. *Гайворонский О.* Мысли об Эски-Юрте // *Восточная нумизматика на Украине.* Ч. 2: «Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств» / Под ред. К.К. Хромова. Киев: Купола, 2007. С. 85–98.

9. *Гайворонский О.* Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: схема и каталог памятников / Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
10. *Герай Халим султан.* Розовый куст ханов или история Крыма / Под ред. Н.С. Сейтягъева. Симферополь: Доля. 2004. 288 с.
11. *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
12. *Гончаров Е.Ю., Зайцев И.В.* Из Барджинлыка в Эски-Юрт: мевляна Ахмад бин Махмуд ал-Барджинлыги // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7: «Памяти Фахрутдинова Рауиля Габдрахмановича». С. 176–180.
13. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6 / Под ред. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
14. *Журьяри И.[С.].* Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. № 9. С. 108–111.
15. *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
16. *Иванов А.А.* Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Северо-Кавказский научный центр высшей школы; под ред. Г. А. Федорова-Давыдова. Ростов-на-Дону: Изд-во ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.
17. *Карлов С.В.* Археологические исследования средневекового поселения Эски-Юрт в г. Бахчисарае // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. / Інститут археології НАН України; за ред. Н. О. Гаврилюк. Вип. 8. Київ-Запоріжжя: Дике поле, 2006. С. 182–184.
18. *Карлов С.В.* Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата: матер. Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Под ред. А.Г. Герцена. [Харьков]: Прага, 2010. С. 35–76.
19. *Кирилко В.П.* Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum Plus. 2005–2009. № 6: «Причерноморские этюды». С. 439–466.
20. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме: 1666–1667 гг. / Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины; пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
21. *[Маништейн Х. Г.].* Записки о России генерала Манштейна: 1727–1744. СПб.: типография В.С. Балашева, 1875. 378 с. Приложение к журналу «Русская старина». М., 1875. Т. XIII.
22. *[Маништейн Х.Г.].* Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки. М., 1824. Ч. 19, № 51. С. 75–100.
23. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / Институт истории АН СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
24. Описание Крыма (Tartariqе descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 333–367.
25. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах / РАН; под ред. Б.В. Левшина. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия: «Научное наследство»; вып. 27).
26. Распределение случайных археологических находок, доставленных в Археологическую комиссию, местными учреждениями и частными лицами // Отчет Импе-

раторской археологической комиссии за 1890 г. СПб.: Типография Императорской АН, 1893. С. 134–151.

27. Распределение случайных археологических находок, доставленных в Археологическую комиссию, местными учреждениями и частными лицами // Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1893. С. 174–187.

28. Савёлов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. С предисловием Л.М. Савёлова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1905. № 39. С. 1–105.

29. Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. 2. С. 685–692.

30. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб.: Университетская тип-я в Казани, 1887. 772 с.

31. Стойкова О.М. Красноглиняная поливная миска XIV в. с изображением птицы // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 9–11 сентября 2015 г. / ГБУ РК «БИКАМЗ». Бахчисарай: МУП «Бахчисарайская районная типография», 2015. С. 25–26.

32. Терещенко А.[В.]. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. Ч. 84. С. 34–78.

33. Хливнюк А.В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

34. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. С. 272 с.

35. Чорев М.М. К Истории Эски-Юрта // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2008. Вып. I. С. 145–153.

36. Якобсон А.Л. Крым в средние века / АН СССР. М.: Наука, 1973. 174 с. (Серия: «Из истории мировой культуры»).

37. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры / ЛОИА АН СССР. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.

Сведения об авторе: Дмитрий Анатольевич Ломакин – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурного подразделения) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», **ORCID:** 0000-0001-8832-4867, **ResearchID:** Q-4428-2017 (295007, проспект Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: LomakinDA@mail.ru

Поступила 5.09.2018 Принята к публикации 03.12.2018

Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Bakhrevskiy E.V. Kladbishche v Eski-Yurte: po materialam «Knigi puteshestviya» Evlii Chelebi [The Cemetery in Eski-Yurt: based on the Evliya Çelebi's "Travel Book"]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol, Tauria Publ., 1996, is. 5, pp. 185–191. (In Russian)
2. Bakhchisarayskie arabskie i turetskie nadpisi [Bakhchisarai Arabic and Turkish inscriptions]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1848, vol. 2, pp. 480–528. (In Russian)
3. Bashkirov A.S., Bodaninskiy U.A. Izuchenie material'noy kul'tury krymskikh tatar [Studying material culture of the Crimean Tatars]. *Krasnyy Krym* [The Red Crimea]. Simferopol, 1924, vol. 155 (1174). (In Russian)
4. Bashkirov A.S., Bodaninskiy U.A. Pamyatniki Krymsko-Tatarskoy stariny. Eski-Yurt [Monuments to antiquity of the Crimean Tatars. Eski-Yurt]. *Novyy Vostok* [New East]. Moscow, 1925, vol. 8–9, pp. 295–311. (In Russian)
5. Belyy A.V., Voloshinov A.A., Karlov S.V. Polivnaya keramika zolotoordynskogo vremeni iz Eski-Yurta [Glazed ceramics of the Golden Horde's time from Eski-Yurt]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vekov* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Coast of the 10th–18th centuries.]. Kyiv, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 183–190. (In Russian)
6. Bodaninskiy U.A. Tatarskie «Durbe»-mavzolei v Krymu: iz istorii iskusstva krymskikh tatar [The Tatar "Durbe" mausoleums in Crimea: from history of art of the Crimean Tatars]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Taurian Society of History, Archaeology and Ethnography]. Simferopol, 1927, vol. 1, pp. 195–201. (In Russian)
7. Bronevskiy Martin. Opisanie Kryma [Description of the Crimea]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of the Crimea]. Simferopol, 2005, vol. 10, pp. 156–200. (In Russian)
8. Gayvoronskiy O. Mysli ob Eski-Yurte [Thoughts of Eski-Yurt]. *Vostochnaya numizmatika na Ukraine* [Oriental Numismatics in Ukraine]. Kyiv, Domes Publ., 2007, vol. 2, pp. 85–98. (In Russian)
9. Gayvoronskiy O. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisarayskom dvortse: skhema i katalog pamyatnikov* [The Khan Cemetery in Bakhchisarai Palace: Scheme and Catalog of Monuments]. Simferopol, Destiny Publ., 2006. 64 p. (In Russian)
10. Geray Khalim sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma* [The Rose Bush of Khans or the History of Crimea]. Simferopol, Destiny Publ., 2004, 288 p. (In Russian)
11. Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. *Krepost' dragotsennostey. Kyrk-Or. Chufut-Kale* [Fortress of Jewelry. Kyrk-Or. Chufut-Kale]. Simferopol, Tauria Publ., 1993, 128 p. (In Russian)
12. Goncharov E.Yu., Zaytsev I.V. Iz Bardzhinlyka v Eski-Yurt: mevlyana Akhmad bin Makhmud al-Bardzhinlygi [From Bardzhinlyk to Eski-Yurt: mevlyana Ahmad bin Mahmoud al-Bardzhinlygi]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, vol. 7, pp. 176–180. (In Russian)
13. Dubois de Montpéroux F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i Krym* [Travel across the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform, 2009, 328 p. (In Russian)
14. Zhur'yari I.S. Poezdka v blizhayshie okrestnosti Bakhchisaraya [Trip to the closest vicinities of Bakhchisarai]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. Simferopol, 1890, vol. 9, pp. 108–111. (In Russian)
15. Zasyupkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Monuments of architecture of the Crimean Tatars]. *Krym* [Crimea], 1927. vol. 2, pp. 113–168. (In Russian)

16. Ivanov A.A. Nadpisi iz Eski-Yurta [Inscriptions from Eski-Yurt]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII – XVI vekakh* [The Northern Black Sea Coast and the Volga Region in Relations between the East and West in the 12th–16th centuries]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1989, pp. 24–31. (In Russian)
17. Karlov S.V. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo poseleniya Eski-Yurt v g. Bakhchisarae [Archaeological researches of the medieval settlement of Eski-Yurt in Bakhchisarai]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2004–2005 rr.* [Archaeological Researches in Ukraine in 2004–2005]. Kyiv, Wild field Publ., vol. 8, 2006, pp. 182–184. (In Russian)
18. Karlov S.V. Novye dannye o srednevekovom poselenii Eski-Yurt v Bakhchisarae [New data on the medieval settlement of Eski-Yurt in Bakhchisarai]. *Otkroveniya drevnego Solkhata* [Revelations of the Ancient Solkhat]. Kharkiv, Praga Publ., 2010, pp. 35–76. (In Russian)
19. Kirilko V.P. Arkheologicheskoe issledovanie musul'manskikh mavzoleev-dyurbe Bakhchisaraya [Archaeological research of Muslim Durbe mausoleums of Bakhchisarai]. *Stratum Plus*. Bucharest, Chisinau, Odessa, St. Petersburg, 2009, vol. 6, pp. 439–466. (In Russian)
20. *Kniga puteshestviya. Turetskiy avtor Evliya Chelebi o Kryme: 1666–1667 gg.* [The Travel Book. The Turkish Author Evliya Çelebi about Crimea: 1666–1667.]. Simferopol, Gift Publ., 1999. 144 p. (In Russian)
21. Manstein Kh.G. *Zapiski o Rossii generala Manshteyna: 1727–1744* [Notes about Russia by General Manstein: 1727–1744]. St. Petersburg, V.S. Balashev Publ., 1875. 378 p. (In Russian)
22. Manstein Kh.G. Opisanie dvortsa Khana Krymskogo i stolichnogo ego goroda Bakhchisaraya, uchinennoe po prikazu grafa Minikha kapitanom Manshteynom [The description of the palace of the Crimean Khan and his capital city of Bakhchisarai executed by order of the count Münnich by captain Manstein]. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic Notes]. Moscow, 1824, vol. 51, pp. 75–100. (In Russian)
23. Novosel'skiy A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Fight of the Moscow State against Tatars in the first half of the 17th century]. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1948. 448 p. (In Russian)
24. Opisanie Kryma (Tartariae descriptio) Martina Bronevskogo [Description of Crimea (Tartariae descriptio) of Martin Bronevsky]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1867, vol. 6, pp. 333–367. (In Russian)
25. Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [The Observations Made during the Travel on the Southern Regions of the Russian State in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 246 p. (In Russian)
26. Raspredelenie sluchaynykh arkheologicheskikh nakhodok, dostavlennykh v Arkheologicheskuyu komissiyu, mestnymi uchrezhdeniyami i chastnymi litsami [Distribution of the casual archaeological finds brought to the Archaeological commission by local institutions and individuals]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1890 g.* [The Report of the Imperial Archaeological Commission for 1890]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, pp. 134–151. (In Russian)
27. Raspredelenie sluchaynykh arkheologicheskikh nakhodok, dostavlennykh v Arkheologicheskuyu komissiyu, mestnymi uchrezhdeniyami i chastnymi litsami [Distribution of the casual archaeological finds brought to the Archaeological commission by local institutions and individuals]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1891 g.* [The Report of the Imperial Archaeological Commission for 1891]. St. Petersburg, Head department of appanages Publ., 1893, pp. 174–187. (In Russian)

28. Savëlov L.M. Iz istorii snosheniy Moskvy s Krymom pri Mikhaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym 1626–1628 gg. S predisloviem L.M. Savëlova [From the history of the relations of Moscow with the Crimea under Mikhail Fedorovich. S.I. Tarbeev's embassy to Crimea in 1626–1628. With the preface by L.M. Savelov]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. Simferopol, 1905, vol. 39, pp. 1–105. (In Russian)

29. Skazanie svyashchennika Iakova [The Tale by the priest Jacob]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1850, vol. 2, pp. 685–692. (In Russian)

30. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoy porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the Supremacy of Ottoman Port until the beginning of the 18th century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1887. 772 p. (In Russian)

31. Stoykova O.M. Krasnoglinyanaya polivnaya miska XIV v. s izobrazheniem ptitsy [14th century bowl of red glazed clay with the image of a bird]. *III Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna* [The Third Bakhchisarai scientific readings in memoriam of E.V. Veymarn]. Bakhchisarai, 2015, pp. 25–26. (In Russian)

32. Tereshchenko A.V. Ocherki Novorossiyskogo kraya. Nekotorye mestnosti Yuzhnogo Kryma [Sketches of the Novorossiysk region. Some areas of the Southern Crimea]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, 1854, vol. 84, pp. 34–78. (In Russian)

33. Khlivnyuk A.V. *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy Avtonomnoy sovetской sotsialisticheskoy respublike: issledovaniya i dokumenty* [Protection and Study of Historical and Cultural Monuments in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: Researches and Documents]. Simferopol, 2008. 240 p. (In Russian)

34. Çelebi Evliya. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [The Travel Book. Crimea and Adjacent Areas (extraction from the composition of the Turkish traveler of the 17th century)]. Simferopol, Dolya Publ., 2008. 272 p. (In Russian)

35. Choref M.M. K Istorii Eski-Yurta [To the History of Eski-Yurt]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of the Antique and Medieval Crimea]. Simferopol, 2008, vol. 1, pp. 145–153. (In Russian)

36. Yakobson A.L. *Krym v srednie veka* [Crimea in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 174 p. (In Russian)

37. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noy kul'tury* [The Medieval Crimea. Sketches of History and History of Material Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 233 p. (In Russian)

About the author: Dmitriy A. Lomakin – Cand. Sci. (History), Researcher, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, **ORCID:** 0000-0001-8832-4867, **ResearcherID:** Q-4428-2017 (4, V.I. Vernadsky Avenue, Simferopol 295007, Russian Federation). E-mail: LomakinDA@mail.ru

*Received September 5, 2018 Accepted for publication December 3, 2018
Published December 29, 2018*

РОССИЙСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ В ВОЙНАХ ПРОТИВ ПОЛЯКОВ И ШВЕДОВ В 1613–1618 гг.*

Б.А. Илюшин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
arunta-desert@yandex.ru*

Целью статьи является рассмотрение участия служилых татар Московского царства в войнах с Речью Посполитой и Шведским королевством в годы после Смуты (1613–1618 гг.).

Материалы исследования: разрядные книги; использован также актовый материал.

Результаты и научная новизна: анализ данного вопроса помогает понять место служилых татар в вооружённых силах Московского царства в годы военно-политического кризиса, последовавшего после окончания самой Смуты. Служилые татары принимали самое активное участие в отражении набегов поляков и украинских казаков, а также в сдерживании шведов. Рассмотрение отдельных эпизодов позволяет также выяснить или сделать предположения о численности татар и их доли в составе отдельных российских ратей, их боевых задачах, командовании, разнообразии служилых татарских корпораций. В источниках одновременно фигурирует свыше 2 тыс. служилых татар (без групп смешанного состава). Они приняли участие в большинстве масштабных военных мероприятий тех лет, и в случае присутствия в войске составляли обычно от 15 до 28% (но их могло быть как меньше, так и значительно больше). Командование служилыми татарами осуществляли татарские головы (в основном из русских). Им, как правило, подчинялись другие командиры низшего звена. Можно уверенно говорить о возникновении в эти годы практики службы корпораций по «половинам». Служилые татары в 1613–1618 гг. участвовали в оборонительных и наступательных операциях, использовались в разведке, для захвата пленных, стычек с не крупными отрядами противника (поскольку столкновений с крупными силами царские воеводы, как правило, избегали). Этим они не отличаются от детей боярских. Таким образом, впервые в историографии нами было подробно рассмотрено участие служилых татар в военных конфликтах указанного времени и сделан ряд выводов относительно их вклада в оборону Московского государства.

Ключевые слова: служилые татары, военная история, войско Московского государства, русско-польская война

Для цитирования: Илюшин Б.А. Российские служилые татары в войнах против поляков и шведов в 1613–1618 гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 766–782. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.766-782

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

**TATARS IN THE SERVICE OF RUSSIA IN THE WARS
AGAINST THE POLES AND SWEDES IN 1613–1618***

B.A. Ilyushin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
arunta-desert@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* An investigation of the participation of Tatars in the service of Moscow in the wars with the Polish and Swedish states in the years after the Smuta (1613–1618).

Research materials: This study is based on the data of the official order books, as well as some act materials.

The novelty and the results of the research: The study of the particular subject of Tatar service in these wars helps us to understand their place in the armed forces of the state of Moscow during the military-political crisis which continued after the enthronement of the first Romanov. This category of troops took an active part in repelling the raids of Poles and Ukrainian Cossacks while simultaneously containing Swedish aggression. Having considered some episodes, it was possible to either discover or make informed assumptions about the number of Tatars and their proportion in the Russian military contingents, their combat missions, command, and variety of Tatar units.

The considered sources allow us to speak about a one-time participation of two thousand Tatars in the wars with the Poles and Swedes (excluding groups with mixed composition). They took part in most of the important military activities of those years, and regarding their presence in the army, they usually comprised 15–28% of the entire force (in some cases they could be less, or much more). It is possible to speak confidently about emergence in these years of a practice of service of units by “halves”. Serving Tatars participated in defensive and offensive operations, in capturing prisoners of war, battles with small enemy units. These functions were similar to those performed by Russian nobles.

The academic novelty of our research emerges from its being the first detailed examination in historiography on the participation of the serving Tatars in the wars of 1613–1618 and makes a number of conclusions about their contribution to the defense of the state of Moscow.

Keywords: serving Tatarian, military history, Moscow state’s army, Russian-Polish war

For citation: Ilyushin B.A. Tatars in the Service of Russia in the Wars against the Poles and Swedes in 1613–1618. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 766-782. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.766-782

История служилых корпораций Московского государства исследована неравномерно; относится это и к служилым татарам. Вопросы социального, правового и экономического положения этой группы служилых людей изучены относительно хорошо, чего нельзя сказать о другой важнейшей составляющей их истории – участии в конкретных военных действиях. Рассмотрение данного вопроса важно не только потому, что знание истории немислимо без критического осмысления и последовательного выстраивания составляющих её фактов, но и для более точного представления о месте служилых

* The study was carried out within the framework of the state task in the field of scientific activity (project № 33.5677.2017/8.9).

татар в вооружённых силах Московского царства, а, в конечно счёте, и их специфики.

Отдельные аспекты рассматриваемой нами темы уже затрагивались в историографии. Среди самых ранних публикаций отметим работы В.В. Вельяминова-Зернова [7, с. 1–29] и И.Я. Гурлянда [9, с. 5–16]. Однако всплеск интереса к служилым татарам наметился только к концу XX – началу XXI вв. Приведём здесь наиболее близкие к нашей теме работы.

В статье М.М. Акчурина и М.Р. Ишеева изучены сведения о татарских княжеских родах Алатыря и Арзамаса XVI–XVII вв. Отмечены эпизоды нескольких биографий, относящиеся к изучаемому нами периоду, правда, в основном это касается землевладения [10, с. 109–115]. М.М. Акчурин также приводит некоторые данные о военной службе татарских князей в рассматриваемое нами время [1, с. 118–153].

Несколько важных работ, затрагивающих и военные аспекты истории служилых татар 1613–1618 гг., принадлежит А.В. Белякову. Так, в одной статье рассмотрено участие касимовского «царя» Араслана Алеевича в военных действиях 1618 г. [2, с. 8–30]. Участие служилых татар в войнах XVII в. бегло охарактеризовано в монографии о Чингизидах в России, подытожившей изыскания учёного за предшествующие годы; сами военные действия Русско-шведской и Русско-польской войн и участие в них татар, однако, не рассматривались [3, с. 232–251]. В отдельной статье А.В. Беляков разбирает вопросы организационной структуры служилых татар, затрагивая также данные по выбранному нами периоду [4, с. 134–149]. Отдельные аспекты истории служилых татар отмечены и в других работах этого автора (см. краткую библиографию в [5, с. 67–72]).

Вопросы организации служилых татар 1613–1619 гг. также рассмотрены А.В. Маловым [13, с. 224–233]. Сведения о формировании новгородской корпорации татар в конце XVI – начале XVII вв. (вплоть до конца рассматриваемого нами периода) проанализировал А.А. Селин [21, с. 93–110]. С.Б. Сенюткиным рассмотрены эпизоды военной службы нижегородских татар в те же годы [22, с. 63].

Участие юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. изучил И.В. Торопицын [23]. В нашей статье будет рассмотрено участие в войнах этих лет других групп служилых татар.

В ходе исследования нами были проанализированы сведения о служилых татарах из пяти разрядных книг, относящиеся к 1613–1618 гг. (от окончания Смуты до Деулинского перемирия), а также отписка кн. Черкасского и сочинение Ю. Видекина. Основное внимание в статье уделено непосредственно участию служилых татар в военных кампаниях, почему и не были затронуты документы, связанные с землевладением, жалованием и хозяйством этого служилого слоя.

Большие людские потери в Смуту и непрекращающееся военное противостояние с Речью Посполитой и Шведским королевством вынудило московское правительство массово привлекать к ратному делу татар, марийцев, чувашей, мордву, ногайцев. И это несмотря на то, что до 1612 г. большая часть служилых татар выступала в поддержку самозванцев и поляков.

В апреле 1613 г. на «воров» Ивана Заруцкого и черкас (украинских казаков) была послана рать под началом кн. И.Н. Одоевского. Это войско должно было идти до Коломны и на Рязань для соединения с контингентами других воевод. Ниже отмечено, что «в Темников, в Кадом послан с Москвы голова резанец Иван Можаров, а велено ему кадомских и темниковских князей и мурз и татар, собрав, отвести к воеводе ко князю Ивану Одоевскому и быть со князем Иваном» [16, с. 243–244].

В конце апреля стало известно, что Заруцкий захватил Крапивну, и оттуда собирается идти на Тулу. Туда был направлен кн. И.Н. Одоевский с ратью, но «воры» повернули на Чернь и Новосиль. Следом за ним посылались отряды для «промысла». Однако, когда Заруцкий остановился на Лебядни, оказалось, что у князя Одоевского не хватает людей – многие ратники на службу не приехали. Последовала посылка по городам сборщиков, причём отмечается выявление только дворян и детей боярских; о татарах речь не идёт. Возможно, что они все прибыли на службу.

После сысков и высылки нетчиков и прибытия к кн. И.Н. Одоевскому воевод из украинских городов 29 июня под Воронежем «воры» были разбиты, а И. Заруцкий с М. Мнишек бежали [16, с. 246–249].

Летом 1613 г. к Смоленску, захваченному поляками, выступили полки во главе с кн. Д. Черкасским – около 12171 чел. Среди них было не менее 1346 татар (с учётом групп, включавших новокрещённых) – около 11% войска. Это: 126 новокрещённых и татар московских городов (с головой Фёдором Арцыбашевым), 208 касимовских царёва двора и 315 сеитова полка, 382 темниковских, 228 кадомских, 87 цненских [16, с. 254–255].

Осенью 1613 г. на помощь князю Черкасскому под Смоленск были отправлены рати воевод В.П. Шереметьева и И.О. Колтовского. Среди них отмечены татары (и новокрещённые) Московского, Серпуховского, Калужского и Боровского уездов. Сами воеводы встали на Калуге, а под Смоленск посылали голов с сотнями. Позже с Москвы был послан дополнительный контингент (более тыс. чел.) [16, с. 259–260].

Шведы заняли Новгород летом 1611 г., и следующие два года активных военных действий на северо-западе не велось. Но после восшествия на престол Михаила Романова Москвой была предпринята попытка силой вернуть город. В конце 1613 г. из столицы к Новгороду для «промысла» шведов был отправлен кн. Д.Т. Трубецкой с войском в 5470 человек, среди которых было 198 романовских татар с Барай-мурзой и Сююш-мурзой и 225 арзамасских татар и новокрещённых (всего – 423 чел., или 7,7%) [16, с. 260–263]¹. Воевода с войском укрепился было у Бронниц (под Новгородом), но понёс большой урон от шведов и отступил [12, с. 184]. Кроме того, Ю. Видекинд писал, что в течении 3 месяцев русские и татары осаждали засевших в Ладоге шведов, перекрыв им дорогу к Новгороду, но, в конце концов, были отогнаны на 14 миль подошедшими шведскими отрядами [8, с. 309].

В феврале 1614 г. воеводы кн. А.М. Львов и П.И. Секирин были посланы на Калугу для сбора ратных людей, с которыми нужно было выступить на Брянск, а затем идти на литовские места. Примечательно, что войско, первоначально насчитывавшее 1947 чел., состояло большей частью из представи-

¹ В книге ошибочно записано лето 7121.

телей народов Среднего Поволжья – «з головою с Осипом Прончищевым новокрещенов и татар жаловальных 312 ч. да людей их 72 ч.; да з земли чувашаи и черемисы 1563 ч.». Известно, что на прокорм от Мурома до литовских рубежей войску было выделено 328 руб., 23 алтына и 5 денег на 13 дней [16, с. 263].

Позже к нему присоединились новые контингенты (в основном черемисы, чувашаи и татары). В итоге войско насчитывало 7167 чел., включая 592 дворян, 358 татар (56 чебоксарских, 72 свияжских и 230 алатырских); остальные 6217 чел. были чувашами и черемисами [16, с. 265–266].

Для отпора полякам были направлены и другие полки, в том числе контингент кн. Д. Черкасского. Известно, что князь в марте 1614 г. посылал татар с головами в порубежные районы для проведывания неприятеля [15, с. 113–114].

В апреле 1614 г. в Алатыре собралась конная рать из 1719 чел. под началом кн. Ю.Я. Сулешова и кн. М.П. Бярятинского. Среди ратников было 20 бардаковских татар. Помимо составления списков и сыска нетчиков воеводам предписывалось среди ратных людей, кто станичное дело знает, набрать станичных голов и ездовых, и посылать с Алатыря степью к Шацку, и далее – до рек Хопра и Медведицы. Велено было «проведывать» как Заруцкого, так и общую обстановку (включая крымцев и ногаев). В случае необходимости воеводе в Казани предписывалось посылать на помощь детей боярских, татар, черемисов и чувашей [16, с. 266–273].

В июне 1615 г. против Лисовского были посланы полки под командованием кн. Дмитрия Михайловича Пожарского. Сам он возглавлял Большой полк из 4321 чел., в состав которого вошли также 230 алатырских татар, 430 темниковских, 120 курмышских (всего 780 чел., или 18%). С воеводой С.И. Ислентьевым было 2453 чел., включая 289 татар кадомских, 60 ценских, 433 касимовских, 36 новокрещенных и татар Московского уезда, 67 из Коломны, 37 из Каширы, 26 из Серпухова, 42 из Калуги, 113 с Боровска (всего 1103 чел., или почти 45%).

Далее расписаны ратные люди из других городов без указания полков. В конце (и, видимо, повторно) отмечены служилые татары касимовские (с головой Григорием Свиным), курмышские (с головой Михаилом Пестриковым) и ценские (которых не 60, а уже 89). Кроме того, при указании служилых из Казани, видимо, пропущены татары (они там имелись, и можно было бы ожидать их участие в этом походе). В войске из примерно 14194 чел. служилых татар было 1916, и в группах смешанного состава (с новокрещенными, тарханами и др.) – ещё 549 чел. Таким образом, татар было более 13,49% (но менее 17,36%) [17, с. 31–34].

С этим войском князь Д.М. Пожарский должен был идти под Брянск и Карачев на «литовских людей». В случае подхода значительных королевских сил разрешалось урядить полки и идти на «прямое дело», т.е. дать полевое сражение [17, с. 35, 37–38]. Поход вылился в преследование быстро перемещающегося неприятеля с постоянными мелкими стычками [23, с. 249]. В конце концов под Орлом произошёл бой между основными силами полковника А.Ю. Лисовского и воеводы Д.М. Пожарского, не принёсший никому перевеса. Затем полк Лисовский отступил к Северу [24, с. 121–125].

В середине августа 1615 г. Псков был осаждён шведами. В связи с этим русское командование начало собирать войско для отправки на северо-запад [17, с. 41]. В войске было 2918 русских ратников и 824 татарина: 228 арзамасских (с головой Варламом Тонеевым), 430 темниковских (голова – Карп Навасекин), 276 алатырских (голова – Оксентий Борисов, с ним же дети боярские) [17, с. 41–44]. Татары составляли, таким образом, 28,2% войска.

Отдельно отмечены ратные люди, «которым быть с послы на свийском посольстве»: 567 русских служилых, 75 юртовских, 289 кадомских и 20 романовских татар [17, с. 44–45]. Позже по «псковским вестем» туда был послан также воевода с 339 чел., включая 26 новгородских татар и новокрещенов [17, с. 41–44]. Таким образом, против шведов было задействовано 5032 чел., из которых татар (с учётом смешанной с новокрещенами группы) было 1159 чел. (ок. 23%).

Столкновения со шведами не случилось: когда русские полки пришли во Ржев, под городом появились польско-литовские отряды с Северы, но скоро ушли в «Замосковные городы», а шведский король, узнав, видимо, о приближающемся войске, от Пскова отошёл [17, с. 50]. Когда осаждённый во Ржеве воевода Ф.И. Шереметьев в октябре написал в Москву о приходе поляков полковника Лисовского, было собрано ещё одно войско под началом кн. М. Барятинского. Для сбора назначили Волок [18, с. 5–6]. К нему должна была подойти ещё одна рать: общая численность – 2245 чел., включая татар казанских (63 чел.), свияжских (12 чел.), 60 их людей, а также новокрещенов и татар Московских городов (20 чел.). Татар, таким образом, было 95 чел. (4,2%) [18, с. 6].

Из опасения нападения Лисовского на Ярославский и другие уезды в конце октября вышел указ о подготовке противодействия войску полковника. На Ярославле должны были стоять ратные люди и проводить «лисовчиков». Среди них отмечены также татары и новокрещены (кроме ярославских татар, которые были направлены под Псков) [18, с. 9–13].

В ноябре против Лисовского в Муроме собрали новую рать с воеводой М.С. Дмитриевым. Из 1778 чел. татар было 1506 чел. (84,7%): 228 арзамасских, 387 темниковских, 254 алатырских, 433 касимовских, 121 курмышский и 83 цненских [18, с. 13]. Скорее всего, это были служилые, освободившиеся после отступления шведов от Пскова.

Важнейшей составляющей успеха предприятия должна была стать разведка. «А в Ярославль и в Володимер и в Суздаль послать от себя на вести детей боярских или татар добрых конных; а по дорогам куды пригож посылати от себя подъезды и станицы частые, и велети им про Лисовскаго проведать подлинно, где он, и куды походу его чайт» [18, с. 14].

Предполагалось направить против поляков рати с Муром, Ярославля и Волока. Лисовский, тем временем, завернул в рязанскую сторону и задержался в Костромском уезде. Когда об этом узнали на Москве, было указано собираться ещё одному войску. Среди 2074 чел. было 40 бардаковских татар [18, с. 16]. Судя по всему, московское командование задумало ударить по противнику из нескольких городов, к которым теперь добавился Переславль-Рязанский. Однако помешать Лисовскому не удалось, поскольку «князь Михайло Борятинской шол на Лисовскаго в сход ко князю Василью мешкатно и идучи села и

деревни разорял, а Лисовской многие города повоевал». За это воеводу бросили в тюрьму, а его ратников передали кн. В. Туренину [18, с. 13].

Дойдя до Мурома, поляки повернули в Рязанский уезд. За ним налегке («без кошей») отправились рати кн. В. Туренина и кн. Ф. Куракина, «и Лисовского сошли в Олексинском уезде в Любутцкой волости и с Лисовским у них был бой, и Божиею милостию и государевым счастьем многих польских и литовских людей побили». После этого Лисовский спешно ушёл из пределов Московского царства, а воеводы ратных людей наконец распустили по домам [18, с. 19–20].

При этом у Лихвина с Лисовским снова встретился Дмитрий Пожарский (в рати которого были и татары, которые, однако, в числе прочих служилых, постепенно разбежались со службы). «Дела» не случилось, поскольку поляки уже уходили, а сил для гарантированного их разгрома у князя не осталось [24, с. 128].

«Того ж году государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал быти на Тихвине для своего государева дела и земскаго на съезде с неметцкими [шведские – *Б.И.*] послы с Яковом Пунтосовым с товарищи послом окольничему князю Данилу Ивановичу Мезетцкому, да Алексею Зюзину да дьяком Николаю Новокшенову да Добрыне Семенову». Для охраны послов были привлечены значительные силы – 886 чел., включая 4 татар и 500 стрельцов. Позже к ним было прибавлено ещё около 1018 чел., среди которых было 110 романовских татар, 3 новгородских и неуказанное число татар Суюш-мурзы [18, с. 20].

В это время поляки развернули активность в приграничных районах, видимо, готовя новое вторжение. Для похода на литовские земли в Брянске был назначен сбор ратей под началом кн. Д. Долгорукого и П. Воейкова. Войско насчитывало 2722 чел., включая 26 новокрещенов и татар из Калуги [18, с. 46–47]. Узнав о сборе русского войска, польские отряды покинули приграничные районы. Рать кн. Д. Долгорукого была оставлена в Калуге, а П. Воейков «повоевал» литовские земли в районе г. Любена [18, с. 51]. Возможно, с ним были и татары.

В указе от 1 июля 1616 г. воевать Литовскую землю было направлено войско под началом новокрещенного князя Михаила Тинбаева, сына Канаймурзы. Точная численность контингента неизвестна, поскольку в разрядах имеются пропуски. В нём было 506 русских служилых, 490 юртовских татар, 88 новокрещенов и татар Московских городов, а также служилые татары: касимовских татар царёва и сеитова дворов – 103 чел., кадомских – 49 чел., цненских – 30 чел., арзамасских – 62 чел. Таким образом, из известной части войска и с учётом смешанной группы с новокрещёнными служилые татары составляли около 19% контингента.

Войско должно было идти налегке («без кошей»): от Москвы до Волока Ламского и на Погорелое Городище (воеводы должны были следить, чтоб их ратники нигде на своих землях не грабили); за рубежом – к Суражу, Велижу, Витебску и другие места, жечь сёла и посады, захватывать языков и выпытывать о ситуации в королевстве. Отдельно отмечено, что для разведки нужно всюду рассылать голов с татарами. Столкновений с крупными силами неприятеля следовало всячески избегать [18, с. 55–58]. Тем не менее, поход был

удачным, поскольку вид пылающих сёл и городков устрасил польско-литовские власти.

Отметим, что составлявшие почти треть войска татары были задействованы как одна из главных составляющих вооружённых сил Московского царства в действиях, являвшихся стандартным способом ведения войны. Иными словами, тут мы не видим существенного снижения военного значения служилых татар в сравнении с предыдущими десятилетиями. Помимо этого, в города на литовские «украины» были посланы воинские контингенты. На Устюжне помимо 69 русских людей находились 5 татар [18, с. 63].

В сентябре 1616 г. под Псков против шведов, подступавших к городу и грабивших уезд, была направлена рать во главе с князем М.П. Барятинским. Численность её была сравнительно невелика – ок. 2219 чел. Из них татар – 873 (39,3%): 200 касимовских, 150 темниковских, 115 кадомских, 84 арзамасских, 15 шацких, 115 алатырских, 60 курмышских и 133 новокрещена и татарина Московских городов [19, с. 1–2]. Как обычно, велено было идти с большим бережением и не связываться с крупными силами противника, причиняя ущерб мелким отрядам. Видимо, узнав о подходе русских полков, шведы отошли в октябре от Пскова [19, с. 7–8].

Войско М.П. Барятинского не успело выйти из Ржева, но понадобилось на другом направлении – против поляков А. Гонсевского, двинувшихся на Москву в обход Смоленска. Войско князя было дополнено и насчитывало теперь 3611 чел. Численность татар осталась прежней (они составили 24,1%). Дабы предотвратить разорение районов Дорогобужа и Вязьмы рать должна была идти, не мешкая, и польских людей «промышлять всякими обычаями» [19, с. 8].

Когда князь М.П. Барятинский пришёл в Дорогобуж, оказалось, что поляки встали «меж Дорогобужа и Смоленска в твердилищах, и дороги все от Смоленска» перекрыли, и ожидают подкрепление [19, с. 12]. Поляки задержались в тех местах надолго. В январе 1617 г. на Москве стали собирать против них новую рать. В неё должны были влиться контингенты из других мест, включая ратников М.П. Барятинского в Дорогобуже. Первым воеводой был назначен стольник Ю.Я. Сулешов. Войско на этот раз насчитывало 6431 чел., включая 3 московских татар, 154 романовских, 150 темниковских, 115 кадомских, 79 арзамасских, 112 алатырских, 60 курмышских, 200 касимовских, 15 цненских, 133 новокрещена и татарина Московских городов (1021 чел., 15,87%) [19, с. 12–14].

Ю.Я. Сулешов с войском пришёл в Дорогобуж 16 февраля, и начал «промышлять» неприятеля, а 30 марта воеводы писали на Москву, что «посылали они на Литовских людей голов Федора Бояшева да Федора Тараканова з дворяны, и з детми боярскими, и с Татары; и головы полковника Вишля с Польскими и с Литовскими людьми сошли и побили на голову, и полковника Вишля взяли и многих Польских и Литовских людей и знамена и трубки и литавры поймали». За это воеводы и ратники получили дополнительное жалование от царя. К маю 1617 г. Гонсевский получил подкрепление. Под Дорогобужем был бой, в котором полковника Чаплинского побили наголову [19, с. 20]. После этого часть воевод со всеми ратными людьми были отозваны к Москве, а в Дорогобуже оставлен Ю.Я. Сулешов с некоторым числом воинов. За победу воеводы и ратники были награждены жалованием из Москвы [22, с. 63].

К лету 1617 г. инициативу перехватили поляки. Они снова вторглись в пределы Московского царства. Воеводы П. Пронский и И. Колтовский были посланы в Дорогобуж, но придя в Можайск, выяснили, что город в осаде. Тогда воеводам было приказано идти в Вязьму, откуда они должны были «от Литовских людей [Дорогобужу] помочь чинить и над Литовскими людьми промышлять». С воеводами были 2251 чел., включая 36 новокрещенов и татар [19, с. 84–85].

В июне из-под Дорогобужа противник пошёл под Ржев, откуда направился к Торжку и в другие места. Против него с Москвы был послан воевода Ф.И. Погожий. С ним отмечено всего 263 чел., но в случае, если «литовских людей» окажется слишком много, воеводе предписывалось из Можайска взять подкрепление в лице татар (видимо, имелись в виду те, что были с П. Пронским и И. Колтовским) [19, с. 86–87; 22, с. 251–252].

В июле польские отряды продвинулись к Кашину и Бежецкому Верху, направляясь в сторону Белоозера и Вологды. На них с Москвы были посланы Ф.М. Бояшев и Д. Милославский, которые должны были соединиться с Ф.И. Погожим. С ними должны были выступить 962 чел., среди которых было 45 романовских татар (по другим сведениям – 312 [23, с. 252], хотя цифра вызывает сомнения, поскольку эта корпорация никогда не насчитывала трёх сотен чел.) и 450 юртовских [19, с. 87]. Воеводам предписывалось идти от Москвы Углицкой дорогой и достичь города за 2 дня, откуда следовало делать вылазки против неприятеля [23, с. 252].

В августе царь указал служилым людям, многие из которых «ныне по домам», быть наготове, и ждать выступления против «литовских людей», что осаждали Дорогобуж. Среди перечисленных ратников отмечено 160 романовских татар, 240 касимовских, 115 кадомских, 114 арзамасских, 115 алатырских, 60 курмышских (всего – 689 чел.) [19, с. 98–99]. Как видим, в условиях вторжения сравнительно небольших сил неприятеля часть татар (как и других служилых людей) оказалась не на службе. Связано это, видимо, с трудностями экономическими и физиологическими: после Смуты ратные люди зачастую с трудом могли заступить на службу – не хватало вооружения, еды и коней. Поэтому служили по условным половинам.

В августовских указах снова подчёркивалась необходимость борьбы с нетством, т.е. невыездом на службу по каким-либо причинам. Все случаи предписывалось рассматривать, поскольку многие служилые действительно не могли служить по бедности или болезни.

В том же месяце был объявлен сбор служилых людей (включая татар) в Муроме. Туда специально выехал воевода кн. Б.М. Лыков. Из Мурома рассылались станицы для проведывания неприятеля, поскольку поляки и черкасы могли объявиться и там. В случае вторжения в районы Москвы, Ярославля, Романова или Костромы, Б.М. Лыков должен был направиться на подмогу [19, с. 109–112].

К осени наметился перевес в пользу королевской армии. Поляки взяли Дорогобуж, Вязьму и Козельск. Можайск сел в осаду, в округе постоянно происходили боестолкновения. На помощь городу были посланы полки Б.М. Лыкова и Г.Л. Волуева, включавшие, по сведениям А.Е. Тараса, около 3600 дворян, казаков и боевых холопов и 400 татар [23, с. 252–253]. Подсчё-

ты, однако, неточные, поскольку из разрядной книги видно намного большее количество ратников – 6159 чел., из которых татар – 880 чел. (или 14%): 230 касимовских, 228 темниковских, 89 кадомских, 94 арзамасских, 34 курмышских, 107 алатырских, 8 ценских, 90 новокрещенов и татар Московского уезда (из Боровска и Серпухова) [11, с. 436–438].

Ежедневно татары посылались для захвата языков [23, с. 252–253]. Об участии в столкновениях под Можайском с русской стороны татар сообщает и поляк Якуб Собеский: 20 ноября «челядь» из армии королевича Владислава имела бой с двумя сотнями татар из войска Дмитрия Пожарского [24, с. 244].

В октябре из Переславля-Рязанского в Калугу в состав сборного контингента была послана «треть» бардаковских татар (13 человек) [11, с. 419]. В декабре на Волок выступила рать князя Д.М. Черкасского, в которой насчитывалось 5247 чел., включая 1112 татар и новокрещенов (21,2% от войска). Это: 7 больших мурз, 106 романовских татар, 230 казанских новокрещенов, князей и мурз (с головой П. Опраксиным), 91 арзамасский, 139 кадомских, 225 касимовских, 47 шацких, 115 алатырских, 60 курмышских и 92 темниковских татар (с головой Оксентием Борисовым) [11, с. 448–450]. Это, видимо, татары других «половин».

В феврале–марте 1617 г. в Столбово велись переговоры со шведами (приведшие к Столбовскому миру), и татары снова участвовали в сопровождении послов. Это были «половина» романовских татар – 110 чел. и 4 татарина неуказанной корпорации (всего же было задействовано 1853 ратника) [19, с. 65–66].

В списке служилых людей по городам «от немецкие украины» (против шведов) числились 4 татарина в Новгороде (среди людей из сопровождения послов), на Рязани 38 бардаковских татар, 31 серпуховский новокрещен и татарин, 77 боровских в Боровске [19, с. 119, 125, 127].

В начале 1618 г. поляки получили подкрепление и двинулись на Москву. Для противодействия им у Пафнутьева монастыря в районе Боровска кн. Д. Пожарский поставил острог. В Боровске 28 июля он провёл смотр служилых: 865 чел., включая 43 татарина [24, с. 246]. Позже князь получил с Москвы подкрепление в лице мурзы Курмаша, пришедшего из Астрахани с юртовскими татарами и стрельцами [23, с. 253]. При мурзе был пристав с татарами и новокрещенами Боровского уезда [11, с. 492].

В конце июля в Боровск был послан князь Г.К. Волконский с 884 ратниками, среди которых были 134 татарина из Понизовых городов [11, с. 501–502]. К осени в Москве начали готовить оборону. За Москвой-рекой с кн. И.М. Катырёвым-Ростовским среди более 800 ратников были 1 мурза и 24 коломенских и каширских новокрещена и татарина, а за Арбатскими воротами числились также двое татар Бежецкого Верха. У Сретенских ворот стояли 1207 ратников; среди них были 17 боровских и серпуховских новокрещенов и татар, 18 кадомских татар, 3 алатырских и 2 романовских татарина [11, с. 504–507, 561–568]. В обороне участвовали и два отряда юртовских татар, вставшие за Яузой: 164 чел. Курмаш-мурзы Урусова и 212 чел. с боярином Б.М. Лыковым; они пришли из Можайска [23, с. 253].

В сентябре в Боровске среди 448 ратников числились 24 местных татарина и новокрещена [11, с. 525]. Рати были размещены и в других городах, были там и татары. В Коломне среди 3 сотен служилых числилось 40 местных

татар, в Переяславле-Рязанском – 38 бардаковских татар, в Серпухове – местных же 25 татар [11, с. 530, 532, 535]. Интересно, что в этих городах отмечены именно татары, без новокрещёнов; возможно, такова была численность именно служилых татар Московских городов. В Калуге стояли полки Дмитрия Пожарского, где «велено быть переменяяся по два месяца опричь приходу» неприятеля «половинам» корпораций детей боярских и татар (включая 19 бардаковских) [11, с. 535–536].

Во второй половине ноября в Касимовский уезд вторглись казаки во главе с Адамом Черкасским, но были отбиты новым касимовским «царём» Арасланом б. Алеем и его ратниками (видимо татарами и даточными людьми) и ушли после 24 числа [2, с. 8–30]. Вскоре с Речью Посполитой было заключено перемирие.

Таким образом, мы рассмотрели участие служилых татар в военных действиях 1613–1618 гг. Мы видим, что служилые татары принимали в них самое активное участие. Если брать максимальную численность служилых татар в те годы, то в источниках одновременно фигурирует свыше двух тысяч человек (включая группы смешанного состава).

Служилые татары принимали участие в большинстве масштабных и важных военных кампаний, зачастую составляя внушительную часть войска. В рассматриваемых нами походах (опуская редкие упоминания крайне незначительного числа татар) это в 2 случаях от 4,2 до 7,7%; в 5 – от 11 до 19%; в 3 – от 21 до 28,2%; в 2 – от 39,3 до 45%, и в одном – 84,7%. Определялось такое положение высокими потерями среди русских служилых людей в годы Смуты². До Смутного времени доля служилых татар в войске, как правило, не превышала десятой части. Подсчёт общей численности российского воинства в рассматриваемый период затруднителен из-за непрекращающихся войн и отсутствия единых смет, а выявление таких данных из разрядных записей по отдельным кампаниям требует специального исследования, как и доли татар в вооружённых силах тех лет.

В рассмотренных нами военных мероприятиях участвовали служилые татары 23 городских корпораций (ряд которых включал и новокрещёнов). Численность татар можно приблизительно определить по тем случаям, когда на службу они выезжали не по «половинам» (последнее стало наблюдаться во второй половине рассматриваемого нами периода):

Новокрещёны и татары
Боровские – 113
Казанские – 230
Калужские – 42
Каширские – 37
Коломенские – 67
Московского уезда – 36

² В связи с этим помимо служилых татар, традиционно входивших в поместное войско, правительство к военной службе стало массово привлекать представителей мордвы, марийцев, чувашей и юртовских татар.

- Новгородские – 26
- Серпуховские – 31
- Татары
- Арзамасские – до 228
- Алатырские – до 276
- Бардаковские – 40
- Кадомские – до 289
- Касимовские Сеитова полка – 315
- Касимовские Царёва двора – 208
- (Касимовские, упоминаемые одновременно – до 433)
- Курмышские – до 121
- Романовские – до 198
- Свияжские – 72
- Темниковские – до 430
- Цненские – до 87
- Чебоксарские – 56
- Шацкие – 15
- Ярославские – ?

Отдельно фигурируют также новокрещёны и татары жалованные – 312 чел. Новокрещёны и татары Московских городов в некоторых случаях отмечаются без уточнения города (до 133 чел.).

Эти данные можно сравнить с теми, что известны о перечисленных корпорациях за годы, предшествовавшие Смуте, и с её начала. Судя по росписи выдвинутого в 1605 г. против Лжедмитрия I войска, численность татар касимовских, бардаковских, алатырских, цненских, арзамасских и московского уезда до Смуты была равной или чуть меньше той, что мы видим по походам 1613–1618 гг. Напротив, заметно снизилась численность татар темниковских (в начале века их было 537 чел., на 107 больше, чем после Смуты) и кадомских (до Смуты – не менее 542, после – на 253 чел. меньше) [20, с. 380, 382, 384, 391, 394, 395, 404, 405, 416–417]. Резко сократилось, судя по всему, число новгородских служилых татар и новокрещёнов: в 1606 г. в Новгороде насчитывалось 197 новокрещёнов и 48 татар-мусульман [14, с. 44].

Непосредственное командование татарами осуществляли татарские головы или приставы (в основном из русских), которым подчинялись командиры низшего звена. Об организационной структуре служилых татар 1613–1618 гг. дают хорошее представление расходные книги Казённого приказа тех лет, проанализированные А.В. Маловым. Татарским головам подчинялись сотники и есаулы, а также пятидесятники и десятники; причём низшие командные должности занимали этнические татары [13, с. 224–233]. В этом отношении они отличаются от юртовских татар, у которых уже в XVI в. преобладали родовые структуры, а десятичная система практически отмерла [6, с. 220].

В годы Смуты возникает практика службы корпораций по половинам (реже – третям). Хотя А.В. Беляков предполагает, что такое явление могло появиться раньше – ещё в Ливонскую войну (на основании значительной вариации численности татар от похода к походу) [3, с. 200]. Кроме того, из-

вестно, что в 1616–1617 гг. романовские татары были изъяты из ведения своих мурз [9, с. 8; 4, с. 137].

Татары использовались воеводами в оборонительных и наступательных действиях, для разведки, захвата пленных, «съёмного боя» с не крупными отрядами противника (поскольку столкновений с крупными силами царские воеводы, как правило, избегали), охраны посольств. Этим они не отличаются от детей боярских, а с учётом значительной доли татар в царских полках тех лет можно говорить о сохранении важной роли служилых татар в вооружённых силах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчурин М.М.* Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. V. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С. 118–153.
2. *Беляков А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. С. 8–30.
3. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
4. *Беляков А.В.* Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 134–149 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1, свободный.
5. *Беляков А.В.* Мещерские казаки (татары) XV–XVII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 67–72.
6. *Бобров Л.А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре. 1480–2015. Ч. II. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>
7. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. V. 502 с.
8. *Видекинд Юхан.* История шведско-московитской войны XVII века / пер. С.А. Анненского, А.М. Александрова и А.Ф. Костиной; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 656 с.
9. *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары // Труды II Областного Тверского археологического съезда, 1903. Тверь: Тип. Губ. правления, 1906. С. 5–16.
10. *Ишеев М.Р., Акчурин М.М.* Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре // Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Выпуск. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 109–115.
11. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданныя. Т. I. СПб.: 1853. 1380 с.
12. *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.
13. *Малов А.В.* Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа (двора) кон-

ца Смуты. 1613–1619 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С. 224–233.

14. *Моисеев М.В., Селин А.А.* Новгородские татары и новокрещены: перспективы исследования // Новгородка – 2015. От «Правды русской» до к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции. Великий Новгород, 2016. С. 43–55.

15. Отписка воевод князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского с товарищи, с приложением расспросных речей взятых за рубежом языков Дубровенского повету Степана Тимофеева и Алексея Сидорова, о намерении Гетмана Хоткевича с Глебовичем идти под Смоленск мимо острожков обманом, и о посылке для наблюдения за ними на рубеж голов с татарами / Акты московского государства, изданные Императорской академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. №77. С. 113–114.

16. Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М.: Институт истории СССР, 1974. С. 180–313.

17. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–60.

18. Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. Книга 2. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–86.

19. Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. Книга 3. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–140.

20. Роспись войск против самозванца в 1604 г. // Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. / А.Л. Станиславский. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. С. 366–420.

21. *Селин А.А.* Татары-мусульмане и новокрещёны в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4. № 3, pp. 93–110.

22. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Медина, 2001. 416 с.

23. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 248–254.

24. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М.: Квадрига, ЗебраЕ, 2013. 352 с.

Сведения об авторе: Борис Анатольевич Илюшин – кандидат исторических наук, инженер-исследователь Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (630090, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Поступила 27.08.2018 Принята к публикации 22.11.2018

Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Akchurin M.M. Rodoslovnyye tatarskikh knyazey iz fonda Sarovskogo monastyrya [The genealogies of the Tatar princes from the Foundation of the Sarov's monastery]. *Etnologicheskiye issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Research in Tatarstan]. Vol. V. Kazan, YAZ, 2011, pp. 118–153. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Araslan Aleyevich – posledniy tsar' kasimovskiy [Araslan Aleevich – the last tsar of Kasimov]. *Ryazanskaya starina* [The Ryazan Antiquities], 2004–2005, pp. 8–30. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoye issledovaniye [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: Prosopographic Research]. Ryazan, 2011. 512 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V. Organizatsionnaya struktura sluzhilykh tatar v Russkom gosudarstve kontsa XV – pervoy poloviny XVII v. [Organizational structure of serving Tatars in the Russian state of the end of the 15th – first half of the 17th century]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2015. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyaniye na reke Ugre 1480–2015* [The History of Warfare: Researches and Sources. 2015. Special Issue V. The Standing on the Ugra River (1480–2015)]. Part I, pp. 134–149. Available at: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1/ (last access – 18.12.2018). (In Russian)
5. Belyakov A.V. Meshcherskiye kazaki (tatory) XV–XVII vv. Vstraivaniye v strukturu sluzhilykh lyudey Moskovskogo gosudarstva [The Meschera's Cossacks (Tatars) in the 15th–17th centuries. Embedding in the structure of serving people of the Moscow state]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar States*. 2016. №8, pp. 67–72. (In Russian)
6. Bobrov L.A. Takticheskoye iskusstvo krymskikh tatar i nogayev kontsa XV – serediny XVII vv. [Tactical skill of the Crimean Tatars and Nogais of the end of the 15th – middle of the 17th centuries]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2016. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyaniye na reke Ugre. 1480–2015*. [The History of Warfare: Researches and Sources. 2015. Special Issue V. The Standing on the Ugra River (1480–2015)]. Vol. II. Available at: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (last access – 18.12.2018). (In Russian)
7. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovaniye o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research of the Kasimov Tsars and Princes] Vol. III. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1866. V, 502 p. (In Russian)
8. Widekindi Ju. *Istoriya shvedsko-moskovitskoy voyny XVII veka* [History of the Swedish-Muscovite War of the 17th century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. 656 p. (In Russian)
9. Gurlyand I.YA. Romanovskiye murzy i ikh sluzhilyye tatory [Romanov's murzas and their serving Tatars]. *Trudy II Oblastnogo Tverskogo arkheologicheskogo s'yezda* [The Works of the II Regional Tver's Archaeological Congress], 1903. Tver, Tip. Gub. pravleniya, 1906, pp. 5–16. (In Russian)
10. Isheyev M.R., Akchurin M.M. Tatarskiye knyazheskiye rody v Arzamase i na Alatyre [Tatar princely families in Arzamas and Alatyir]. *Tatarskiye murzy i dvoryane: istoriya i sovremennost'* [The Tatar Murzas and Nobles: History and Modernity]. Vol. 1. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 109–115. (In Russian)
11. *Knigi razryadnyya, po ofitsial'nym onykh spiskam, izdannyya* [Official Order Books Issued according to Their Official Lists]. Vol. I. St. Petersburg, 1853. 1380 p. (In Russian)

12. Kurbatov O.A. *Voyennaya istoriya russkoy Smuty nachala XVII veka* [The Military History of the Russian Time of Troubles of the beginning of the 17th century]. Moscow, Kvadriga, 2014. 240 p. (In Russian)

13. Malov A.V. Sostav i vnutrennyaya struktura otryadov sluzhilykh tatar «velikogo Rosiyskogo tsarstviya» po zapisyam raskhodnykh knig Kazennogo prikaza (dvora) kontsa Smuty. 1613–1619 gg. [The composition and internal structure of the troops of serving Tatars of “the Great Russian Tsardom” according to the records of the expenditure books of the Treasury yard (order) at the end of Smuta. 1613–1619]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva=Medieval Turkic-Tatar States*. 2014, no. 6, pp. 224–233. (In Russian)

14. Moiseyev M.V., Selin A.A. Novgorodskiy tatar i novokreshcheny: perspektivy issledovaniya [Novgorod’s Tatars and newly-baptised: perspectives of research]. *Novgorodka–2015. Ot «Pravdy russkoy» do k rossiyskomu konstitutsionalizmu. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Novgorodka – 2015. From “Russkaya Pravda” to Russian Constitutionalism. Materials of the V International Research Conference]. Velikiy Novgorod, 2016, pp. 43–55. (In Russian)

15. Otpiska voyevoda knyazya Dmitriya Mamstryukovicha Cherkasskogo s tovarishchi, s prilozheniyem rassprosnykh rechey vzyatykh za rubezhom yazykov Dubrovenskago povetu Stepana Timofeyeva i Alekseya Sidorova, o namerenii Getmana Khotkevicha s Glebovichem idti pod Smolensk mimo ostrozhkov obmanom, i o posylke dlya nablyudeniya za nimi na rubezh golov s tatarami [The reply of voivodes Prince Dmitry Cherkassky Mastryukovich with comrades, with the application of interrogational speeches of prisoners Stepan Timofeev and Alexei Sidorov that were taken in Dubrovensky district, about hetman Chodkiewicz with Glebovich’s intention to go to Smolensk passing by deception Ostrogs, and about sending the heads with Tatars for watching them at the border]. *Akty moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoy akademiyey nauk. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1571–1634* [Acts of the Moscow State Published by the Imperial Academy of Sciences. Vol. I. Razryad Order. Moscow Table. 1571–1634]. St. Petersburg, 1890, no. 77, pp. 113–114. (In Russian)

16. Razryadnaya kniga 1613–1614 gg. [The Official Order Book of 1613–1614]. *Razryadnyye knigi 1598–1638 gg.* [The Official Order Books of 1598–1638]. Moscow, Institut istorii USSR, 1974, pp. 180–313. (In Russian)

17. Razryadnaya kniga 7123 goda [The Official Order Book of 7123]. *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kn. 1* [Chronicle of the Russian Society of History and Antiquities. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1849, pp. 1–60. (In Russian)

18. Razryadnaya kniga 7124 goda [The Official Order Book of 7124]. *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kniga 2* [Chronicle of the Russian Society of History and Antiquities. Vol. 2]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1849, pp. 1–86. (In Russian)

19. Razryadnaya kniga 7125 goda [The Official Order Book of 7125]. *Vremennik imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kniga 3* [Chronicle of the Russian Society of History and Antiquities. Vol. 3]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1849, pp. 1–140. (In Russian)

20. Rospis’ voysk protiv samozvantsa v 1604 g. [Roster of troops against the Impostor in 1604]. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv.* [Works on the History of the Tsar’s Court in Russia in the 16th–17th centuries]. A.L. Stanislavskiy. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2004, pp. 366–420. (In Russian)

21. Selin A.A. Tatory-musul’mane i novokreshchëny v Novgorodskoy zemle: formirovaniye i funktsionirovaniye maloy sotsial’noy gruppy (konets XVI – nachalo XVII v.)

[Muslims-Tatars and newly-baptised in the Novgorod land: the establishment and operation of a small social group (the end of the 16th – the beginning of the 17th century)]. *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 93–110. (In Russian)

22. Senyutkin S.B. *Istoriya tatar Nizhegorodskogo Povolzh'ya s posledney treti XVI do nachala XX vv. (Istoricheskiye sud'by misharey Nizhegorodskogo kraja)* [The History of Tatars of the Nizhny Novgorod Volga Region from the last third of the 16th to the beginning of the 20th centuries (historical fates of Mishars of the Nizhny Novgorod region)]. Nizhniy Novgorod, Medina, 2001. 416 p. (In Russian)

23. Toropitsyn I.V. Uchastiye astrakhanskikh yurtovskikh tatar v russko-pol'skoy voyne 1609–1618 gg. [Participation of Astrakhan Yurt Tatars in the Russian-Polish war of 1609–1618]. *Srednekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva=Medieval Turkic-Tatar States*. 2016, no. 8, pp. 248–254. (In Russian)

24. Eskin Yu.M. Dmitriy Mikhaylovich Pozharskiy [Dmitry Mikhailovich Pozharsky]. Moscow, Kvadriga, ZebraE, 2013. 352 p.

About the author: Boris A. Ilyushin – Cand. Sci. (History), engineer-researcher of the Novosibirsk State University (1, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Received August 27, 2018 Accepted for publication November 22, 2018

Published December 29, 2018

ДИСКУССИЯ

УДК 94(47).03/031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

ЗАМЕЧАНИЯ И ДОБАВЛЕНИЯ К КОММЕНТАРИЯМ ЯРЛЫКА, ВЫДАННОГО ФРАНЦИСКАНЦАМ ХАНОМ УЗБЕКОМ В 1314 ГОДУ

Ю.В. Сочнев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Российская Федерация
sochnevjobmail@yandex.ru*

Цель: исследование сведений и материалов, позволяющих определить действительных получателей тарханных пожалований и авторов предшествующих актов, которые упоминаются в ярлыке хана Узбека от 20 марта 1314 г.

Материалы исследования: комплекс западноевропейских, персидских, монгольских, китайских, византийских, русских письменных исторических источников, характеризующих конфессиональную ситуацию, ход миссионерского дела, а также политическую конъюнктуру в Монгольской империи и Золотой Орде.

Результаты и научная новизна: статья продолжает направление исследований, обращенных к изучению ярлыка золотоордынского хана Узбека (1312/13–1341), выданного францисканцам Золотой Орды 20 марта 1314 года. Данный акт появился как результат развития предшествующих успехов католической миссионерской деятельности в Китае и в восточных областях Монгольской империи. Энергичные усилия Джованни Монтекорвино и его соратников в Пекине привели к тому, что Великий каан (император) Кулук (1307–1311), по-видимому, первым выдал тарханный акт католическим миссионерам. Его преемник на императорском престоле Великий каан Буянту (1311–1320), по всей вероятности, подтвердил предоставленные старшим братом католикам привилегии в период с 1311 по 1314 год. Выдачи нового ярлыка от хана Узбека, оформившего свободу действий в Поволжско-Причерноморских степях, добились францисканские проповедники 20 марта 1314 года. Этому способствовало развитие общеимперской политической ситуации в Монгольской империи, приведшее к формальному оформлению вассальной зависимости золотоордынских правителей от Великих каанов.

В статье обосновывается новый вывод об адресатах пожалования изучаемого ярлыка, каковыми следует считать непосредственно францисканских миссионеров. Территориально предоставленные золотоордынским правителем тарханные привилегии действовали в кочевьях и селениях непосредственно Золотой Орды, и не относились к христианским вассальным территориям в западной части ордынского государства. Это обстоятельство не позволяет поддерживать высказанное ранее мнение, что получателем ярлыка являлся епископ г. Каффы.

Ключевые слова: Улус Джучи, конфессиональная ситуация в Золотой Орде, проповедь христианства, католические миссионеры, ханские ярлыки, вассальная зависимость сарайских ханов

Для цитирования: Сочнев Ю.В. Замечания и добавления к комментариям ярлыка, выданного францисканцам ханом Узбеком в 1314 году // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 783–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

**NOTES AND ADDITIONS TO THE COMMENTS ON THE YARLIK
GRANTED BY UZBEK KHAN TO THE FRANCISCANS IN 1314**

Yu.V. Sochnev

*Higher School of Economics National Research University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
sochnevjobmail@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study the information and materials that allow us to determine the actual recipients of Tarkhan awards and the authors of previous acts who are mentioned in the yarlik of Uzbek Khan dated to March 20, 1314.

Research materials: A combination of Western European, Persian, Mongolian, Chinese, Byzantine, Russian written historical sources characterizing the confessional situation, the course of missionary work, and the political situation in the Mongol Empire and the Golden Horde.

Results and novelty of the research: The article continues in the direction of research established already for studying the yarlyk of Uzbek Khan (1312/13–1341) granted to the Franciscans of the Golden Horde on March 20, 1314. The data analysis of this act should be based on conclusions about the success of the previous Catholic missionary activity in China and the Eastern regions of the Mongol Empire. The vigorous efforts of John of Montecorvino and his fellows in Beijing had apparently been the reason behind the Great Khagan (Emperor) Kuluk (1307–1311) being the first to grant a Tarkhan act to the Catholic missionaries. His successor on the imperial throne, Buyantu (1311–1320), mostly likely confirmed, during the period from 1311 to 1314, the privileges granted to the Catholics by his senior brother. These acts were the precedents for similar decisions of the rulers of the Mongol Ulus. And on March 20, 1314, the Franciscan preachers had the achievement of receiving a new yarlyk from Uzbek Khan who granted freedom of activity in the Volga-Black Sea steppes. This was facilitated by the development of the general imperial political situation in the Mongol Empire which led to the formal establishment of the vassal dependence of the Golden Horde rulers on the Great Khagans of the Yuan.

The article substantiates the new findings about the recipients of this yarlyk who are considered naturally to be the Franciscan missionaries. But without any additional information at present, it is impossible to establish exactly who belonged to their circle. Geographically the Tarkhan privileges granted by the Golden Horde ruler extended to nomadic camps and villages belonging directly to the Golden Horde; they didn't belong to the Christian vassal territories in the Western part of the Golden Horde state. This circumstance does not allow us to support the opinion expressed earlier that the recipient of the yarlyk was the bishop of Kaffa. The Latin translation of the yarlik of Uzbek Khan of 1314, which has reached us, is an interesting source and analysis of it will help to develop various aspects of the study of the Golden Horde's history.

Keywords: Ulus of Jochi, religious situation in the Golden Horde, preaching Christianity, Catholic missionaries, Khan yarliks, vassalage of Sarai Khans

For citation: Sochnev Yu.V. Notes and Additions to the Comments on the Yarlik Granted by Uzbek Khan to the Franciscans in 1314. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 783–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

Практически каждый исследователь, обратившийся к изучению истории Золотой Орды в разных ее направлениях, сталкивается с недостатком досто-

верной информации. Имеющиеся в его распоряжении источники, как правило, позднего происхождения, да к тому же очень часто малоинформативны и противоречивы. Поэтому поиск и привлечение дополнительных исторических источников является весьма актуальной задачей.

В журнале «Золотоордынское обозрение» (2014. №3(5)) был опубликован латинский текст, русский перевод и комментарии к ярлыку золотоордынского хана Узбека (1312/13–1341), выданного францисканским миссионером 20 марта 1314 года. Автором данной публикации является Роман Хаутала. Из его разъяснений видно, что оригинал ярлыка не сохранился, но настоящий ярлык был переведен на латинский язык, и впоследствии этот перевод был скопирован анонимным британским переписчиком первой половины XIV века. В 1924 г. Артур Кристофер Моуль осуществил первое издание копии ярлыка, найденного в библиотеке университета Кембриджа, снабженной предисловием Михаэля Биля. Текст ярлыка Узбек-хана никогда не переводился на современные языки. По этой причине содержание ярлыка было известно только узкому кругу специалистов по истории католического миссионерства в Монгольской империи. Отечественные специалисты по истории Золотой Орды, включая и исследователей джучидской официальной документации, не знали о существовании этого важного акта до дня его публикации на страницах «Золотоордынского обозрения» [21, с. 31–48].

Русский перевод

«Начинается письмо императора тартар, предоставленное братьям, и их протекция, дословно переведенная с тартарского на латинский.

Силою вечного Бога и при полном одобрении великого божественного величества, мы, Узбек, вручаем эти наши слова: Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями, дабы, именно, шествовали они с безмятежной душой, молясь Богу, верша благословение; привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями; то есть привилегию, чтобы моля Бога, рабы Христа, указанные латинские священники, ходили, преподавая многим христианский закон. Дабы абсолютно никакой посланец, направляющийся для переписи армии, не уводил поименно у них войска и не брал в свое распоряжение средств передвижения или что-нибудь другое, что нанесло бы им ущерб; и дабы чиновники налогов и податей не получали или требовали от них ни подати, ни сбора и не касались чего-либо из их имущества. Дабы никто им не чинил насилия или притеснения, разрушая церковь или уничтожая их дома или местопребывания; но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона, и дабы выходили к нам, чтобы донести о причинах прибытия [этих людей] издали или из близости и сделать нам же письменный отчет; каким же образом мы им будем благоволить в милостях, мы узнаем: эта привилегия [дана] в год барса, в третий месяц, в четвертый день месяца возле шафранового тростника» [21, с. 36].

Следует отметить, что подготовка русского перевода данного ярлыка и осуществление её публикации, обеспечивающей введение в научный оборот

новой исторической информации, является несомненной научной заслугой Романа Хаутала. Спектр применения новых исторических данных, относящихся к истории Золотой Орды, весьма широк, что, несомненно, стимулирует творческую активность исследователей. Чтобы этот процесс был динамичным и максимально результативным, необходимо иметь выверенные, определенные и действительные характеристики исторической информации, содержащейся в источнике. Обычно это осуществляется с помощью прилагаемых к публикуемому документу комментариев. Имеются они и в рассматриваемой публикации. Однако предложенные автором трактовки и методы их обоснования, а в итоге некоторые выводы, не представляются вполне убедительными. Понятно, что изучение вновь вводимого в научный оборот документа еще только началось, и ожидать окончательных результатов пока не приходится.

Целью данной статьи является формулирование и предложение иного варианта объяснения получателей пожалования и авторства предшествующих актов, на которые опирался ярлык хана Узбека 1314 г.

Романа Хаутала пишет: «Согласно содержанию документа, получателями ярлыка были «латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями», без уточнения конкретного имени получателя привилегий. С другой стороны, ханское позволение «управлять людьми христианского закона» предполагает, что фактическим реципиентом ярлыка был один из руководителей францисканцев в Золотой Орде. В связи с этим мы можем предположить, что Узбек предоставил ярлык первому францисканскому прелату Крыма, то есть Иерониму из Каталонии» [21, с. 32–33]. Знакомство с материалами, характеризующими деятельность католических миссионеров в золотоордынских владениях, заставляет усомниться в высказанном предположении.

Возникшие в начале XIII в. доминиканский и францисканский ордена являлись важнейшими структурами в системе римской церкви, которым были вверены ответственные задачи. Доминиканцам папами было поручено руководить инквизицией, и на оба ордена возложен гласный и негласный надзор за мирянами и клириками. Для нашей темы особенно существенно, что оба ордена получили монопольное право на распространение христианской веры *in partibus infidelium* (в стане неверных). Формально и практически именно эти духовные объединения осуществляли организацию католического проникновения во все нехристианские страны. Периодически доминиканцы и францисканцы исполняли обязанности послов христианских королей и римских пап к различным восточным властителям. В этом качестве они вскоре после завоевания Восточной Европы монголами появились в Сарае и Каракоруме. Установившаяся стабильность на транспортных путях, а также система почтовых ямов облегчали проникновение в отдаленные Монголию и Китай. Монахов-миссионеров влекли в странствия и другие цели. Главнейшая среди них – приобщение к римской церкви народов и стран не католического мира. И, разумеется, не только ради спасения душ заблудших сарацинов, язычников и схизматиков. Папская курия в полном соответствии с оформившимися еще в предыдущие века теократическими идеями стремилась распространить свое господство не только в Западной Европе, но и в пределах всего земного мира [24, с. 37].

Отправляя в Монгольскую империю францисканские и доминиканские миссии, папы рассчитывали получить весомые политические преимущества. Их интересовали не столько подданные монгольских ханов, а в большей степени сами ханы. Обращение их в «истинную» веру могло открыть перед папским престолом соблазнительные перспективы. Согласно европейским политико-религиозным представлениям монгольский властитель, приобщенный к католицизму, становился вассалом Рима. Имперские и золотоордынские территории становились диоцезами римской церкви, умножалась паства, влияние, доходы, различные внешне и внутривосточные вопросы новообращенный правитель ориентировался решать на основе советов римских легатов. Помимо этой грандиозной политической программы, реализуемой далеко не всегда и не во всем эффективно, орденовые миссии выполняли различные иные задачи. Примеры Плано Карпини, Лонжюмо и Рубрука иллюстрируют, какие еще задания приходилось выполнять францисканским и доминиканским миссионерам в подчиненных монголам странах. Это уже в последующие века их труды и отчеты будут оценены как выдающийся вклад в развитие географических, исторических и в целом научных знаний. А в XIII–XIV вв. информация, собранная этими миссионерами, представляла для папской курии в первую очередь практический интерес, поскольку на её основе осуществлялась организация, расширение и корректировка миссионерско-дипломатической деятельности. Еще большую ценность она имела для генуэзских и венецианских купцов, с которыми римский престол имел тесные политические, и экономические связи. Сведения Плано Карпини и Рубрука были для них драгоценным путеводным материалом, позволяющим организовать масштабную торговлю по главным транзитным магистралям восточного мира.

Размах миссионерской деятельности францисканцев наглядно показывает Я.М. Свет, приводя документ с перечнем народов, среди которых в 50-х годах XIII в. они вели свою работу. «В послании Александра IV всем миссионерам францисканского ордена (1258 г.) папа перечисляет эти народы в такой последовательности: сарацины, язычники, греки, болгары, куманы (половцы), эфиопы, сирийцы, иберы (мингрелы), аланы, газары (жители Крыма), готы, зикхи (черкесы и другие кавказские народности), рутены (русские, точнее обитатели Галицкой и Киевской Руси), грузины, нубийцы, несториане, яkobиты, армяне, индийцы, момталиты (?), татары, венгерцы из Великой Венгрии (тюркские народы южнорусских степей), христианские пленники и турки. В этом списке этнографические и религиозные приметы спутаны самым невероятным образом и наряду с вполне реальными татарами и армянами фигурируют весьма сомнительные индийцы и эфиопы. Тем не менее послание Александра IV свидетельствует, что его адресаты были рассеяны на огромной территории и встретить их можно было и у нильских порогов, и в приволжских степях, и в самом сердце далекой Монголии» [24, прим. 37].

Для упорядочения и организации миссионерской деятельности весь монгольский Восток был разделен папством на 3 викариата – Аквилонский (Северный), Восточной Татарии, Татарии или Китая. В границы Аквилонского викариата входили 2 кустодии (округа) – Газария, к западу от реки Дона, охватывавшая Крымские, придунайские и приднепровские земли, к востоку – Сарайская, к которой относились Поволжские и Северо-Кавказские земли.

Викариат Восточной Татарии состоял из 3-х кустодий – Константинопольской, Трабзонской и Тебризской. Викариат Татарии или Китая включал весь Китай, Монголию и Среднюю Азию.

Согласно свидетельству 1336 г. францисканца Элемозины, Аквилонский викариат был основан в 1274 г. на основе решения Лионского собора. Следующие сообщения упоминают о посылке в его пределы множества миссионеров францисканцев в период генералитета Бонаграции (1279–1283), а в отчете 1286/87 гг. кустодия Газарии Владислава уже упоминаются пять основанных католических монастырей [33, в. 2, pp. 125, 262, 444]. Следует подчеркнуть, что проникновение католических миссионеров на Восток шло параллельно с разворачиванием торговой деятельности генуэзцев и венецианцев при полной взаимной поддержке. Главным центром торговли генуэзцев в подвластных сарайским ханам землях была Кафа, являвшаяся и главной базой католических миссионеров. Апогей генуэзской торговли и влияния итальянцев в Золотой Орде пришелся на правление хана Узбека, поэтому и позиции католической церкви в это время здесь значительно усилились.

Католические ордена оставались главным рычагом деятельности римского миссионерства вплоть до XVI века. В золотоордынских степях применялись те же методы проникновения и организационно-акциональные принципы, что и в других странах. В сравнении с католическим клиром орденские миссионеры пользовались значительными привилегиями и льготами. В орденских монастырях создавались специальные школы для подготовки кадров проповедников. Здесь учили восточным языкам и давали знания о различных религиях и культурах Востока. Будущие миссионеры осваивали специальные методы работы среди местного населения, которые были достаточно гибкими. Ради главной цели им в нехристианских странах в нарушение орденских уставов разрешалось отпускать бороду, ходить в одежде местных жителей, держать при себе деньги на личные нужды, применять в случае необходимости оружие против неверных и ездить верхом [11, с. 101–105, 136–137; 33, в. 2, р. 416].

Интересным могло бы быть сравнение методов деятельности католических и православных миссионеров, но материалов для этого по периоду XIII–XIV вв. очень мало. Все же, по некоторым основаниям можно говорить, что католики были более гибкими и проявляли большую приспособляемость к местным условиям. Например, на один из вопросов сарайского епископа Феогноста: «Аще поп на рати человека убьет, лзе ли ему потом служити?», патриаршим собором был дан отрицательный ответ: «Се удержано есть святыми каноны» [22, стб. 138]. Можно вспомнить здесь и об отмеченном Гильомом де Рубруком негативном отношении к кумысу пленных русских, встреченных им в золотоордынских степях, сохранявшееся в сложных степных условиях благодаря православным священникам [19, с. 105, 107]. Из епитимийников XIII–XIV вв., которыми руководствовались русские священнослужители в своей повседневной практике, видно, что русская церковь негативно относилась к контактам православных с язычниками, католиками, иудеями. Запрещалось есть и пить с ними, а в случае нарушения этого правила полагалась епитимия. Епитимия накладывалась и на побывавших в плену у поганых, т.е. в данном случае у ордынцев [25, с. 74, 120–123, 134]. По-

видимому, епитимии также подлежали князья и их окружение, после возвращения из Орды. Возможно, эта интересная тема в дальнейшем все же будет разработана.

Ну и самое главное для понимания получателя ярлыка 1314 г. – действующие в золотоордынских степях католические миссионеры подчинялись только генералам и приорам доминиканского и францисканского орденов, а кроме них Римскому папе. Местные клирики, даже архиепископы и епископы, не могли вмешиваться в дела миссионеров, напротив, им вменялось в обязанность оказывать им всяческое содействие [11, с. 101–103, 172–173; 33, v.1, p. 413–417]. Как следует из вышерассмотренного материала епископы г. Каффы, собственно говоря, не являлись руководителями францисканцев в Золотой Орде. Привлечение одного из положений анализируемого ярлыка, предоставляющее латинским миссионерам право «управлять людьми христианского закона», для обоснования предположения, что «фактическим реципиентом ярлыка был один из руководителей францисканцев в Золотой Орде», а именно епископ г. Каффы, также не помогает делу. История этой генуэзской колонии в Крыму достаточно хорошо изучена и неоднократно историки описывали действующую здесь систему духовного управления. Коротко напомним наиболее важные моменты, напрямую относящиеся к предмету нашего обсуждения.

Как и многие средневековые города, расположенные на пересечении стратегических торговых путей, Каффа была не только обширным, но и полиэтничным, поликонфессиональным городом. Вот как описывают состав ее населения Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко: «В этом городе проживали следующие национальности: греки, армяне, грузины, черкесы, поляки, валахи, русские и другие иностранцы; они и составляли большинство населения. Большинство состояло из генуэзцев, которых насчитывалось всего несколько тысяч. Общая численность населения к моменту падения Каффы составляла 70 000 человек» [6, с. 124]. Вскоре после образования города духовное управление над этим разнородным населением поделили три епископа – православный (греческий), в определенные периоды возводимый в ранг митрополита с кафедрой в Судаке и подчиненный Константинопольскому патриарху, армянский, имевший резиденцию в особом армянском квартале Каффы, и латинский, назначаемый Римским папой [10, с. 198; 29, с. 828]. О непростых отношениях христианских иерархов сохранились сведения в Статуте 1448/49 г., где зафиксировано, что католический епископ Каффы «тревожить, притеснять разноверцевъ и производить съ нихъ всякия вымогательства; последствиемъ можетъ быть обезлюдение города и его предместий». Причиной было желание католического епископа присвоить себе права, принадлежавшие иерархам грековъ и армянъ, а также «опустить руку на жатву чужой нации» (*in alterius nationis messum ponere manus*, § 358). Составитель Статута советует епископу воздержаться впредь от подобных действий; ему надлежит «довольствоваться исправлениемъ своей собственной паствы и утверждениемъ ея на пути справедливости и истины». На консула, как главного управителя Каффы, и на его совет была возложена обязанность следить за соблюдением каждым границ его подсудности. Греки, армяне, евреи и другие иноверцы должны быть защищены от посягательств на присвоение имущества в случае

смерти без завещания, а также и от всяких других притеснений со стороны католического епископа (§ 359)» [10, с. 198; 6, с. 121].

Положения устава 1448/49 г., определявшие систему управления Каффы и ее взаимоотношения с метрополией, демонстрировали преемственность правил предыдущих уставов 1290, 1316, 1403/4 и 1434 годов [10, с. 202–203; 29, с. 827]. Это дает основание утверждать, что вышеприведенный пример, характеризующий компетенцию епископа Каффы в XV в., имел под собой историческую почву с самого начала города и возникновения епархиального управления в нем. Кстати, о начале этого церковного управления нет единого мнения у историков, и дата назначения первого епископа часто различается. Наиболее обоснованной представляется точка зрения, относящая возникновение Каффской епархии к 1318 г. [29, с. 827]. В этой связи, следует отметить, что приведенные в рассматриваемых комментариях к ярлыку 1314 г. первичные латинские сведения о Иерониме до этой даты имеют внутренние противоречия, которые не были объяснены. Поэтому отождествление католических иерархов с именем Иероним, упоминаемых в 1311 и 1316 годах, должно быть не только продекларировано, но и доказано¹.

Вышерассмотренная информация однозначно показывает, что епископы Каффы не могли управлять всеми людьми «христианского закона». В такой ситуации для выполнения миссионерских задач наиболее подходили орденские структуры, среди которых наиболее влиятельными были монастыри. Выше уже приводились сведения о католических монастырях в Газарии, т.е. в Крыму в 80-х годах XIII в. С 1316 г. начинают встречаться упоминания о доминиканских и францисканских монастырях непосредственно в Каффе [29, с. 827]. В XV в. минориты имели в Каффе два монастыря и две церкви, среди которых ключевую роль играла обитель Сан-Франческо. По мнению историков: «Этот монастырь являлся главным оплотом ордена в Крыму и отсюда отправлялись миссионеры на проповедь к соседним народам» [6, с. 121–122].

Для предмета нашего рассмотрения любопытна история взаимоотношений властей этого монастыря с епископом Каффы по вопросу контроля над церковью в Копе, важном торговом пункте генуэзцев в Черкесии на Западном Кавказе. Эта церковь была построена Антонио Итальяно для обслуживания сезонно проживавших здесь своих соотечественников, а также для распространения католичества среди горцев. Затем она была передана монастырю Сан-Франческо в Каффе, с обязательством обеспечивать её клиром. Однако по каким-то причинам эта обязанность монастырскими властями в течение некоторого времени не выполнялась, что привело к передаче храма 28 апреля 1467 г. консулом и массариями Каффы на основе приказа банка Сан Джорджо под управление епископа города. Это вызвало решительное противодействие недавно назначенного «викария ордена св. Франциска в Каффе и в местностях языческих» фра Джованни ди Менца. Викарий францисканцев в Крыму уже 29 января 1468 г. в Генуе добился отмены распоряжения, ущемлявшего интересы его ордена [6, с. 120–121]. Конкуренция меж-

¹ Впрочем, краткость и неопределенность информации о начальном периоде католического церковного управления в Крыму и Каффе, не позволяет полностью исключить Иеронима из числа лиц, причастных к получению ярлыка от Узбека в 1314 г. Но если его участие и допускать, то только не в статусе епископа Каффы.

ду францисканскими властями в Крыму и епископами Каффы из-за прав и привилегий, связанных с распространением католичества, здесь совершенно очевидна. Надо полагать, что такое положение дел не являлось только проявлением исторической ситуации XV в., а было в целом характерной чертой миссионерской деятельности латинян в золотоордынских владениях.

Подводя промежуточный итог рассмотренному материалу констатируем, что адресатом пожалования в ярлыке Узбека 1314 г. «Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыновению меньшими братьями», являлись непосредственно францисканские миссионеры. Кто входил в их круг, сейчас без дополнительной информации установить невозможно. Предоставленные золотоордынским правителем тарханские привилегии действовали в кочевьях и селениях непосредственно на территории Золотой Орды, и не относились к вассальным территориям, которые в западной части ордынского государства были преимущественно христианскими. На это указывает и еще одна часть ярлыка, содержащая конкретизацию предоставленных прав и обязанностей: «но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона...».

Для правильного понимания и характеристики этой информации нужно представить реальную конфессиональную ситуацию в ордынских степях и складывавшуюся систему управления христианскими народами. Эта система базировалась на традиционном принципе широкой веротерпимости, что, собственно говоря, и позволяло активно действовать в золотоордынских владениях христианским миссионерам различных конфессий. Другой её характерной чертой было непонимание и глубокое равнодушие ордынских резидентов к содержанию и сути религиозно-мировоззренческих вопросов. Последователи различных христианских церквей и конфессий казались монгольским властям, наподобие собственных языческих верований, адептами какого-то единого культа. Очень наглядно это иллюстрирует пример из письма монгольского наместника в Персии и Армении Эльджигидея. Обращаясь в 1248 г. к французскому королю Людовику IX он пишет: «в слове Божьем нет никакого различия между латинским, греческим, армянским, несторианским и яковитским исповеданиями и всеми другими, поклоняющимися кресту, ибо у нас они все едины. А посему просим мы, чтобы блистательный властелин не делал между ними различия, чтобы проявлял он сострадание ко всем христианам, и да будут длительными его сострадание и кротость» [31, с. 52]. Ордынские власти христианское население расценивали преимущественно как некий ресурс, обеспечивающий решение материальных задач, при том, что реальные религиозные нужды и потребности которого они самостоятельно удовлетворить не могли. Это и побуждало разрешать католическим миссионерам, а в других ситуациях иным христианским проповедникам, «управлять людьми христианского закона...».

С одной стороны, количество этих жителей в общей массе поданных сарайских ханов было довольно значительно, с другой, малочисленно, как и вообще обитающих в степях. Являясь более развитой в цивилизационном и культурном плане, эта часть населения, хоть и являлась объектом беспощадной эксплуатации, но в то же время была наряду с переселенцами из мусульманских территорий достаточной ценной. Отсюда такая характерная особенность внутренней и внешней политики золотоордынских правителей

как переселение племен и частей покоренных народов. Это, а также общая специфика жизни в степном государстве, предопределяло значительную мобильность населения, со временем сокращавшуюся в связи с переходом кочевников к оседлости и ростом городов. Вопросы эти малоизучены и ждут еще своего исследователя, но кое-что все же ясно и сейчас. Отмеченные процессы могли серьезно влиять на внутривосточную и социально-экономическую ситуацию в Золотой Орде. Ее изменение также могло стимулироваться миссионерской деятельностью посланников христианских церквей, что требовало соответствующего административного реагирования. Приведем несколько примеров подобной ситуации. Из синодального решения Константинопольского патриархата 1276 г. видно, что в предыдущие годы в округ Сарая с юга из других епархий прибыло много переселенцев, очевидно христиан. Это вызвало спор Сарайского епископа с руководителями соседних епархий, разрешенный вышеупомянутым актом в пользу русского иерарха [22, стб. 139]. Возможно, эта ситуация как-то связана с переселением армян в Поволжье вскоре после образования Золотой Орды. Информация об этом сохранилась в записках князя Армянского, Иосифа Долгорукого Аргутинского, архиепископа Армянских церквей в России, где сказано, что татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей на территорию бывших Астраханской и Казанской губерний; что некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Каффе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака [9, т. 4, прим. 146]. Очевидно, что переселенцы в обширных владениях сарайских владык далеко не всегда попадали в сферу действия не только высших христианских иерархов, но даже просто официально организованных представителей церковного клира.

К первой четверти XIV в. государственно-административная система Золотой Орды вполне сложилась и имела достаточную практику функционирования. Ее представители уже имели опыт регулирования поликонфессиональных социальных отношений на своей территории. Например, действительность показывала, что уход строителей, мастеров, ремесленников различных специальностей и др. специалистов из числа христианского населения, в условиях развернувшегося в это время масштабного строительства городов и дворцов для ордынской знати, подтвержденного археологическими исследованиями [5, гл. 3, с. 75–141; 27, с. 232–235], грозил обернуться проблемами. Понимание серьезности последствий привело к появлению в пожаловании францискацам 1314 г. следующего предписания: «и дабы выходили к нам, чтобы донести о причинах прибытия [этих людей] издалека или из близи и сделать нам же письменный отчет». Эти уникальные данные еще предстоит специально изучить и осмыслить, но и в предварительном плане они могут быть оценены как признак деятельности административного аппарата Золотой Орды на началах одного из вариантов восточной деспотии.

Отразившаяся в ярлыке хана Узбека 1314 г. ситуация управления христианским населением, по всей вероятности, была в золотоордынских владениях достаточно распространенной. Подобная картина вырисовывается для первой пол. XIV в. в низовьях Дона, где существовал обширный христианско-православный анклав. На его территории имелись, по меньшей мере, три значительных православных храма, управлявшиеся «донскими священниками», и

по соседству еще армянская церковь. Сведения об этом сохранились в Синодальном решении Константинопольского патриархата 1356 г., разрешавшем затянувшийся конфликт среди православного духовенства, действовавшего на территории Золотой Орды. Нестандартность обстановки, отразившей исторические и социально-политические реалии существования церкви в кочевом государстве, заключалась в значительной автономии клириков, относившихся в церковной иерархии лишь к среднему уровню. Так называемые Донские священники, протопоп Михаил, пресвитер Николай и пресвитер Феодор, самостоятельно вели длительную тяжбу с митрополитом Аланийским, посягавшим, как они утверждали, на издревле принадлежащие и присвоенные им церковные права в отношении довольно многочисленной местной паствы. Примечательно, что в ходе разбирательств дела вышеупомянутые священники ездили в Сарай и Константинополь, где лично защищали свои интересы [26, с. 176–77].

Теперь перейдем к рассмотрению еще более значимого и принципиального вопроса об авторах предшествующих пожалований францисканским миссионерам, на которые опирался ярлык хана Узбека 1314 года. В рассматриваемом документе анализируемое положение сформулировано так: «привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями». Автор опубликованных комментариев к нему, вероятно вслед за предшественниками, отождествил упомянутого монгольского правителя Кулука с Келек-ханом, т.е. ханом Мунке-Тимуром, поскольку в «Родословии тюрок» приводится это второе имя данного золотоордынского монарха. Ни анализа первоисточника информации, ни каких либо дополнительных соображений не приводилось. Другой предшественник пожалования 1314 г. «наш старший брат, император» был им отождествлен с золотоордынским ханом Токтой. При этом также никакой дополнительной аргументации не приводилось [21, с. 38]. Представляется, что такие выводы не являются вполне обоснованными и убедительными.

Для начала рассмотрим сведения из «Родословия тюрок»: «В достоверных историях записано, что когда период царствования Саин-хана в городе Сарайе, который называют также Сарайчик, пришел к концу, на его место сел Мунке-Тимур-хан, сын Тугана, сына Батуй-хана, который (Батуй) есть сын Джучи-хана, сына Чингиз-хана. Во время своего царствования он был прозван Келек-ханом. Келек-хан был царем справедливым, умным, великодушным; в период своего султанства он укрепил справедливостью и правосудием основу ханства и правила правления, так что в его правление все обиженные благодарили его природу, а обидчики жаловались. Хан пятый – Иису-Мунке, сын Тугана» [28, с. 205]. Историческое произведение, названное в рассматриваемых комментариях «Родословие тюрок», имело полное название «Книга родословия тюркского» и было написано Абуль-Гази не ранее середины XV века. Некоторые специалисты относят его возникновение еще к более позднему времени – по весьма вероятному мнению издателей второго тома сборника В.Г. Тизенгаузена: «“Шаджарат ал-атрак” в настоящем своем виде была составлена уже в начале XVI в., при Шейбанидах» [28, с. 202].

Время возникновения и тот факт, что среди источников значительное место занимали эпические памятники, делает сообщения, содержащиеся в дан-

ном историческом труде, не самыми авторитетными. Обратим внимание, что в вышеприведенном перечне ханов Золотой Орды после основателя этого государства Бату-хана, как известно носившего прозвище Саин-хан, сразу говорится о воцарении Мунке-Тимур-хана, что является серьезной хронологической и исторической ошибкой. Автор труда пропустил трех правивших до Мунке-Тимура ханов – Сартака, Улагчи и Берке. Особенно странно, учитывая определенную религиозную направленность произведения, что был пропущен хан Берке, в правление которого активно внедрялся ислам в качестве государственной религии. Кроме собственных умозаключений приведем и мнение авторитетного специалиста об этом произведении: «О происхождении рода монгольских племен и ханов подробно говорится и в сочинении Абуль-Гази «Книга родословия тюркского», где дан «Перечень тюркских и монгольских поколений» и отдельно рассмотрены «Монгольские поколения» после чего следует родословная Чингис-хана и его история. Однако в труде этого автора нет ни прямых, ни косвенных указаний на использование им монгольских источников. Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что этот автор располагал монгольскими летописями и они находились в числе семнадцати исторических сочинений о Чингис-хане, из которых Абуль-Гази делал выписки» [20, с. 137].

Принимая во внимание выводы специалистов занимавшихся переводами и изучением монгольских актов [2; 18], несмотря на отсутствие у автора данных строк специальной лингвистической подготовки, выскажем сомнение в убедительности лексической и фонетической трансформации имен Келек в Кулук. Здесь, как думается, не все столь просто и однозначно! Во всяком случае, выдвинутая версия как минимум нуждается в дополнительном обосновании.

Есть и другой более убедительный исторический претендент на отождествление с правителем Кулуком, на которого ссылается ярлык 1314 г. Таким, по всей вероятности, нужно признать одного из властителей династии Юань – Хайсана, сына Дармабалы и внука Чинкима (второго сына Хубилая). Являясь Великим кааном (императором) Монгольской империи в период с 1307 по 1311 год, он носил китайский титул – Ву-цун, а его монгольское имя было Кулук [3, с. 91; 13, с.179]. Под этим именем он известен не только на страницах исторических хроник, но и в официальной документации. Среди сохранившихся эдиктов и указов императоров, вырезанных на каменных плитах-стелах, и написанных квадратным письмом, есть принадлежащий Буянту-каану. Он унаследовал престол от своего брата Хайсан-Кулук хана, и правил с 1311 по 1320 гг. В его указе 1314 г., предоставляющем льготы последователям различных конфессий в Китае и на др. подвластных территориях, имеется ссылка на предшественников: «В указах Чингис хана, Угедей хагана, Сечен хагана, Улджейту хагана и Кулук хагана было сказано, чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания» [18, с. 65]. Должно быть, непосредственным предшественником правителя Буянту здесь указан «Кулук-хаган». Именно он и упоминается в ярлыке хана Узбека 1314 г. Если принять предлагаемую версию, то «преемником» и «императором» в ярлыке,

выданном золотоордынским властителем францисканцам, очевидно, обозначен Буянту-каан.

В отличие от упомянутых тарханских указов последователям различных конфессий в Китае акты каанов Куклука и Буянту, предоставляющие подобные права и др. льготы католическим миссионерам, не сохранились. Однако оценка ситуации с развитием успехов католической пропаганды при дворе Юаньских правителей в Китае приводит к выводу, что их существование очень и очень вероятно.

Еще в середине XIII в. западноевропейские государи, включая римского папу, неоднократно пытались установить связи с могущественной Монгольской империей в Азии. Великий каан Хубилай несколько раз обменивался письменными посланиями с папой. Положение христиан в период его правления было весьма благополучным. Отношение при дворе Хубилая к христианству и католицизму хорошо иллюстрируют слова двух онгютских принцев Конбогхи и Ифогхи, являвшимися зятьями Великого каана и приверженцами несторианства, к которым нанесли визит перед своим знаменитым путешествием раббан Саума и его друг Маркос, будущий патриарх мар Ябаллаха. Принцы встретили гостей наилучшим образом, однако пытались все же отговорить их от своих намерений: «Для чего вы покидаете нашу сторону и отправляетесь на запад? Ведь мы стремимся привлечь с запада монахов и отцов в эту сторону, как же мы допустим, чтобы вы ушли?» [15, с. 684]. В последующем посольство, направленное кааном Хубилаем к папе, не достигло места назначения из-за болезни посла во время путешествия. Все же монгольские послы из Персии еще в 1287–1288 гг. появлялись при дворе папы в Риме.

В 1289 г. глава католической церкви, узнав о существовании многочисленных христианских общин среди жителей Монгольской империи, отправил на Дальний Восток францисканца Джованни Монтекорвино с посланиями к персидскому хану Аргуну и Великому каану Хубилаю. Приблизительно в 1295 г. самый известный латинский миссионер достиг Пекина, где встретил радушный прием и получил позволение проповедовать христианство. Вскоре Великий каан умер, но преемники Хубилая Тимур, Кулук, Буянту и др. в своей внутренней политике, равно как и в отношении к Западу, следовали традициям своего именитого предка. Одорико ди Порденоне писал по этому поводу: «Один из наших братьев епископов служит при дворе императора. Он дает благословение императору, когда император садится верхом на лошадь, и тот с набожностью прикасается губами к кресту» [цит. по 7, с. 65]. Как известно, деятельность Джованни Монтекорвино, которому было разрешено организовать диоцез католической церкви в столице империи, была весьма успешной. К 1305 г. под его влиянием в Пекине около 6000 человек крестились по римско-католическому обряду. Для умножающейся паствы был начат перевод псалтыря на один из местных языков. Удалось также основать семинарию, рассчитанную на 150 юношей, где обучали латинскому и греческому языкам, а также григорианскому песнопению, которое очень нравилось Великому каану Тимуру. Вблизи его дворца на средства итальянских купцов была построена католическая церковь с колокольной, и в ней повешены три колокола [31, с. 139]. Через два года папа Климент V возвел Джованни Монтекорвино в сан архиепископа Китая и послал к нему в качестве викариев семь францисканских монахов, из которых до Пекина добрались только

три [7, с. 66; 12, с. 113–114]. По версии Рихарда Хеннинга в 1310 г. папскому легату удалось склонить к крещению даже самого Великого каана Ву-цуна (Хайсан-Кулука) [31, с. 154]. Однако это не имело значительных последствий, т.к. единственный император-христианин, когда-либо правивший в Китае, умер спустя несколько месяцев.

В дальнейшем Жерар, один из трех викарных епископов, стал епископом города Зайтона (Цюаньчжоу), где имелась построенная богатой армянкой церковь. После его смерти епископство Зайтона перешло к Перегрину из Каstellо, а после его кончины к Андрею из Перуджи. В письме Андрея сановникам монастыря в Перудже, отправленного из Зайтона в январе 1326 года, особо отмечается благосклонность, которой пользовались миссионеры при дворе монгольского правителя. Из письма следует, что Великий каан, тогда им был Йэсун Темюр, назначил ему вспомоществование в размере ста золотых флоринов в год. Примечательна и его характеристика общей этно-конфессиональной ситуации: «А в этой громадной империи воистину есть люди любой нации, какие только существуют на земле, и люди любой секты. И каждому дозволено свободно исповедовать свою веру, ибо держится тут мнение, или, лучше сказать, заблуждение, будто каждый найдет спасение в своей религии. А посему и мы можем проповедовать свободно и без опаски. Никого из иудеев и сарацин не удалось нам обратить, но из язычников очень многие были крещены. Правда, немногие из крещеных идут по правильному христианскому пути...» [31, с. 146]. Тем не менее, Андрей добавляет, что им был построен около Зайтона монастырь на двадцать два верующих и что он занимался богоугодным делом, как в церкви, так и в горном ските.

Обратим внимание, что католический миссионер и епископ определенно отмечает возможность «проповедовать свободно и без опаски». Едва ли это могло происходить без соответствующего документального оформленного разрешения монгольских властей, получить которое влиятельным латинским иерархам не представляло сложностей. Известный дореволюционный исследователь латинского проповедничества Н. Красносельцев не сомневался именно в таком положении дел: «Миссионеры пользовались при дворе великим уважением; в торжественные дни они являлись с поздравлением к императору в числе первых сановников двора. Они ограждены были законом от притеснений со стороны язычников; им позволено было путешествовать с проповедью евангельскую по всем провинциям, созидать церкви, строить училища, в чем помогали им, по воле государя, местные начальники, а из подражания им и частныя лица» [12, с. 116]. Данный документ, представлявший большую ценность для католических миссионеров, достаточно легко мог попасть в канцелярию Золотой Орды непосредственно от самих меньших братьев, или же по политико-административным каналам Монгольской империи. О том, что второй вариант исключать нельзя свидетельствует развитие в первой четверти XIV в. общеимперской политической ситуации.

Хорошо известно, что после смерти Великого каана Мункэ начался распад единой Монгольской империи. Внешним проявлением событий была длительная междоусобная борьба двух ветвей «золотого рода Чингизидов» – представителей рода Тулуя с одной стороны, и потомков родов Угэдэя и Чагатая с другой. Победитель, хан Хубилай, утвердившись на имперском престоле, пе-

ренес столицу из Каракорума в Пекин (Ханбалык), что запустило механизм политической децентрализации степной государственности. Однако в начале XIV в. произошли события, приостановившие этот глобальный процесс. В период правления сына и преемника Хубилая Великого каана Тимура возник план восстановить единство Монгольской империи в форме своеобразной федерации. Одним из первых обратил на это внимание В.В. Бартольд: «Главы отдельных государств должны были обязаться жить в мире друг с другом, под номинальным главенством каана; торговля на всем пространстве империи должна была быть совершенно свободной» [1, с. 72–73]. Предложенный Великому каану план был вполне одобрен в августе 1304 г., затем его поддержали представители Чагатаидов, владевшие Средней Азией, потомки Хулагуидов в Персии и золотоордынские Джучиды [28, с. 82]. О содержании и участниках соглашения дает представление письмо **монгольского правителя Персии ильхана Олджайту к французскому королю Филиппу IV Красивому**: «Старшие и младшие братья, Мы все стали жертвой несправедливости, оклеветанные дурными людьми. Теперь Мы, а также Темур-каган, Тохога, Чабар, Тога и другие потомки Чингисхана, озаренные свыше, положили с помощью Неба конец взаимным обвинениям, длившимся 45 лет, объединили наши государства от восхода солнца до моря Талу и слили наши почтовые службы. Мы связали себя обещанием, что если кто-нибудь из нас подумает иначе, то все Мы сообща будем защищаться против него» [31, с. 162]. Хотя договор был заключен, но поскольку глубинные причины противоречий не были устранены, вскоре в Средней Азии вновь начались междоусобные столкновения, показавшие его формальность и нереалистичность. По этой причине В.В. Бартольд не углублялся в анализ последствий данного события, что стало характерным для отечественной историографии.

В трудах российских и советских историков в развитии Монгольской империи, а затем и Золотой Орды выделяются преимущественно процессы суверенизации, и мало уделяется внимания политическим традициям, направленным на сохранение единства государства. Последнее более внимательно изучалось зарубежными историками. Например, Г.В. Вернадский по-иному оценил рассматриваемый договор: «Успех политики Тимура был, конечно, впечатляющим, и Монгольская империя, можно сказать, достигла апогея своего могущества в период его правления. Все это привело к восстановлению единства империи в новой форме панмонгольской федерации, во главе с великим ханом Пекина». Возможно, такое суждение и выглядит слишком категорично, но оно отражает реальные исторические процессы. Думается, что констатируемое в советской историографии отделение Золотой Орды в XIV в. от метрополии несколько преувеличено. Важность и значимость происшедшего в начале XIV в. на основе косвенных летописных сообщений сумел уловить еще А.Н. Насонов, обративший внимание на съезд в 1304 г. русских князей в Переяславле Суздальском. Здесь, в присутствии ордынских послов и митрополита, слушали волю монгольских властителей: «чли грамоты цареvy, ярлыки» [14, с. 79].

Рассматриваемые события актуализировали в монгольских улусах сохранение панмонгольских политических устоев, являвшихся основой государственного единства империи. Суверенизация территорий ни в социально-политической, ни в экономической сферах остановлена не была, однако фор-

мировавшиеся здесь новые реалии совмещались с положениями имперского договора 1304 г. и традициями. Такое состояние дел привело к тому, что политико-дипломатические взаимоотношения между Великими каанами из Юаньской династии и правителями Золотой Орды сохранялись и развивались до середины XIV в., т.е. до момента прекращения правления Юаньской династии в Китае. Даже большие географические расстояния, и длительные братоубийственные войны, которые велись между разными домами Чингизидов, не смогли прервать эти отношения.

Каков же был их характер? Ответы дают некоторые восточные, но в решающей степени китайские источники. Изучавшие их историки констатируют: «императоры Юаньской династии, Великие ханы центральной Монгольской империи всегда считали правителей Улуса Джучи своими наместниками (вассалами). Известно, например, что в Пекине правителей Улуса Джучи всегда называли «Си-бэ-чжу-Вань» («северо-западные царевичи»). Поэтому на территории Китая они имели свои хуби, то есть уделы» [32, с. 190]. В китайских источниках есть сведения о назначении императором Аюрбарваде (китайское имя Жэнь-Джон), т.е. очевидно Буянту, после смерти Токты в 1314 г. Узбека ханом в Сарае. Однако оценка данного факта делается вполне реалистично: «На самом деле правители Улуса Джучи были наместниками (местными феодалами) императора лишь формально, фактически они были политически независимы от них. Утверждение же хана на престол Золотой Орды было формальным продолжением прежней традиции» [32, с. 191]. Согласно с вышеприведенными сведениями информация содержат и восточные источники. Автор «Продолжения Сборника летописей» под 1315 г. сообщает об отправлении ханом Узбеком: «послов к каану с предложением дружбы, единогласия, покорности и повиновения» [28, с. 142]. В работе Г.А. Федорова-Давыдова кратко также формулируется вывод о вассальной зависимости хана Узбека и приводится информация об еще одном посольстве к каану в 1336 г., свидетельствующем о зависимости от него [30, с. 80].

Еще больше внимания этому вопросу уделил Г.В. Вернадский. В его книге приводятся свидетельства того времени, подтверждающие, что единство империи существовало не только на бумаге. «Меморандум о империи Юань, подготовленный около 1330 г. архиепископом Салтании для римского папы Иоанна XXII под названием «Книга владений великого хана», начинается со следующего заявления: «Великий Каан Катая (Китай) – один из самых могущественных царей мира, и все крупные властители этой страны являются его вассалами и воздают ему почести; и, в особенности, три великих императора, а именно: император Армалек (Альмалик), император Буссай (Абу-Саид) и император Узбек (Узбег). Эти три императора посылают год за годом живых леопардов, верблюдов, кречетов и, кроме того, огромное количество драгоценностей своему господину Каану. Этим они признают его своим суверенным повелителем» [3, с. 94].

Признание вассальной зависимости хана Узбека от Великого каана (императора), пусть в значительной мере и формальное, крайне важно для правильного понимания содержания анализируемого ярлыка 1314 г. И в совре-

менном государстве подобные документы имеют не только формальное политико-правовое значение, но и символическое, неразрывно связанное с суверенно-публичными началами государственной власти. Такой же смысл имеет и информация, помещаемая на денежных знаках и иных атрибутах державного правления. Иерархия этих актов основывается на иерархии государственных органов и должностных лиц, их издающих. В средневековье все сказанное также имело место, но в самобытной форме, определяемой еще недостаточным развитием государственных структур и спецификой социальных отношений в традиционном обществе.

Это своеобразие социально-политического развития монголов в свое время изучил В.Я. Владимирцов, убедительно описавший применение привычных родовых форм и институтов к формализации публично-правовых и государственно-административных основ империи, созданной Чингиз-ханом и его потомками. «Выделение уделов основывалось на том принципе, что “государство” (ulus irgen) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены-урих'и, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (unagan bogol), совершенно так же род является владельцем народа-государства (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux – nutug). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства. ... Monggol ulus приобретает значение “народ-государство рода монгол”. Власть рода Чингис-хана над его улусом, т.е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, altan urug (urix)'а становится императором, ханом (хан, хаган), повелевающим всей империей избираемым на совете всех родовичей (xuriltai – хурультай); другие же члены рода, главным образом, мужские его отпрыски, признаются царевичами (kobe'iin – kobegiin, слово, значащее собственно “сын”), имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус» [4, с. 98–99]. «Все царевичи, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили хаган-и су-дур, т.е. «счастьем-величием императора». Во главе каждого удела-улуса, в том числе и «великого улуса», должен был стоять один царевич, так же, как во главе империи один император» [4, с. 100]. «Хотя монгольский император является совершенно неограниченным монархом, тем не менее он «выбирается» на родовом съезде-курултае и, по завету Чингиса, не должен единовластно наказывать провинившегося в чем-либо члена «золотого рода». Родовые взгляды, принцип совместного владения империей всеми членами рода Иесугей-багатура и Чингис-хана, выявляется в этих установлениях. Но в жизни принципы эти проводились недолго, царевичи начали вести междоусобные войны, производить заговоры и убийства своих сородичей: «золотой род» разложился быстро» [4, с. 101]. Хотя фактические родовые отношения стремительно разлагались под воздействием более прогрессивных социально-экономических явлений, они зачастую давали этим новациям своё наименование. Для предмета нашего исследования интересен вариант обозначения у монголов политического и административного верховенства. Во главе родов

или структур, сохранявших родовую оболочку, стояли главари, носившие различные монгольские наименования, заменявшиеся позже китайскими терминами [4, с. 138–139]. Среди них встречается термин «родоначальники», как свидетельствуют труды А.М. Позднеева и Д.Д. Покотилова, так именованными вслед за китайскими авторами предводителей отоков в послеюаньский период [16, с. 99; 17, с. 37, 84].

Приведенные теоретические положения подтверждаются данными из источников и исследований. Интересен сюжет конфликта, предшествующий вторжению армии Чингиз-хана в Среднюю Азию, описанный у В.В. Бартольда: «Тут произошло с самого начала столкновение, потому что послы, после того как выразили хорезмшаху от имени Чингиз-хана чувство дружбы и просьбу, чтобы торговля происходила свободно между обеими империями, чтобы купцы могли безопасно ездить из одной из них в другую, сказали, что Чингиз-хан смотрит на султана, как на своего возлюбленного сына. Это оскорбило хорезмшаха, потому что такое выражение считается символом вассальных отношений. По обычаям между государями, если они признают друг друга равными себе, то обращаются, называясь братьями, а если один зовет другого сыном, то этим самым он признает его ниже себя, как бы своим вассалом» [1, с. 698]. Подобным же образом обращается в уже упоминаемом письме монгольский наместник в Персии и Армении Ильчигадай к французскому королю Людовику IX [31, с. 52].

Обратим внимание и на фиксацию государственно-политической преемственности в письме **ильхана Олджайту к французскому королю Филиппу IV Красивому**: «Мы никоим образом не хотим изменять или отменять предписания и распоряжения наших предшественников – нашего высокого деда, нашего высокого отца и наших высоких старших братьев относительно того, что было договорено с прежними наместниками наилучше организованных провинций, но хотим их подтвердить и, как раньше, оставаться в дружественных отношениях, обмениваясь посольствами». Обращение к правителям, которых автор призывает к установлению добрососедских отношений, выглядит так: «Старшие и младшие братья». Понятно, что старшими в данном случае ему представляются властители монгольских улусов, а младшими европейские короли.

Использование родовой терминологии казахскими ханами, являвшихся преемниками монгольских властителей, в переговорах и др. дипломатических контактах с Шейбанидами фиксируется и в XVI–XVII вв. «Как отмечалось в источниках, правители часто называли друг друга «брат», т.е. находились в равноправных отношениях. Эта формула свидетельствует о почтительном отношении одного правителя к другому. В документах не раз употребляется слово «друг», которое также характеризует отношения между государствами соответствующим образом. Итак, «брат» и «брат», «отец» и «сын» – эти слова отражали различные оттенки отношений между государствами-партнерами» [8, с. 7].

В итоге констатируем, что в ярлыке хана Узбека 1314 г., оформившим пожалование францисканцам в Золотой Орде, термин «родоначальник» отно-

сится к умершему Великому каану (императору) Кулуку, как главе рода Чингизидов во всей Монгольской империи, создавшему соответствующий прецедент, а выражение «его преемник, наш старший брат, император» обозначает Великого каана Буянту, являвшегося во время выдачи ярлыка сюзереном для золотоордынского властителя. Используемые понятия в первой четверти XIV в. уже очерчивали не только кровно-родственные связи, а более широкий спектр государственных и социально-политических отношений. Культурная и интеллектуальная база кочевников-завоевателей оказалась недостаточной, чтобы выработать адекватную терминологию для обозначения процессов функционирования огромного государственного аппарата. Как известно эти недостатки активно компенсировались заимствованием письменного и культурного опыта покоренных народов, находившихся на более высоком уровне цивилизационного развития. Но стремление монгольской верхушки охранить обособленность и господствующее положение вели к резервированию традиционно-консервативных основ в политической сфере. Эти тенденции отразились в официальных государственных актах, примером которых является ярлык хана Узбека 1314 г. Традиции государственного делопроизводства при дворах золотоордынских правителей изначально основывались на китайских практике и опыте [2, с. 13; 18, с. 12–16]. В совокупности все это предопределило формальную фиксацию в рассматриваемом документе при помощи архаично-родовой терминологии политических форм и отношений первой четверти XIV в., в том числе вассальной зависимости ханов Золотой Орды от монгольских Великих каанов.

Подводя итог всему изложенному отметим, что ярлык францисканцам хана Узбека 1314 г. появился как результат развития предшествующих успехов католической миссионерской деятельности в Китае и в восточных областях Монгольской империи. Эти достижения были плодом энергичных усилий Джованни Монтекорвино и его соратников. Продолженные новыми поколениями латинских проповедников традиции первооткрывателей Китая также дали свои результаты и в Поволжско-Причерноморских степях. Новый ярлык был выдан непосредственно францисканским миссионером, действовавшим во владениях Золотой Орды, но не епископу г. Каффы. В соответствии с монгольскими общеимперскими политическими традициями в документе имелось указание на пожалования предшествующих сюзеренных правителей, являвшимися прецедентом для золотоордынского хана, выдавшего ярлык в 1314 году. Таковыми были решения Великого каана (императора) Кулука, который, по-видимому, первым выдал тарханный акт католическим миссионерам, и его преемника на императорском престоле Великого каана Буянту. Последний, по всей вероятности, подтвердил предоставленные старшим братом привилегии католикам в период с 1311 по 1314 год. Дошедший до нас перевод ярлыка хана Узбека 1314 г. является ценнейшим историческим источником, изучение которого, несомненно, будет продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1024 с.
2. *Боровков А.К.* Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 1. С. 13–24.
3. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: «ЛЕАН»; М., «АГРАФ», 1997. 480 с.
4. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд. АН СССР, 1934. 224 с.
5. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
6. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. № 3. С. 72–129.
7. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. II. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Пер. с франц. Х.К. Хамраева. / Сост. Б.М. Сужиков. Алматы: «Санат», 2005. 336 с.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / Отв. ред. М. Х. Абусейтова; сост. М. Х. Абусейтова. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. 476 с.
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: репринт. / Кн. 1. Т. 1–4. М., 1988. 162 с.
10. *Ковалевский М.* Юридический быт Генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову / Под ред. М.Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 195–228.
11. *Котляревский С.А.* Францисканский орден и Римская курия в XIII–XVI веках. М., 1901. 389 с.
12. *Красносельцев Н.* Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухамедан. Казань, 1872. 243 с.
13. *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. СПб., 1899. 344 с.
14. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. 178 с.
15. *Пигулевская Н.В.* История мар Ябалахи III и Раббан Саумы // Сирийская средневековая историография. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. 761 с.
16. *Позднеев А.* Монгольская Летопись – «Эрдэнийн Эрихэ», подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающий в себе Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1883. 477 с.
17. *Покотилов Д.Д.* История Восточных Монголов в период династии Мин 1368–1634, по китайским источникам. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. 242 с.
18. *Попте Н.Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 166 с.
19. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд. Географической литературы, 1957. 270 с.
20. *Пучковский Л.С.* Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки института Востоковедения. Т. VI. 1953. М.; Л.: Изд. АН СССР. С. 131–166.

21. *Роман Хаутала*. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. №3(5). С. 31–48.
22. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
23. *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. Серия VI. 1918. Т. 12. Вып. 11. С. 1109–1124.
24. *Свет Я.М.* После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М.: Наука, 1968. 246 с.
25. *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: [Тексты и заметки] / С. Смирнов. М., 1912. 568 с.
26. *Сочнев Ю.В.* Сведения актов Константинопольского патриархата о христианском (православном) населении на Дону в сер. XIV в. // Золотоордынское наследие. Материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 175–180.
27. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.
28. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 310 с.
29. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. Одесса. С. 629–837.
30. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой орды. М.: Изд. МГУ, 1973. 181 с.
31. *Хеннинг Р.* Неведомые земли. Т. 3. М.: Изд. Иностранной литературы, 1962. 470 с.
32. *Чао Чу-чанг*. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 188–192.
33. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente Francese. 5 Vols. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

Сведения об авторе: Юрий Вячеславович Сочнев – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (603155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Поступила 30.08.2018 Принята к публикации 06.11.2018
Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Bartol'd V.V. *Sochineniya. Obshchie raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy*. Vol. 2, part 1 [Writings T. II. Part I. General Works on the History of Central Asia. Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ, 1963. 1024 p. (In Russian)
2. Borovkov A.K. Opyt filologicheskogo analiza tarkhannykh yarlykov, vydannykh khanami Zolotoy Ordy russkim mitropolitam [The experience of philological analysis of the tarkhan yarliks granted by the khans of the Golden Horde to Russian metropolitans]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]. Seriya literaturny i yazyka. 1966. V. XXV. Is. 1, pp. 13–24. (In Russian)
3. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver, LEAN, Moscow, AGRAF Publ., 1997. 480 p. (In Russian)
4. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [The Social Order of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ, 1934. 224 p. (In Russian)
5. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries] Moscow, Nauka Publ., 1985. 245 p. (In Russian)
6. Zevakin E.S., Penchko N.A. Ocherki po istorii genuezskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vv. [Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the 13th and 15th centuries]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1938, no. 3, pp. 72–129. (In Russian)
7. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv.* Vol. II. Grousset R. *Imperiya stepey. Attila, Chingiskhan, Tamerlan* [History of Kazakhstan in the Western Sources of the 12th–20th century. Vol. II. Grousset R. Empires of the Steppes. Attila, Chinggis Khan, Tamerlane]. Per. s frants. Kh.K. Khamraeva. Sost. B.M. Suzhikov. Almaty, Sanat, 2005. 336 p. (In Russian)
8. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh.* Vol. V. *Izvlecheniya iz sochineniy XIII–XIX vekov* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. V. Extracts from the Writings of the 13th–19th century] Otv. red. M.X. Abuseitova; sost. M.X. Abuseitova. Almaty, Dayk-Press, 2007. 476 p. (In Russian)
9. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: reprint* [History of the Russian State: Reprint]. Book. 1. Vol. 1–4. Moscow, 1988. 162 p. (In Russian)
10. Kovalevskiy M. Yuridicheskiy byt Genuezskikh koloniy na Chernom more vo vtoroy polovine XV v. [Legal life of the Genoese colonies on the Black Sea in the second half of the 15th century]. *Sbornik statey po istorii prava, posvyashchenny M.F. Vladimirskomu-Budanovu* [Collection of Articles on the History of Law Dedicated to M.F. Vladimirov-Budanov]. Pod red. M.N. Yasinskogo. Kyiv, 1904, pp. 195–228. (In Russian)
11. Kotlyarevskiy S.A. *Frantsiskanskiy orden i Rimskaya kuriya v XIII–XVI vekakh* [The Franciscan Order and the Roman Curia in the 13th–16th century]. Moscow, 1901. 389 p. (In Russian)
12. Krasnosel'tsev N. *Zapadnye missii protiv tatar-yazychnikov i osobenno protiv tatar-mukhamedan* [Western Missions against the Pagan Tatars and Especially against the Mahometan Tatars]. Kazan, 1872. 243 p. (In Russian)
13. Lane-Poole S. *Musul'manskiiye dinastii. Khronologicheskie i genealogicheskie tablitsy s istoricheskimi vvedeniyami* [The Mohammedan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions]. St. Petersburg, 1899. 344 p. (In Russian)

14. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus': (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus': The History of Tatar Politics in Rus']. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940. 178 p. (In Russian)

15. Pigulevskaya N.V. *Istoriya map Yabalakhi III i Rabban Saumy* [History of Mar Yahballaha III and Rabban Sauma]. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya* [Syriac Medieval Historiography]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin", 2000. 761 p. (In Russian)

16. Pozdneev A. *Mongol'skaya Letopis' – «Erdeniyn Erikhe», podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, zaklyuchayushchiy v sebe Materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* [The Mongol Chronicle – "Erdeniyn Erihe": The Original Text with Translation and Explanations Containing Materials for the History of Khalkha from 1636 to 1736] St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk, 1883. 477 p. (In Russian)

17. Pokotilov D.D. *Istoriya Vostochnykh Mongolov v period dinastii Min 1368–1634, po kitayskim istochnikam* [The History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty 1368–1634, According to Chinese Sources]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk, 1893. 242 p. (In Russian)

18. Poppe N.N. *Kvadratnaya pis'mennost'* [Square Writing]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 166 p. (In Russian)

19. *Puteshestviya v Vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Moscow, Gos. izd. Geograficheskoy literatury, 1957. 270 p. (In Russian)

20. Puchkovskiy L.S. *Mongol'skaya feodal'naya istoriografiya XIII–XVII vv.* [Mongolian Feudal Historiography of the 13th–17th century] *Uchenye zapiski instituta Vostokovedeniya* [Research Notes of the Institute of Oriental Studies]. Vol. VI. 1953. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., pp. 131–166. (In Russian)

21. Roman Hautala. *Yarlyk khana Uzbeka frantsiskantsam Zolotoy Ordy 1314 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii* [Yarlyk of Uzbek Khan Granted to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: The Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 3(5), pp. 31–48. (In Russian)

22. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Vol. 6. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of Old Russian Canon Law]. Part 1. St. Petersburg, 1908. (In Russian)

23. Samoylovich A.H. *Neskol'ko popravok k yarlyku Timur-Kutluga* [Several amendments to the Timur-Qutlugh's yarlik]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]. Seriya VI. 1918. Vol. 12, Is. 11, pp. 1109–1124. (In Russian)

24. Svet Ya.M. *Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy* [After Marco Polo. Journeys of Western Foreigners to the Countries of the Three Indies]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 246 p. (In Russian)

25. Smirnov S.I. *Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny: [Teksty i zametki]* [Materials for the History of the Old Russian Penitential Discipline: Texts and Notes]. Moscow, 1912. 568 p. (In Russian)

26. Sochnev Yu.V. *Svedeniya aktov Konstantinopol'skogo patriarkhata o khristianskom (pravoslavnom) naselenii na Donu v ser. XIV v.* [Information containing in the acts of the Patriarchate of Constantinople about the Christian (Orthodox) population in the Don in the middle of the 14th century]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Research Conference "The Political and Socio-economic History of the Golden Horde", Dedicated to the

Memory of M.A. Usmanov; Kazan, March 29–30, 2011]. Kazan, ООО “Foliant”, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 175–180. (In Russian)

27. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 304 p. (In Russian)

28. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Vol. II. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II. Extracts from Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhauzen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 310 p. (In Russian)

29. *Ustav dlya genuezskikh koloniy v Chernom more izdannyy v Genue v 1449 g.* [Statutes for the Genoese Colonies in the Black Sea, Issued in Genoa in 1449]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1863. Vol. 5, pp. 629–837. (In Russian)

30. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy ordy* [The Social Order of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 181 p. (In Russian)

31. Henning R. *Nevedomye zemli* [Terrae Incognitae]. Vol. 3. Moscow, Izd. Inostrannoy literatury, 1962. 470 p. (In Russian)

32. Chao Chu-chang. K voprosu o vzaimootnosheniyakh yuan'skikh i zolotoordynskikh praviteley (po dannym kitayskikh istochnikov) [To the question of the relations between the Yuan and the Golden Horde rulers (according to Chinese sources)]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source Study of the History of the Jochid Ulus (Golden Horde). From the Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, 2001, pp. 188–192. (In Russian)

33. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente Francese*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

About the author: Yury V. Sochnev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics in Nizhny Novgorod (25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod 603155, Russian Federation). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

*Received August 30, 2018 Accepted for publication November 6, 2018
Published December 29, 2018*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(5)+811.5

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.807-828

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:**ХРАПАЧЕВСКИЙ Р.П. «ТАТАРЫ», «МОНГОЛЫ» И «МОНГОЛО-ТАТАРЫ» IX–XII ВЕКОВ ПО КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ******В.В. Тишин***

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Данная работа представляет собой не столько рецензию, сколько своего рода комментарий к вышедшей в 2015 г. книге Р.П. Храпачевского, посвященной публикации переводов сведений китайских источников X–XIV вв. о племенах, известных под наименованиями *татар* и *монгол*. Работа Р.П. Храпачевского, по мнению автора, является значительным вкладом в изучение кочевнических народов Центральной Азии в российской историографии и предоставляет очень важный инструмент для исследователей, не владеющих китайским языком. Не затрагивая собственно переводческую часть книги, отмечается, что вызывают некоторые замечания исследовательские разделы и справочный аппарат. В частности, автор рецензии считает поспешными некоторые принимаемые Р.П. Храпачевским лингвистические идентификации, касающиеся носителей тех или иных этнонимов, что, соответственно, делает дискуссионными основанные на них построения. Кроме того, по мнению рецензента, методика реконструкции некитайских слов и имен заслуживает более фундаментального обоснования. Вместе с тем, как показывает рецензент, эти аспекты слишком сложны сами по себе и в любом случае имели бы дискуссионный характер, почему книга Р.П. Храпачевского имеет также значение для их дальнейшей разработки. Основным замечанием может считаться сравнительно скудный библиографический аппарат, что, по мнению рецензента, нашло отражение в недостаточной глубине комментариев. В целом, книга выполнила свою основную задачу – предоставить русскоязычному исследователю новый материал для дальнейшего изучения истории Центральной Азии, притом как для историков, так и для лингвистов.

Ключевые слова: монголы, тюрки, татары, кочевнические народы, китайские источники, этнонимика, ономастика, фонетическая реконструкция

Для цитирования: Тишин В.В. Рецензия на книгу: Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 807–828. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.807-828

* Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

**BOOK REVIEW: KHRAPACHEVSKY R.P. “TATARY”, “MONGOLY”
I “MONGOLO-TATARY” IX–XII VEKOV PO KITAYSKIM ISTOCHNIKAM
 (“TATARS”, “MONGOLS” AND “MONGOL-TATARS”
IN THE 9TH–12TH CENTURIES ACCORDING TO CHINESE SOURCES)***

V.V. Tishin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
tjihj-511@mail.ru*

Abstract: The present paper does not aim to be so much a review as a commentary on the 2015 book by Roman P. Khrapachevsky dedicated to the publication of translations of the fragments from Chinese sources of the 10th–14th centuries about the tribes known under the names of *Tatar* and *Mongol*. The book under review, in the opinion of the author of the paper, is a significant contribution to the study of the nomadic peoples of Inner Asia in Russian historiography and provides a very useful instrument for researchers who are not fluent in Chinese. Without touching on topic of the quality of translations given by Khrapachevsky, it could be noted that some research sections and references drew some comments. In particular, the author of the review considers uncertain some of linguistic identifications made by Khrapachevsky relating to the bearers of certain ethnonyms. This fact, accordingly, makes any following findings questionable. In addition, according to the author of the paper, the methodology for the reconstruction of non-Chinese words and names deserves a more fundamental justification as a whole. At the same time, as is pointed out, these aspects are too complicated in themselves and, in any case, would be of a debatable nature, something which makes this book of Khrapachevsky additionally important for their further development. The main observation about the book relates to its relatively scanty bibliographic apparatus, which, according to this reviewer, was reflected by the lack of depth of the book’s commentary. In general, the book fulfilled its main task, providing Russian-speaking researchers, both historians and linguists, with new material for further studies of the history of Inner Asia.

Keywords: Mongols, Turks, Tatars, nomadic peoples, Chinese sources, ethnonymy, onomastics, phonetic reconstruction

For citation: Tishin V.V. Book Review: Khrapachevsky R.P. “Tatary”, “mongoly” i “mongolo-tatary” IX–XII vekov po kitayskim istochnikam (“Tatars”, “Mongols” and “Mongol-Tatars” in the 9th–12th centuries according to Chinese Sources). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 807–828. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.807-828

В эпоху бурного развития методологии и методики исторических исследований и соответствующего ужесточения требований к качествам исследований, одновременно при непомерно расширяющемся фонде научных работ трудно представить исследователя-кочевниковеда, одинаково хорошо владеющего всем разнородным источниковым материалом и, даже если говорить

* The study was carried out with the support of the Integrated Program for Fundamental Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, № AAAA-A17-117021310264-4.

о письменных источниках, исследователя, владеющего несколькими языками на таком уровне, который позволяет ему читать оригинальные тексты. По этой причине издание переводов источников всегда останется актуальной задачей.

Вышедшая в 2015 г. книга Р.П. Храпачевского [13]¹ продолжает начатую автором работу по вводу в широкий научный оборот китайских источников по истории степных народов Центральной Азии², которые по понятным причинам остаются доступными весьма ограниченному кругу специалистов-синологов. Безусловно, последние имеют значительное преимущество в возможностях изучения различных аспектов истории кочевнических народов региона, поскольку контакты последних с оседло-земледельческой цивилизацией Китая были неизбежны, чем и был обусловлен тот факт, что в китайских анналах кочевническим народам уделено значительное место.

Исторический период, следовавший после падения Уйгурского каганата 840 г. и фактического завершения уйгурско-кыргызских войн в 60-е гг. IX вв., а в особенности после падения династии Тан 唐 в 907 г., характеризуется недостатком сведений о народах Центральной Азии вплоть до образования империи Чингизхана в 1206 г. в целом и, соответственно, ограниченностью знаний о нем у широкого круга историков из-за малодоступности источников. Работы Р.П. Храпачевского в известной степени заполняют этот пробел.

Не касаясь предисловия Р.Р. Суюнова [13, с. 9–14], инициировавшего проект, благодаря которому мы имеем возможность видеть перед собой книгу Р.П. Храпачевского, отметим, что научная часть книги составлена по классической схеме: вводная статья автора «“Татарские” племенные конфедерации и монгольские племена в дочингисову эпоху по китайским источникам» [13, с. 15–47], собственно раздел «Материалы китайских источников X–XIV вв.», состоящий из тех частей – «Записки о “монголо-татарах”» [13, с. 50–102], «Извлечения из источников по истории Ляо и Пяти династий» [13, с. 103–201], «Извлечения из источников по истории династии Цзинь» [13, с. 205–272], – каждый из которых предваряется краткой характеристикой источника, содержит собственно текст переводов и завершается комментарием; затем идут Приложения, содержащие карты [13, с. 274–277], заимствованные из других источников³, и указатели – имен [13, с. 278–286], географических названий [13, с. 286–294], «родов, племен и народностей» [13, с. 295–298]; завершает работу раздел «Библиография», в собственно библиографический раздел которого входит 85 наименований на китайском, русском и западноевропейских языках [13, с. 299–306]; далее к работе приложен глосса-

¹ Книга вышла очень ограниченным тиражом (200 экз.); пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю благодарность ее автору за возможность получить экземпляр лично от него.

² Под Центральной Азией понимается географический регион, включающий территории современных Монголии, Южной Сибири (Саяно-Алтай и Прибайкалье), Забайкалья, а также входящих по современному политико-административному делению в состав Китайской Народной Республики Нинся-Хуэйского автономного района и автономного района Внутренняя Монголия.

³ В частности, например, две карты [13, с. 274, 275] взяты из соответствующих книг Л.Н. Гумилева и коллективного академического издания «История Востока» (т. II) [1, с. 367; 4, с. 322, рис. 14] и представлены в несколько дополненном виде.

рий, содержащий разъяснение китайских и отчасти монгольских терминов [13, с. 301–318]; отдельной вклейкой идут 16 страниц с иллюстрациями, содержащих изображения, взятые из разных источников.

Следует понимать, что важнейшей составляющей издания переводов источниковых материалов является именно комментарий, содержащий замечания как к содержанию источника (объяснение терминов, отождествление исторических персонажей, этнонимов и топонимов, уточнение датировок и локализация событий и т.д.), так и к самому переводу, объясняющий, какие трудности имел данный переводчик (и непременно будет иметь следующий) и почему он предпочел именно такой вариант. Оценку качества переводов Р.П. Храпачевского мы должны предоставить более компетентным специалистам, имеющим базовую синологическую подготовку, поэтому предполагаем сосредоточить свое внимание на исследовательской части. Комментарии в книге представлены в двух формах – в виде подстрочных примечаний и вынесенные за текст перевода. Первые, «текстологические», согласно автору [13, с. 46], чаще содержат пояснения именно к встречающимся в источниках именам собственным не китайского происхождения, вторые – к китайским, либо представляют собой собственно исторический комментарий. Думается, что едва ли вызовет у кого-то возражение утверждение, что глубина такого комментария часто имеет не меньшую ценность, чем сам введенный в оборот текст источника. Разумеется, подготовка комментария представляет собой совершенно отдельный труд, предполагающий именно исследовательскую работу.

Вводная статья Р.П. Храпачевского имеет самостоятельное значение. После общего обзора задействованных источников [13, с. 15–27], автор переходит к подразделу «“Татары” и другие кочевые конфедерации по китайским источникам» [13, с. 27–38], где фактически излагает историю появления носителей этнонима *tatar* в китайских анналах в широком контексте этнополитических процессов, происходивших в период VI–XII вв. на просторах Центральной Азии.

Здесь следует остановиться на неоднозначном утверждении автора о названиях *тэ-лэ* 特勒 и *ша-то* 沙陀, «которые иногда принимаются за этнонимы», при том, что, по мнению автора, «при внимательном рассмотрении вопроса, становится ясным, что это искусственные китайские названия для племенных конфедераций». Не совсем понятно, что имеется в виду, поскольку кажется, что Р.П. Храпачевский противопоставляет общую дефиницию этноним категории «названия для племенных конфедераций», но, по-видимому, речь идет о том, что оба упомянутых выше наименования он считает экзоэтнонимами.

Р.П. Храпачевский утверждает, что *тэ-лэ* 特勒 (также встречается форма *те-лэ* 鐵勒), иероглифическое обозначение которого коррелирует с написанием транскрипции тюркского титула *tegin*, – «перенос китайскими авторами тюркского титула правителя на название конфедерации племен и не несущее характера этника» [13, с. 29]. Иными словами, написание *тэ-лэ* 特勒 – вторично по отношению к *тэ-цин* 特勤. Однако, известные примеры показыва-

ют, что, совсем наоборот, написание титула *тэ-цинь* 特勤 чаще ошибочно заменялось на *тэ-лэ* 特勒 [25, S. 8; 26, S. 496–497, Anm. 48], лишь один известный нам случай написания *те-цинь* 鐵勤 вместо *те-лэ* 鐵勒 представлен в недавно открытой в Монголии эпитафии Пу-гу И-гу 僕固乙突 (ср.: [23, p. 81, note 44]).

Действительно, гипотеза Дж. Хамильтона о передаче транскрипцией *Tië-lè* 鐵勒 < **t'iet-lək*, *Tè-lè* 特勒 < **d'ək-lək* звучания **tägräg* ‘cerseau, grande roue légère’ [18, p. 25–26, 51, note 6], имеет определенные сложности, связанные с невозможностью обоснования данной лингвистической реконструкции ввиду отсутствия достоверного синхронного материала, который мог бы быть использован для ее проверки. Однако, ничего лучшего пока никто не предложил (см.: [15, p. 93–94]).

Касаясь вопроса об упоминании этнонима *татар* в китайских источниках, нельзя не затронуть еще два момента, относящиеся к более раннему периоду, чем тот, что рассматривается Р.П. Храпачевским.

Уже С.Г. Кляшторный [5, с. 57], занимаясь проблемой происхождения *жоу-жань* 柔然, указал, что в «Суй шу» 隋書 о них сообщается следующее: «*Жуйжуй*, другое название *датань* или *таньтань*, также отдельная ветвь сюнну» [8, с. 288], т.е. речь идет о двух наименованиях – *да-тань* 大檀 и *тань-тань* 檀檀. Ученый отметил, что это название несомненно связано с именем одного из их вождей – *Да-тань* 大檀. По реконструкции С.Е. Яхонтова, *да-тань* 大檀 в V в. н.э. произносилось как **dadar*/**tatar* [5, с. 57]. И здесь, действительно, заслуживает интереса указание С.Г. Кляшторного на возможность принятия некоей кочевнической группой в качестве самоназвания имени некоего вождя, «подобно тому, как много веков спустя стали этнонимами имена Ногая и Узбека» [5, с. 57, 58]

Ю.А. Зуев отмечает также один топоним, упомянутый в «Синь Тан шу» 新唐書 и связываемый исследователем с некоей племенной группой в составе *се-янь-то* 薛延陀, но по контексту источника речь идет только о приходе карлуков на земли западнее от Алтая, где упомянут хребет *До-да* 多怛 (*До-да-линь* 多怛嶺) [3, с. 87], условно сопоставляемый с Тарбагатаем [7, с. 41, 171, комм. 254; 16, p. 26]. Ю.А. Зуев транскрибирует *До-да* 多怛 как **Ta-tât* < **Tatar*, ср., по Э. Дж. Пуллиблэнку, пиньин. *duō-dá* < ран. ср.-кит. **ta-tat*, позд. ср.-кит. **ta-tat* [30, p. 85]. Выдвинутая Ю.А. Зуевым гипотеза о «татарском» хребте, конечно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Р.П. Храпачевский сопоставляет одну из зафиксированных у Рашīд ад-Дīна ат-Табībба племенных групп татар – *тутукулуйт* (по русскоязычному изданию перевода 1952 г., ср. в тексте источника *توتوقليوت* [twtwqlywt]), – с монгольским *туткалу* ‘охрана, пограничники’, где +*ут* – аффикс множественного числа [13, с. 36]. В этом контексте интересно отметить гипотезу

Ю.А. Зуева, предложившего, вслед за П. Пельо [19, р. 5–6, 7, 272, 274–275], что «слово Тутуклы значит “имеющие [своим военным управителем] тутука”» [2, с. 19], подобно тому, как название еще одного из татарских племен *بيرقوى* [byrɣwâ] > *بيرقوت* * [byrɣwt] может рассматриваться как образование от другого тюркского титула *bujruq* [19, р. 3–4].

Благодаря работе Р.П. Храпачевского, русскоязычный читатель может быть более уверенными в прочтении у Рашīд ад-Дūна [13, с. 36–37] названия другого подразделения татар как *терат*, поскольку это находит отражение в китайской транскрипции *ди-ле* 敵烈 (ср. Tereits? [38, р. 96]) и *ди-ла* 敵刺 [19, р. 8], о чем автор говорит и в предпоследнем подразделе вводной статьи – «Проблема *дела/диле* в китайских источниках» [13, с. 43–44] (ср. также полное название *ди-ле-дэ* 敵烈得, отмеченное автором в другом месте [13, с. 115, прим. XXV]). Дело в том, что тексты различных копий рукописи Рашīд ад-Дūна допускали вариативную интерпретацию: *ترآت* [tr'ât] [39, ص ٧٩], *نرآت* [nrâst] [40, ص ١٥٧٨], *Nira'ut* *نراوت* [nrâwt] или даже *Ayira'ut* *ايراوت* [ʼyɣâwt] [31, р. 44, note 2].

Подраздел вводной статьи с названием «Куны в составе кочевых конфедераций на границах Китая» [13, с. 39–42] также заслуживает нескольких комментариев. Давно уже установлено, что племенное название *хунь* 渾 из китайских источников, восходящих к суйско-танскому периоду (и, как показывают материалы книги, бытовавшего вплоть до, по крайней мере, первой четверти XIII вв., о чем см.: [13, с. 237, прим. ХСІ]), кроме параллелей, основанных на реконструкции его звучания, в мусульманских источниках, находит соответствие в надписи Тоньюкука как части имени *Qun-i Simä-g* (вин. падеж.) [36, с. 22]⁴. Все попытки сопоставить иероглиф *хунь* 渾, опираясь на соображения о его звучании, с другими этнонимами и также топонимами, встречающимися в китайских источниках, кажутся в высшей степени рискованными. Нельзя, в частности, не отметить попытку найти кунов и в этнониме *ту-юй-хунь* 吐谷渾, который Р.П. Храпачевский пытается истолковывать как *toguz qun* – «девятиплеменные куны» [13, с. 39, прим. XXXV]. Однако, это не может быть обосновано лингвистически. Во-первых, отмечая два современных чтения у этого знака, Р.П. Храпачевский пишет: «Какое бы современное прочтение знака 谷 сейчас не было бы, но в древности оно передавало *guj» [13, с. 39, прим. XXXV]. Здесь, конечно, следовало бы уточнить, о какой «древности» может идти речь в понимании автора, поскольку мы должны учитывать возможные реконструкции для каждого из периодов истории китайского языка. В частности, П. Пельо установил в данном случае со-

⁴ Н.Н. Телицин и П.О. Рыкин в совместном докладе «К интерпретации собственных имен в 9 строке надписи Тоньюкука (Тоһ S2)», сделанном 15 февраля 2018 г. на международной научной конференции «Тюрко-монгольский мир: история и культура», посвященной 90-летию со дня рождения Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) и 200-летию со дня основания Азиатского музея», обосновали, что в данном случае мы имеем дело с титулом **simä*, форма которого является адаптацией заимствованного из китайской среды *сы-ма* 司馬.

ответствие именно современному чтению *юй* 谷: в танский период известно написание *ту/туй-хунь* 退渾 или *ту-хунь* 吐渾, что позволяет предположительно реконструировать **tu'uγ-yun* (< **tuγuγ-yun*) или **tu'uγun* (< **tuγuγun*) [30, p. 323]. В книге К. Виттфогеля и Фэн Цзя-шэн, к написанию которой также привлекался французский востоковед, указывается также еще на возможное отражение этого слова в памятниках древнетюркской рунической письменности: титул *tujγun*, трактуемый здесь как “one who notices, perceives” < *tuj-* “to notice, to perceive” [38, p. 105]. У Л. Базена и Дж. Хамильтона древнетюрк. *tuγ(u)γun* интерпретируется как передача этнонима *ту-юй-хунь* 吐谷渾 [14, p. 255]. Во-вторых, звучание, передаваемое вторым иероглифом в суйско-танскую эпоху, должно подразумевать инициаль *q-* [22, S. 129, Tabl. II.8; 23, p. 73, Tabl. I.8], хотя П. Пельо не исключает звонкого фрикативного [γ] [29, p. 323]. Кроме того, этот же второй иероглиф передает сочетание отнюдь не с финальным *-z*, а, скорее, *-q* [22, S. 137, Tabl. III.11; 23, p. 93, Tabl. III.13]. Форма *toguz*, которую указывает Р.П. Храпачевский, не зафиксирована в древнетюркский период, где известна форма с глухим согалсным – *toquz*. Нельзя также по озвученным выше причинам считать столь однозначным сопоставление *кунов* с *сюн-ну* 匈奴 [13, с. 41], оригинальное произношение названия которых достоверно не установлено (см.: [15, p. 57–58]).

Путем различных построений, Р.П. Храпачевский приходит к выводу о «смешанном, сяньбийско-тюркском, происхождении туюйхуней» [13, с. 40, прим. XXXVI]. В таком случае, он смешивает лингвистическую и этническую категорию, учитывая, что сам автор и использует понятие «тюркский» в языковом отношении [13, с. 32].

По нашему мнению, следует вообще воздерживаться от каких-либо «этнических» атрибуций встречающихся в источниках племенных названий, если мы не имеем достоверной информации, в первую очередь, об их языковой принадлежности. Притом важно учитывать, что ни личная ономастика, ни титулатура, ни этнонимы (которые могут оказаться по происхождению как раз экзоэтнонимами, а по контексту употребления – политонимами), ни даже отдельные проникшие в источники слова, соотносимые с носителями того или иного этнонима, не могут служить критерием для четкой лингвистической атрибуции носителей того или иного этнонима. Учитывая же политический характер кочевнических объединений, текучесть их состава и гибкость социальной организации, использование каких-либо этнических штампов представляется неправомерным. Это касается также и рассуждений Р.П. Храпачевского в предыдущем подразделе об истории племенной группировки *татар*, изначально охарактеризованной как «тюркское племя», уже в дальнейшем входившим в контакты и «впитывавшим» в себя другие племенные группировки, о языке которых также ничего неизвестно, но часть из которых определяется Р.П. Храпачевским как «монголоязычные», «монгольские», «протомонгольские» [13, с. 32–33]. Так, *ши-вэй* 室韋 и *ку-мо-си* 庫莫奚 отнесены к последним только на основе указания китайских источников о родстве

первых с киданями и происхождении вторых от *сянь-бэй* 鮮卑 [13, с. 32–33, прим. XXIV]⁵.

Наибольшего, с нашей точки зрения, внимания в работе Р.П. Храпачевского заслуживает вопрос о методике реконструкции звучания некитайских слов: личных имен, этнонимов, топонимов. Важно понимать, что речь идет о фонетике, относящейся, по крайней мере, к двум периодам истории китайского языка: прежде всего, позднего среднекитайского, к которому могут быть отнесены по времени накопления задействованных при составлении источников сведений «Цзю У-дай ши» 舊五代史, «Синь У-дай ши» 新五代史, «Цзы чжи тун цзянь» 資治通鑑, и, в меньшей степени, раннего мандаринского – «Юань ши» 元史; при этом гораздо сложнее ситуация с такими источниками, чьи сведения относятся к промежуточному между танским и юаньским периодами, как «Ляо ши» 遼史, «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» 建炎以來朝野雜記, «Цзянь-янь и-лай си-нянь яо-лу» 建炎以來繫年要錄, «Мэн-да бэй-лу» 蒙鞬備錄, «Хэй-да ши-люэ» 黑鞬事略, «Цзинь ши» 金史, «Да Цзинь го чжи» 大金國志⁶.

Р.П. Храпачевский, хотя и признает условность своих реконструкций [13, с. 45], к сожалению, не указывает, какими пособиями он руководствовался в своей работе, что, однако, является методически важным вопросом.

Кроме во многом устаревшей системы шведского ученого Б. Карлгрена, годной, к тому же, в нашем случае лишь для танского периода [21], для среднекитайских звучаний могут быть использованы еще несколько систем. По мнению автора настоящей рецензии, предпочтительнее выглядит система транскрипции канадского исследователя Э.Дж. Пуллиблэнка [30], несмотря на то, что многие специалисты сегодня считают ее устаревшей. Тем не менее, в работах немецкого филолога японского происхождения Касаи Юкиё была наглядно показана эффективность применения системы Э.Дж. Пуллиблэнка на лексическом материале, относящемся к тюркам (*ту-цзюэ* 突厥), выявлены закономерности передачи отдельных звуков и их сочетаний [22; 23]. Нельзя не упомянуть систему У.Х. Бэкстера и Л. Сагара (2014)⁷, которая, хотя и не является реконструкцией среднекитайской фонетики, а лишь системой упро-

⁵ В данной работе мы не имеем возможности остановиться на дискуссиях, касающихся языковой принадлежности названных племенных группировок.

⁶ Официальные истории каждой династии традиционно писались, как известно, после ее падения, уже при новой династии, но на основе составленных при старой документов, о чем, в частности, также прекрасно рассказывается в рассматриваемой работе [13, с. 16 и сл.], поэтому даже при «изменении» официального диалекта, подразумевающего и различия в произношении тех или иных иероглифов, само изначальное написание, которое, в частности, использовалось для передачи иноязычных слов, при составлении документов, как правило, сохранялось, но любые изменения при этом оговаривались.

⁷ Последняя версия базы реконструкции звучания иероглифов по системе Бэкстера–Сагара доступна по ссылке: <http://ocbaxtersagart.lsa.umich.edu/BaxterSagartOCbyMandarinMC2014-09-20.pdf>

щенной алфавитной записи, имеет, как и система реконструкции среднекитайского А. Шюслера [33], вспомогательное значение по отношению к реконструкции древнекитайской фонетики. Система У.Х. Бэкстера и Л. Сагара во многом коррелирует с системой С.А. Старостина (1989)⁸, принятой российскими лингвистами московской школы, коллег и учеников С.А. Старостина.

Объективные трудности для реконструкции фонологической системы официального языка сунского и цзиньского периодов представляет недостаток соответствующих источников, хотя ритмические таблицы, например, южно-сунского периода, демонстрировавшие определенные фонетические изменения, тем не менее, сохранили структуру таблиц суйско-танского периода [30, р. 3]. Между тем, исследования позволили выявить определенные закономерности в северосунском диалекте (слияние звонких и глухих инициальных согласных; слияние финальных *-p*, *-t*, *-k*; сокращение некоторых дифтонгов и трифтонгов; и др.) [20, р. 235–236]. На основании сопоставления данных текстов на языках киданей и чжурчжэней, и китайских текстов, восходящих к соответствующим периодам, есть основания полагать, что особенности мандаринского диалекта нашли отражения уже, соответственно в эпоху династий Ляо 遼 и Цзинь 金 (отпадение финали *-k* в результате дифтонгизации, отпадение финальных *-p* и *-t*, оглушение смычных зубных, лабиодентализация инициальных смычных губно-губных) [34]⁹. Это должно говорить о том, что при реконструкции иноязычной лексики в определенных текстах предпочтение нужно отдавать не позднему среднекитайскому, а раннемандаринскому. Однако, как будет показано ниже, реальная ситуация не всегда отвечает этому соображению (ср. напр.: [37, р. 14]).

Возможность для достоверной реконструкции звучаний некитайских слов периода XI–XIII вв. усложняется еще тем фактом, что «в последней четверти XVIII в., по указу маньчжурского императора Цяньлуна, была предпринята попытка “исправить” все некитайские слова, встречающиеся в текстах династийных хроник киданей, чжурчжэней и монголов. Это “исправление” вылилось в еще большее искажение слов, уже достаточно искаженных китайской иероглифической транскрипцией. Созданный для этой цели коллектив занялся подгонкой слов (в основном, имен собственных) под нормы современного им маньчжурского, монгольского, солонского и некоторых других (редко) языков» [6, с. 283, комм. 763].

В сущности, реальную основу для достоверных реконструкций может дать только привлечение сравнительного материала из источников некитайского происхождения. Так, если говорить о китайских источниках, восходящих к сунскому и юаньскому периодам, совершенно невозможно не отметить вклад П. Пельо и Л. Амби, в своих реконструкциях имен личных и собственных активно привлекавших в сопоставлении с данными китайских источников материалы иного происхождения – монгольские, тюркские, персидские, и

⁸ Устное сообщение О.А. Мудрака. База реконструкции звучания китайских иероглифов по системе С.А. Старостина доступна на сайте проекта “Tower of Babel”: <http://starling.rinet.ru/>

⁹ Подробно о китайском языке эпохи Ляо 遼 см.: [20, р. 227–260].

др. [19]¹⁰. П. Пельо, как указывалось выше, также принимал участие в ревизии лингвистических построений К. Виттфогеля и Фэн Цзя-шэна [38, р. 34], на которые опирается и Р.П. Храпачевский. Для X в. большое значение имеют изыскания Дж.Р. Хамильтона в реконструкции звучаний древнетюркских (уйгурских) имен и терминов [17, р. 145–170].

С одной стороны, изменения в принципах транскрипций даже тюркских титулов мы видим, в частности, в случае передачи в «Ляо ши» 遼史 сочетанием *та-ла-гань* 撻刺干 титула *таркан* [13, с. 110, прим. XV] (ср.: [38, р. 433]), что подтверждается идентичной реконструкцией Дж. Р. Гамильтона на материале других источников X в. [17, р. 155–156, 164, 168, 167]. Ср. использовавшиеся в среднекитайский период транскрипции для передачи слова *tarqan*: пиньин. *dá-gān* 達干 < ран. ср.-кит. **d'ât-kân*, позд. ср.-кит. **dat-kan*, пиньин. *dá-hàn* 達漢 < ран. ср.-кит. **d'ât-xân*, позд. ср.-кит. **dat-xan^h*, пиньин. *dá-guān* 達官 < ран. ср.-кит. **dat-kwan*, позд. ср.-кит. **that-kuan* [22, S. 94, Liste I; 23, р. 130, List II], где во всех случаях финаль первого слога *-t* могла передавать оригинальный *-r*, а также *-l*, *-š*, *-z* [22, S. 109; 23, р. 100]. Этот пример как раз показывает, что в X в. в некоторых китайских диалектах уже происходили процессы отпадения финальных согласных определенного качества, что определяло необходимость при передаче иноязычных слов использования других комбинаций иероглифов, инициаль второго из которых отражала бы согласный соответствующего качества, поскольку его функцией была лишь передача одного гласного. Однако, как раз синхронное употребление форм *да-гань* 達干 и *та-ла-гань* 撻刺干 [17, р. 155–156, 163] свидетельствует о том, что это процесс только начинался.

Соответственно, как уже отмечалось, не все вопросы реконструкций могут быть решены однозначно. Наглядным может быть следующий пример. В помещенной в «Юань ши» 元史 биографии Алахуша Дигит Хури (кит. А-ла-у-сы-ти-цзи Ху-ли 阿刺几思剔吉忽里, у Р.П. Храпачевского – Алахуш-тегин Хури, см. الاقوش تيگين قورى [ālaqwš tygyn qwry] [39, ص ۱۳۱]), его предком назван некий Бу-го 卜國, которого Р.П. Храпачевский отождествляет с уйгурским Бу-гу кэ-хань 卜古可罕, предком ыдукута Барчука, и легендарным Буку Бофу ханом, упомянутым у Джувейни [13, с. 88–89, прим. СХХIII]. Реконструкции звучания обеих форм, однако, не позволяют сблизить их. Так, *бу-го* 卜國, пиньин. *bū-guó* < позд. ср.-кит. **pəwk-kuək*, ран. манд. **pu^h-kuj^h* [30, р. 42, 116]. Позднесреднекитайское звучание должно дать форму **biquy*, и подобное имя известно в ономастиконе древнеуйгурских правителей [32, р. 210, 260–261; 24, р. 3, 4, 5, 9–14 (дискуссия)], хотя случаи использования

¹⁰ Обоим упомянутым автором принадлежит множество исследований, где, так или иначе, предпринимаются попытки реконструкции не китайских имен, этнонимов, топонимов и т.д., однако, будучи ограничены объемами настоящей публикации, мы отмечаем лишь одну работу, задействованную в настоящей рецензии.

этого иероглифа демонстрируют уже в ляоский период спорадическое падение финального *-k* [34, р. 94]. При этом более четкий результат дает реконструкция звучания *бу-гу* 卜古: пиньин. *bǔ-gǔ* < позд. ср.-кит. **pəwk-kuǎ*, ран. манд. **pu̇-ku̇* [30, р. 42, 111], < **buqu* (ср. *kāf* у Джувейнī, косвенно свидетельствующий о велярном вокализме), но для раннемандаринского возможно и **bögü* [19, р. 190, 185, 187, 354, 355, 395, 404], что согласуется с историческими сведениями о существовании уйгурского кагана с таким именем [32, р. 235]. Тем не менее, Мориясу Такао выступает и в этом случае именно за реконструкцию **buquy* [27, р. 326, note 65]. Так или иначе, само отождествление этих двух фигур, *buquy* и *bögü*, даже в собственно древнеуйгурской традиции остается проблематичным [27, р. 325–330].

В рамках настоящей рецензии невозможно отметить все дискуссионные моменты, связанные с реконструкциями, предлагаемыми Р.П. Храпачевским, и мы ограничимся несколькими примерами, взятыми из «Ляо ши» 遼史, которые в силу своей специализации и круга научных интересов можем рассматривать как наиболее показательные.

[13, с. 108, прим. X, XI, и др.]: этнонимы *бу-гу-дэ* 鼻骨德 и *у-гу* 烏古, соответственно, реконструируемые Р.П. Храпачевским, как *begüt*, вслед за К. Витфогелем и Фэн Цзя-шэн, [38, р. 91], «мн. ч. от *beg*, т.е. “беки, хозяева”», и **ugur*, хотя предшественники в последнем случае были более осторожны, предлагая сопоставление с *Ongira[t]* [38, р. 92]. Ср., однако, *бу-гу-дэ* 鼻骨德, пиньин. *bí-gǔ-dé* < позд. ср.-кит. **phji(phjit)-kut-tǎk*, ран. манд. **pi̇-ku̇-tǎj̇* [30, р. 32–33, 111, 74], учитывая предполагаемую для ляоского периода утрату в звучании последнего иероглифа финального *-k* в результате дифтонгизации [34, р. 95, 99], следовало бы реконструировать **bikütüg* ближе к позднесреднекитайскому звучанию и **bigütüj* – к раннемандаринскому (о соответствии китайской инициали *k*- киданьскому *g*- см.: [37, р. 16, 22]), и только примеры использования в киданьских памятниках знака *дэ* 德 для киданьского /d/ ~ /t/ [20, р. 245, 253], позволяют предполагать все реконструкцию как **bigüd* / **bigüt*. Ср. также *у-гу* 烏古, пиньин. *wū-gǔ* < позд. ср.-кит. **ʁuǎ-kuǎ*, ран. манд. **u-ku̇* [30, р. 325, 111], < **v[r]qv*, поскольку возможность восстановления финали *-r* в первом слоге на древнетюркском материале отмечена Дж. Хамильтоном [17, р. 153, 163, 165], но для раннемандаринского возможно, по-видимому, **ügü*¹¹.

[13, с. 109, прим. XII, XIII]: два личных имени Хэ-ла 曷刺 и Хэ-лу 曷魯 восстановлены как *xapa*. Ср. для Хэ-ла 曷刺: пиньинь *hé-lá* < позд. ср.-кит. **xhat-lat*, ран. манд. **xǎ-[lȧ]* [30, р. 123, 181], < **qora[t]*, и для Хэ-лу 曷魯: пиньинь *hé-lǔ* < позд. ср.-кит. **xhat-luǎ*, ран. манд. **xǎ-lǎ* [30, р. 123, 200], < **qorv*, о реконструкции инициального согласного в обоих случаях см., напр.: [19, р. 20]; о возможности восстановления оригинального *-t* второго

¹¹ Здесь и далее знаками /v/ и /v̄/ и мы отмечаем фонемы, которые могут реализовываться соответственно как задние и передние огубленные гласные, при этом как полуширокие /o/ и /ö/, так и узкие /u/ и /ü/.

слога в первом случае даже для XIV в. см.: [19, p. 345]; о восстановлении второго слога во втором случае см.: [19, p. 25, 32, 33, 35, и др.].

[13, с. 112, прим. XVIII]: форма личного имени Те-ла-бу 鐵刺不 восстановлена как *телабуз*[a], однако, пиньин. *tiě-là-bù* < позд. ср.-кит. **t^hiat-lat-put*, ран. манд. **thjε̃-[la]-pũ* [30, p. 308, 181, 43], < **tär[ä]bü[n] / *tar[a]bu[n]*, где возможность передачи вторым иероглифом только согласного подтверждается выше отмеченным *та-ла-гань* 撻刺干 < **tarqan*, на конце последнего слога гипотетически допустим *-n* [19, p. 200].

[13, с. 113, прим. XX]: *те-ла-ли* 鐵刺里 восстановлено как *таралик*. Ср., однако, пиньин. *tiě-là-lǐ* < позд. ср.-кит. **t^hiat-lat-li*, ран. манд. **thjε̃-[la]-lĩ* [30, p. 308, 181, 188], < **tararǐ(g) / *tar[a]lǐ(g)*, о возможности восстановлении финального *-g* см.: [17, p. 149, 166].

[13, с. 115, прим. XXIX]: *юй-цзюэ* 于厥 восстанавливается как *угур*. Ср., однако, пиньин. *yú-jué* < позд. ср.-кит. **yǎ-kyat*, ран. манд. **jy'-[kʷε̃]* [30, p. 381, 168], < **ük[ür] / *ük[üt] / *ük[üz]*, если ближе к позднесреднекитайскому.

[13, с. 116, прим. XXXI]: звучание личного имени Бо-гуа 勃括 восстановлено как *буга*. Это, возможно для изначально монгольского источника заимствования (< **boga?*). Ср., также, пиньин. *bó-guā* < позд. ср.-кит. **p^hui-kuat*, ран. манд. **pɔ'-[kwɔ̃]* [30, p. 40, 112], < **bvqa[r]*, если ближе к позднесреднекитайскому.

[13, с. 118, прим. XXXV]: звучание личного имени Чун-гу 春古 восстанавливается как *чон[о]гун* и сравнивается с монг. 'трехлетний волк'. Ср.: пиньин. *chōng-gǔ* < позд. ср.-кит. **ɣuŋŋ-kuǎ*, ран. манд. **t^huŋ-kũ* [30, p. 57, 111], < **čvŋqv*, но, возможно, **čvŋgv* (> **čvŋv?*), если ориентироваться на ляоский период [37, p. 17, 20, 21, 22].

[13, с. 118, прим. XXXVI]: этноним *тунь-ту-гу-сы* 屯秃古斯 восстанавливается как *тортугус* и предполагается *tört-oguz?* Ср., однако, пиньин. *tún-tū-gǔ-sī* < позд. ср.-кит. **thun-t^həwk-kuǎ-sz*, ран. манд. **t^hun'-t^hũ-kũ-sz* [30, p. 313, 311, 111, 291], < **tvntvqvs / *tvn tüküz* для тюркского исходного; но **tuntuGus* для монгольского (о соответствии инициали третьего иероглифа см. выше *у-гу* 烏古). Передача последним иероглифом *сы* 斯 звучания монозвукового элемента [s] стабильно фиксируется с X в. [19, p. 31–32 и др.; 17, p. 167].

[13, с. 125, прим. XLV, XLVI]: личные имена Мо-гу-сы 磨古斯 и Ту-гу-сы 吐古斯, восстановлены соответственно как *мунгус* и *тугус*. Ср. *мо-гу-сы* 磨古斯: пиньин. *mó-gǔ-sī* < позд. ср.-кит. **mia-kuǎ-sz*, ран. манд. **mɔ'-kũ-sz* [30, p. 217, 111, 291], < **maqus* для тюркского исходного, **maGus* для монгольского; *ту-гу-сы* 吐古斯: пиньин. *tú-gǔ-sī* < позд. ср.-кит. **t^huǎ'-kuǎ-sz*, ран. манд. **t^hũ-kũ-sz* [30, p. 312, 111, 291], < **tvqvs / *tvqvz* для тюркского исходного, **tvGus* для монгольского.

[13, с. 127, прим. LIII]: личное имя Пай-са-гэ 拍撒葛 восстановлено как бай-сакал, т.е. тюркского выражения. Аналогично слово сакал фиксируется, по мнению Р.П. Храпачевского, в других транскрипциях: сэ-гэ 薛葛 («Цзю У-дай ши» 舊五代史) [13, с. 179, прим. CLXXXVII] и се-гэ 頡哥 («Синь У-дай ши» 新五代史) [13, с. 184, прим. CXCI]. Между тем, реконструкция показывает неправомочность части этих отождествлений. Так, пай-са-гэ 拍撒葛, пиньин. *pāi-sā-gé* < позд. ср.-кит. **p^ha:jk-sat-kat*, ран. манд. **p^haj-sa^h-kə^h* [30, р. 231, 271, 106], < **bajsaqal* ближе к позднесреднекитайскому, но к раннемандаринскому – **bajsaqu[l]* при тюркском источнике, **bajsaqu(l)* – при монгольском (о соответствии инициали третьего слога для XIV в. см.: [37, р. 15, 16–17]); се-гэ 薛葛, пиньин. *xié-gé* < позд. ср.-кит. **siat-kat*, ран. манд. **sje^h-kə^h* [30, р. 351, 106], < **saqal* ближе к позднесреднекитайскому, **saqu / *sagu* – к раннемандаринскому, учитывая отмеченные выше соответствия; се-гэ 頡哥, пиньин. *xié-gē* < позд. ср.-кит. **xhjiat-ka*, ран. манд. **[xjε^h]-kə^h* [30, р. 341, 105], < **(h)ärkä*, если основываться на позднесреднекитайском звучании, **(h)äkü* – на раннемандаринском.

[13, с. 147, прим. CXXXI]: этноним е-ми-чжи 耶迷只, вслед за К. Виттфогелем и Фэн Цзя-шэн, восстановлено как йемек [38, р. 96]. Ср. пиньин. *yé-mí-zhī* < позд. ср.-кит. *jiā-mjiāj'-tšj*, ран. манд. **je^h-mi^h-[tšr]* [30, р. 363, 213, 404], < **jämič* ближе к позднесреднекитайскому, **jäm[i]či* – к раннемандаринскому; ср. возможность передачи последним иероглифом слога *-ji#* в южно-сунском произношении (XIII в.) [19, р. 343].

[13, с. 160, прим. CLXIII]: для этнонима ту-цзюй 突舉 предполагается интерпретация как варианта ту-цзюэ 突厥. Ср. пиньин. *tū-jǔ* < позд. ср.-кит. **thut-kiä^h/kyä^h*, ран. манд. **tu^h-ky^h* [30, р. 311, 164], < **tü[r]kü*. Если это так, то, исходя из позднесреднекитайского звучания, мы действительно получаем еще один маргинальный вариант передачи слова **türk*, кроме уже зафиксированных [22, S. 113; 23, р. 106].

[13, с. 172, прим. CLXX]: для звучания этнонима цу-би 契苾 предполагается реконструкция кибик/кимик. Однако, этот же вариант, зафиксированный еще в «Синь Тан шу» 新唐書, следует восстанавливать иначе: пиньин. *qì-bì* < ран. ср.-кит. **k^hej^h-pjit*, позд. ср.-кит. **k^hjiaj^h-pjit*, ран. манд. **k^hi^h-pi^h* [30, р. 248, 34], < **käbir* (ср.: [10, с. 213], с опиской в реконструкции второго иероглифа).

[13, с. 179, прим. CLXXXVIII]: личное имя Ань-цин 安慶 восстановлено как алгин. Ср.: пиньин. *ān-qìng* < позд. ср.-кит. **ʔan-k^hiajy^h*, ран. манд. **an-k^hij^h* [30, р. 24, 256], < **anqij / *alqij / anGij / *alGij*, поскольку передача оригинального *-l* через китайский *-n* также допустима [19, р. 10], что кажется предпочтительнее в соседстве с гуттуральным.

[13, с. 123, 191, комм. 36]: киданьское ши-ле 石烈 сопоставляется с монг. *ширээ* ‘престол’, ср. пиньин. *shí-liè* < позд. ср.-кит. **šhijak-liat*, ран. манд. **š^hi^h-*

[/lʃeʷ] [30, p. 283, 193], < *širä, что было бы заманчиво сопоставить со следующим рядом: “PMong. *siröge fence, barrier made of pointed sticks (забор): WMong. *sirüge*, (L 757) *šörge*; Kh. *šörög*; Bur. *šürge*; Kalm. *šörgä*” [35, p. 1220] (ср. иначе: [38, p. 453]), при возможности восстановления финального *-k* в оригинальном звучании для раннемандаринского [19, p. 145], если только там нет финального *-t* или *-n*, что также может предполагаться [19, p. 207, 349].

[13, с. 251, прим. CXV]: битва, произошедшая, согласно «Цзинь ши» 金史, между монголами и некими северными племенами весной 1201 г. у местечка Гу-цю 骨丘, справедливо отождествляется со сражением Чингизхана и Онгхана против коалиции оппозиционно настроенных предводителей степных племен [13, с. 271–272, комм. 83], так или иначе упоминаемая и в «Тайной истории монголов» и у Рашīд ад-Дūна (ср.: [10, с. 444, прим. X]). Однако восстановление оригинального названия как *Гуркут* требует комментария. Так, ср. *гу-цю* 骨丘, пиньин. *gǔ-qīū* < позд. ср.-кит. **kut-kʰiw*, ран. манд. **kuʷ-kʰiw* [30, p. 111, 257], < **qvrqv* ближе к поздне-среднекитайскому, **Gokv* или **gükv* к раннемандаринскому. В первом случае, где ожидалось бы **qvrkū*, различие в рядности, передаваемой звучанием первого и второго слога может быть преодолено за счет возможности восстановления в инициали второго иероглифа велярного согласного [22, S. 98, 129, tabl. II.9; 23, p. 73, Tabl. I.8, p. 77, Tabl. II], а также исходя из вероятности реконструировать для поздне-среднекитайского звучания смычный согласный в инициали второго иероглифа как оригинальный глухой велярный взрывной [28, p. 126] (ср. в раннемандаринском – палатальный [19, p. 183]). Во втором варианте, инициальный звонкий предполагается, исходя из его соответствия китайскому *k*- в ляоский и юаньский периоды (ср. примеры выше), так же как соответствие глухому *k*- через китайский *kʰ*-.

Подобных примеров можно привести и больше, однако, ограничиваясь этими, мы, тем не менее, хотим обратить внимание на сам тот факт, что определенная часть предлагаемых Р.П. Храпачевским идентификаций, которые выглядят удачными, могут считаться таковыми, если основываться только на раннемандаринском звучании, привязанном, как уже говорилось, к ляоскому, цзиньскому и юаньскому материалу, учитывающему, соответственно, особенности киданьского, чжурчжэньского и старомонгольского языков. Однако, и эти идентификации, и другие, – которые не выглядят не бесспорными, – обосновываются только исходя из данных монгольских языков, в то время как возможное наличие тюркских элементов, которое может быть проверено только на основе поздне-среднекитайского звучания, несмотря на то, что сам Р.П. Храпачевский подбирает формальные аналогии, фактически, не учитывается. Между тем, приводя варианты альтернативных реконструкций личных имен и этнонимов, мы не ставили перед собой задачу обосновать предпочтительность той или иной либо путем привлечения возможных аналогий, которые следует искать в источниках, либо филологической аргументацией наиболее вероятного исходного облика. Нами эта проблема в настоящей работе не может быть решена.

Необходимость более тщательного подхода, подразумевающего филологическое обоснование для реконструкций и соответствующих идентификаций, представляется нам очевидной. Это не значит, что мы должны требовать от переводчика наличия специальной лингвистической подготовки, но, по крайней мере, привлечения работ тех исследователей, на кого можно опереться, переложив, таким образом, ответственность в попытках решения тех вопросов, от которых сам он может оказаться далек в силу своей специализации. По этой причине значительным упущением выглядит отсутствие в библиографическом списке работ синологов и монголистов, чьей сильной стороной являлось именно наличие такой лингвистической подготовки, в частности, того же П. Пельо.

В этой связи следует отметить, что библиографический список работы Р.П. Храпачевского оставляет, в некоторой степени, впечатление неполноты¹². Это нашло отражение и на качестве комментариев переводчика к текстам источников, часть из которых именно из-за отсутствия ссылок на литературу, касающуюся затрагиваемых вопросов, не оставляет впечатления, на наш взгляд, ни исчерпывающих, ни убедительных.

Однако, эти замечания не снижают значения работы Р.П. Храпачевского, тем более, учитывая, что, как было сказано выше, перед ним стояла совсем иная задача – ввести в широкий оборот среди русскоязычной публики данные исторических источников. Именно об этом говорит в своем предисловии Р.Р. Суюнов, косвенно отмечая, что изданием книги работа даже по изучению китайских источников не заканчивается [13, с. 12, 13]. Со своей задачей Р.П. Храпачевский прекрасно справился. Последующие исследователи не смогут пройти мимо этой книги и во многом будут отталкиваться от нее, дополняя или критикуя отдельные ее части¹³.

¹² Автор настоящей рецензии не мог не заметить в числе использованных Р.П. Храпачевским и одну из своих ранних статей [13, с. 305, п. 66]. Тем не менее, пользуясь случаем, необходимо отметить, что она характеризуется некоторыми неточностями, опечатками и неполнотой задействованного источникового материала. Это, в целом, не меняет ее сути, поскольку поставить определенную проблему, на наш взгляд, ей удалось, но в дальнейшем она не имеет никаких перспектив для использования исследователями.

¹³ Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что примерно такого же плана замечания с нашей стороны могли бы быть высказаны в адрес предыдущей работы Р.П. Храпачевского «Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников)» [11], однако, время для полноценной рецензии, по-видимому, теперь упущено. Вместе с тем, мы не можем не отметить, что совершенно не согласны с Ж.М. Сабитовым, который написал рецензию на книгу [9]. Этот автор, к сожалению, не занимаясь собственно разбором книги, лишь декларативно и безапелляционно высказался о «большом количестве ошибок» в исследовательской части работы Р.П. Храпачевского и в целом негативно отозвался о ней. При этом Ж.М. Сабитов противопоставил Р.П. Храпачевскому лишь собственное видение затронутых им исторических сюжетов, что, отнюдь не может, по нашему мнению, служить аргументом для категоричной оценки работы, учитывая и то, что положения, из которых исходит сам Ж.М. Сабитов, далеко не бесспорны. Здесь мы также не будем касаться некоторых использованных названным автором приемов полемики, которые мы не считаем приемлемыми (ср.: [10, с. 216]). Мы, в свою очередь, тоже не можем согласиться со многими построениями Р.П. Храпачевского, однако, полагаем, что должны обсуждать их в рамках полноценной научной дискуссии.

Таким образом, следует сказать, что русскоязычная читательская аудитория, – как профессиональные исследователи, так и просто интересующиеся историей, – должна быть благодарна Р.П. Храпачевскому за огромный проделанный труд. Все сказанное нами выше является не столько замечаниями, сколько своего рода комментарием к книге. Сама работа не только вводит в широкий оборот тексты малоизвестных источников, позволяющих, кроме всего прочего, изменить некоторые сложившиеся представления о картине взаимодействия Китая со степными народами Центральной Азии в период X–XIII вв., но и, как мы постарались показать, предоставляет значительный материал, способствующий актуализации изучения лингвистических вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Наука, 1970. 432 с.
2. Зуев Ю.А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // *Shygys*. 2004. № 2. С. 3–26.
3. Зуев Ю.А. О формах этно-социальной организации народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня // *Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья)* / Отв. ред. Н.Ж. Шаханова. Алматы, 1998. С. 49–100.
4. История Востока. М.: Вост. лит-ра РАН, 1995. Т. II. Восток в Средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. 720 с.
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
6. Малявкин А.Г. Комментарии к тексту летописи «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 годы» // *История Золотой империи* / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 233–284.
7. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
8. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
9. Сабитов Ж.М. Рецензия на монографию Храпачевского Р.П. «Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников)» // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 4(6). С. 208–215.
10. Тимохин Д.М., Тишин В.В. [Рец. на] Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кыпчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, Гылым, 2015. 248 с. // *Восток (Oriens)*. 2017. № 6. С. 210–218.
11. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. [3], 557 с.
12. Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) 元史 黑韃事略. М.: ЦИВОИ, 2013 (Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. 2. Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей). 126 с.
13. Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв. М.: Перо –

Lidergraf, 2015 (Историко-археологический проект «Суюн». Серия «Материалы и исследования». Т. III. «Исследования по истории кочевников евразийских степей». Т. 9). 318, 16 с.

14. *Bazin L., Hamilton J.* L'origine du nom Tibet // *Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes / Éd. M. Nicolas et G. Veinstein; préf. J. Hamilton. Paris: Arguments, 1994. P. 244–262.*

15. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9). xvii, 483 p.

16. *Ecsedy I.* Contribution to the History of Karluks in the T'ang Period // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. T. XXXIV. Fasc. 1. P. 23–37.*

17. *Hamilton J.R.* Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. X). 201 p.

18. *Hamilton J.* Toquz-Uyuz et On-Uyuz // *Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63.*

19. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. xxvii, 485 p.

20. *Kane D.* The Kitan Language and Script. Leiden; Boston: E.J. Brill, 2009 (Handbook of Oriental Studies, Handbuch der Orientalistik. Section 8. Central Asia. Vol. 19). xiv, 305 p.

21. *Karlgren B.* Grammata Serica Recensa. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1964 (Reprinted from Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin. N:o 29. Stockholm, 1957). 332 p.

22. *Kasai Yukiyo.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / Hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012 (Istanbuler Texte und Studien. Bd. 9). S. 81–141.

23. *Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // *内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 57–135.*

24. *Kasai Yukiyo* [笠井幸代]. Ein Kolophon um die Legende von Bokug Kagan // *内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / Studies on the Inner Asian languages. 2004. Vol. XIX. P. 1–27.*

25. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ukü). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Band 10). I. Buch. Texte. 484 S.

26. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ukü). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Band 10). II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. S. 485–831.

27. *Moriyasu Takao.* New Developments in the History of East Uighur Manichaeism // *Open Theology. 2015. Vol. 1. Is. 1. P. 316–333.*

28. *Pelliot P.* Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan // *T'oung Pao, Second Series. 1923. Vol. XXII. № 2. P. 126–132.*

29. *Pelliot P.* Note sur les Tou-yu-houen et les Sou-p'i // T'oung Pao, Second Series. 1920. Vol. XX. № 5. P. 323–331.
30. *Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.
31. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh.* A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / Transl. and annotation by Wh.M. Thackston. Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998 (Sources of Oriental Languages & Literatures 45; Central Asian Sources IV). Pt. 1. xlvii, 244 p.
32. *Rybatzki V.* The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44/2. P. 205–292.
33. *Schuessler A.* Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammata Serica Recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. xxiv, 421 p.
34. *Shen Zhongwei.* Early Mandarin Seen from Ancient Altaic Scripts: The Rise of a New Phonological Standard // The Oxford handbook of Chinese linguistics / Ed. by William S-Y. Wang and Chaofen Sun, Assisted by Yaching Tsai. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. P. 91–103.
35. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Pt. II. L – Z (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, Vol. 8/2). P. 859–1556.
36. *Sümer F.* Dokuz Oğuzlar // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. Cilt XII.1. Takirat – Tuğrâi. S. 420–427.
37. *Takeuchi Yasunori.* Kitan Transcriptions of Chinese Velar Initials // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64. No. 1. P. 13–23.
38. *Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng.* History of Chinese society: Liao (907–1125) / with the assistance of John De Francis, Esther S. Goldfrank, Lea Kisselgoff, and Karl H. Menges. Philadelphia: The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949 (Transactions Of The American Philosophical Society. Vol. 36). xv, 752 p.
39. رشيد الدين فضل الله همدانى [Rashīd al-Dīn Faḏl-āllāh Hamedānī]. جامع التواريخ [Jāmī al-Tawārīkh]. Roshan M., Mousavi M. (publ. and comment.). تهران [Tehrān], نشر البرز [Nashr ālbarz], 1373. Vol. 1. 776 p.
40. رشيد الدين فضل الله همدانى [Rashīd al-Dīn Faḏl-āllāh Hamedānī]. جامع التواريخ [Jāmī al-Tawārīkh]. Roshan M., Mousavi M. (publ. and comment.). تهران [Tehrān], نشر البرز [Nashr ālbarz], 1373. Vol. 3. 1540 p.

Сведения об авторе: Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, **ORCID:** 0000-0001-7344-0996 (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 29.08.2018 Принята к публикации 23.11.2018
Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Gumilev L.N. *Poiski vymyshlennogo tsarstva (Legenda o "gosudarstve presvitera Ioanna")* [Searches for an Imaginary Kingdom: The Legend of the Kingdom of Prester John]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 432 p. (In Russian)
2. Zuev Yu.A. Kaganat se-ian'to i kimeki (k tiurkskoi etnogeografii Tsentral'noi Azii v seredine 7 v. [Xuēyántuó Qaghanate and Kimeks (on the Turkic Ethnogeography of Central Asia in the middle 7th century)]. *Shygy's [Oriens]*. 2004, no. 2, pp. 3–26. (In Russian)
3. Zuev Yu.A. O formakh etno-sotsial'noi organizatsii narodov Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e: Pestraia Orda, Sotnia [On the Forms of the Ethno-Social Organization of the Peoples of Central Asia in Antiquity and the Middle Ages: Motley Horde, a Hundred]. *Voennoe iskusstvo kochevnikov Tsentral'noi Azii i Kazakhstana (epokha drevnosti i srednevekov'ia)* [The Art of War of Nomads of Central Asian and Kazakhstan (Era of Antiquity and the Middle Ages)]. Shakhanova N.Zh. (ed). Almaty, 1998, pp. 49–100. (In Russian)
4. *Istoriia Vostoka* [A History of Orient]. Vol. 2. *Vostok v Srednie veka* [Orient in the Middle Ages]. Alaev L.B., Ashrafyan K.Z. Moscow, Vostochnaia literatura RAN, 1995. 720 p. (In Russian)
5. Klyashtornyi S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe Empires of the Ancient Eurasia]. St. Peterburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p. (In Russian)
6. Malyavkin A.G. Kommentarii k tekstu letopisi "Istoriia doma Tszin', tsarstvovavshego v severnoi chasti Kitaia s 1114 po 1233 gody" [Commentaries on the Text of the Chronicle "The History of Jin Dynasty, reigned in the Northern Part of China from 1114 to 1233"]. *Istoriia Zolotoi imperii* [A History of the Golden Empire]. Rozov G.M. (trans.), Malyavkina A.G. (comment.). Novosibirsk, Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, pp. 233–284. (In Russian)
7. Malyavkin A.G. *Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: teksty i issledovaniia* [Táng Chronicles on the States of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 432 p. (In Russian)
8. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov grupy dunkhu* [Materials on the History of the Nomadic Peoples of the Dōnghú Group]. Taskin V.S. (trans., comment.). Moscow, Nauka Publ., 1984. 486 p. (In Russian).
9. Sabitov Zh.M. Retsenziia na monografiuu Khrapachevskogo R.P. "Polovtsy-kuny v Volgo-Ural'skom mezhdurech'e (po dannym kitaiskikh istochnikov)" [Review of the Monograph of R.P. Khrapachevsky "The Qun Polovtsians in the Volga-Ural interflue (according to Chinese sources)"]. *Zolotoordynskoe obozrenie =Golden Horde Review*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 4(6), pp. 208–215. (In Russian)
10. Timokhin D.M., Tishin V.V. [Review on] Pilipchuk Ya.V., Sabitov Zh.M. Ocherki etnopoliticheskoi istorii kypchakov. Astana, Gylym, 2015. 248 s. [Review on Pilipchuk Ya.V., Sabitov Zh.M. Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks. Astana, Gylym, 2015. 248 p.]. *Vostok (Oriens)*. 2017, no. 6, pp. 210–218. (In Russian)
11. Khrapachevsky R.P. *Voennaia derzhava Chingiskhana* [A Military Polity of Chinggis Khan]. Moscow, AST: LIuKS, 2005. [3], 557 p. (In Russian)
12. Khrapachevsky R.P. *Polovtsy-kuny v Volgo-Ural'skom mezhdurech'e (po dannym kitaiskikh istochnikov)* 元史 黑韃事略 [The Qun Polovtsians in the Volga-Ural Interflue (according to Chinese sources) 元史 黑韃事略]. Moscow, TsIVOI, 2013 (Istoriko-genealogicheskii proekt "Suiunovy". Seriia "Materialy i issledovaniia" [Historical

and Archaeological Project “Suyun”, Series “Materials and Research”. T. 2. Issledovaniia po istorii kochevnikov vostochnoevropskikh stepei” [“Studies on the History of the Nomads of the Eurasian Steppes”]. 126 p. (In Russian)

13. Khrapachevskii R.P. “Tatary”, “mongoly” i “mongolo-tatary” 9–13 vekov po kitaiskim istochnikam. *Materialy kitaiskikh istochnikov 10–14 vv.* [“Tatars”, “Mongols” and “Mongol-Tatars” in the 9th–13th centuries according to Chinese Sources. Materials of Chinese sources of the 10th–14th centuries]. Moscow, Pero – Lidergraf, 2015 (Istoriko-arkheologicheskii proekt “Suiun”. Seriiia “Materialy i issledovaniia” [Historical and Archaeological Project “Suyun”, Series “Materials and Research”. T. III. “Issledovaniia po istorii kochevnikov evraziiskikh stepei” [“Studies on the History of the Nomads of the Eurasian Steppes”]. T. 9). 318, 16 p. (In Russian)

14. Bazin L., Hamilton J. L’origine du nom Tibet [An origin of the name Tibet]. Bazin L. *Les Turcs, des mots, des hommes* [Turks, names, people]. M. Nicolas, G. Veinstein (éd.). Paris, Arguments, 1994, pp. 244–262. (In French)

15. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9). xvii, 483 p.

16. Ecsedy I. Contribution to the History of Karluks in the T’ang Period. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1980. T. XXXIV. Fasc. 1, pp. 23–37.

17. Hamilton J.R. *Les ouïghours à l’époque des cinq dynasties d’après les documents chinois* [Uighurs at the Period of the Five Dynasties according to Chinese Documents]. Paris, Presses Universitaires de France, 1955 (Bibliothèque de l’Institut des Hautes Etudes Chinoises [Library of the Institute of Advanced Chinese Studies]. Vol. X). 201 p. (In French)

18. Hamilton J. Toquz-Oyuz et On-Uyğur // *Journal Asiatique*. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63. (In French)

19. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts’in-tchêng lou* [A History of Campaigns of Chinggis Khan, Shèng-wǔ qīn-zhēng lù]. Pelliot P., Hambis L. (trans., comment.). T. I. Leiden, E.J. Brill, 1951. xxvii, 485 p. (In French)

20. Kane D. *The Kitan Language and Script*. Leiden – Boston, E.J. Brill, 2009 (Handbook of Oriental Studies Handbuch der Orientalistik. Section 8. Central Asia. Vol. 19). xiv, 305 p.

21. Karlgren B. *Grammata Serica Recensa*. Göteborg, Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1964 (Reprinted from Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin. No. 29. Stockholm, 1957). 332 p.

22. Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥. “Die Wunder der Schöpfung”. *Mensch und Natur in der türksprachigen Welt*. Heuer B., Kellner-Heinkele B., Schönig C. (eds.). Würzburg, Ergon-Verlag, 2012 (Istanbuler Texte und Studien. Bd. 9), pp. 81–141. (In German)

23. Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. / 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / *Studies on the Inner Asian Languages*. 2014. Vol. 29, pp. 57–135.

24. Kasai Yukiyo [笠井幸代]. Ein Kolophon um die Legende von Bokug Kagan [A Colophon of the Legend of Bokug Qaghan] // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia

gengo no kenkyū] / *Studies on the Inner Asian Languages*. 2004. Vol. 19, pp. 1–27. (In German)

25. Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)* [The Chinese Sources on the History of the Eastern Türks (Tū-jué)]. Vol. I. *Texte* [Texts]. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens [Göttingen Asian Research: Monographs on the History, Language and Literature of the Peoples of South, East and Central Asia]. Vol. 10). 484 p. (In German)

26. Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)* [The Chinese Sources on the History of the Eastern Türks (Tū-jué)]. Vol. II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index [Notes, Attachments, Index]. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens [Göttingen Asian Research: Monographs on the History, Language and Literature of the Peoples of South, East and Central Asia]. Vol. 10), pp. 485–831. (In German)

27. Moriyasu Takao. New Developments in the History of East Uighur Manichaeism. *Open Theology*. 2015. Vol. 1. Is. 1, pp. 316–333.

28. Pelliot P. Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqšu et d'Uč-Turfan [Notes on Ancient Names of Kučā, Aqšu and Uč-Turfan]. *T'oung Pao, Second Series*. 1923. Vol. 22. No. 2, pp. 126–132. (In French)

29. Pelliot P. Note sur les Tou-yu-houen et les Sou-p'i [Notes on the Tū-yù-hún and Sū-pí]. *T'oung Pao, Second Series*. 1920. Vol. 20. No. 5, pp. 323–331. (In French)

30. Pulleyblank E.G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, UBC Press, 1991. vii, 488 p.

31. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh. A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Thackston Wh.M. (trans.). Pt. 1. Cambridge, MA, Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998 (Sources of Oriental Languages & Literatures 45; Central Asian Sources IV). xlv, 244 p.

32. Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions. *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44/2, pp. 205–292.

33. Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2009. xxiv, 421 p.

34. Shen Zhongwei. Early Mandarin Seen from Ancient Altaic Scripts: The Rise of a New Phonological Standard. *The Oxford Handbook of Chinese Linguistics*. Wang S-Y., Sun Chaofen (eds.), Tsai Yaching (assist). Oxford – New York, Oxford University Press, 2015, pp. 91–103.

35. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Pt. II. L – Z. Leiden – Boston, Brill, 2003 (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, Vol. 8/2), pp. 859–1556.

36. Sümer F. Dokuz Oğuzlar [Toquz Oghuz]. *İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati* [Encyclopedia of Islamic: A Dictionary of History, Geography, Ethnography and Biographies of Islamic World]. Vol. 12.1. *Takirat – Tuğrâi*. İstanbul, Milli Eğitim Basımevi, 1979, pp. 420–427. (In Turkish)

37. Takeuchi Yasunori. Kitan Transcriptions of Chinese Velar Initials. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011. Vol. 64, no. 1, pp. 13–23.

38. Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. *History of Chinese society: Liao (907–1125)*. With the assistance of J. De Francis, E.S. Goldfrank, L. Kisselgoff and K.H. Menges. Philadelphia, The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949 (Transactions of The American Philosophical Society. Vol. 36). xv, 752 p.

39. رشيد الدين فضل الله همدانى [Rashīd al-Dīn Faḏl-āllāh Hamedānī]. جامع التواريخ [Jāmī al-Tawārīkh]. Roshan M., Mousavi M. (publ. and comment.). تهران [Tehrān], نشر البرز [Nashr ālbarz], 1373. Vol. 1. 776 p. (In Persian)

40. رشيد الدين فضل الله همدانى [Rashīd al-Dīn Faḏl-āllāh Hamedānī]. جامع التواريخ [Jāmī al-Tawārīkh]. Roshan M., Mousavi M. (publ. and comment.). تهران [Tehrān], نشر البرز [Nashr ālbarz], 1373. Vol. 3. 1540 p. (In Persian)

About the author: Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow on the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, **ORCID:** 0000-0001-7344-0996 (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

*Received August 29, 2018 Accepted for publication November 23, 2018
Published December 29, 2018*

НАСЛЕДИЕ

УДК 930.272

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854

**ПИСЬМО ТОСКАНСКОГО АНОНИМА О ВЗЯТИИ
КАФЫ В 1475 ГОДУ ИЗ КОДЕКСА Q 116 SUP
АМБРОЗИАНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ*****Р. Хаутала*^{1,2}, *В.П. Гулевич*³**¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*³ *Аппарат Верховной Рады Украины
Киев, Украина
gulevych_v@ukr.net*

Данная статья содержит оригинальный итальянский текст и русский перевод письма с описанием османского завоевания Каффы в июне 1475 г. в копии из кодекса XVI века Амброзианской библиотеки в Милане (Q 116 sup., fol. 105^r–106^r). Настоящее письмо было написано 15 августа 1475 г. в Константинополе безымянным тосканским купцом, вероятно, пизанского происхождения, судя по нескрываемой антипатии, которую он выражает в своем тексте по отношению к генуэзскому правительству Каффы. Автор послания находился в Каффе к моменту ее падения и разделил все тяготы капитулировавшего населения города, выразив перенесенные лишения в трогательной и красноречивой форме. Он также должен был иметь довольно высокое положение в связи с его осведомленностью о деталях переговоров генуэзских правителей Каффы с крымским ханом Менгли-Гиреем, главами татарского клана Ширин и османским полководцем Ахмед-пашой. Его текст, таким образом, изобилует деталями конфликта с татарами, начавшегося в феврале 1475 г., последующей османской осады Каффы и капитуляции города в начале июня того же года.

Послание тосканского анонима, тем не менее, представляет причины, которые привели к началу конфликта, в довольно поверхностной форме. И поэтому авторы данной статьи прибегли к анализу параллельных источников для реконструкции тех предшествовавших событий, которые привели к роковой для генуэзской Каффы осаде июня 1475 г. Таким образом, текст данного послания предваряется детальным описанием предшествовавших событий на основе разнообразных эпистолярных и нарративных источников итальянского, венгерского, польского, армянского и османского происхождения.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, генуэзские колонии Крыма, османское завоевание Северного Причерноморья, итальянские источники

Для цитирования: Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо тосканского анонима о взятии Каффы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854

**A LETTER OF THE TUSCAN ANONYM ON THE SEIZURE OF CAFFA
IN 1475 FROM THE CODEX Q 116 SUP OF THE AMBROSIAN LIBRARY**

R. Hautala^{1,2}, V.P. Gulevich³

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

³ *Verkhovna Rada of Ukraine
Kyiv, Ukraine
gulevych_v@ukr.net*

Abstract: This article contains the original Italian text and a Russian translation of a letter describing the Ottoman conquest of Caffa in June 1475 in a copy from a sixteenth-century codex of the Ambrosian Library in Milan (Q 116 sup., fol. 105^r–106^r). This letter was written on August 15, 1475 in Constantinople by an anonymous Tuscan merchant, probably of Pisan origin, judging by the undisguised antipathy which he expresses toward the Genoese government of Caffa. The author of the letter was in Caffa at the time of its fall and shared in all the hardships experienced by the city's surrendered population, expressing these sufferings in a touching and eloquent manner. He also had to have a fairly high position based on his knowledge of the details of the negotiations of the Genoese rulers of Caffa with the Crimean khan Mengli Girey, the heads of the Tatar Shirin clan, and the Ottoman general Ahmed Pasha. His text, thus, abounds in details of the conflict with the Tatars, which began in February 1475, the subsequent Ottoman siege of Caffa, and the consequences of the city's capitulation in early June of the same year.

Nevertheless, the epistle of the Tuscan anonym highlights the drivers that led to the onset of the conflict in a rather superficial form. Therefore, the authors of this article resorted to the analysis of parallel sources for the reconstruction of those preceding events that led to the fateful siege of Genoese Caffa in June 1475. To that end, we introduce the letter by providing a detailed description of the preceding events on the basis of various epistolary and narrative sources of Italian, Hungarian, Polish, Armenian and Ottoman origin.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, Genoese colonies of the Crimea, Ottoman conquest of the Northern Black Sea Coast, Italian sources

For citation: Hautala R., Gulevich V.P. A Letter of the Tuscan Anonym on the Seizure of Caffa in 1475 from the Codex *Q 116 sup* of the Ambrosian Library. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854

События в Крыму весной-летом 1475 г. относятся к тем редким и почти случайным происшествиям, которые изменяли ход истории не только отдельных государств, но и целых регионов, предопределив их судьбу на столетия. Захват султаном Мехмедом II г. Каффы стал началом последней фазы превращения Черного моря в «турецкое озеро» [20, с. 18–35], которая завершилась в июле–августе 1484 г. после овладения султаном Баязидом II портовыми городами-крепостями Килией и Белгородом (Аккерманом).

Падение Каффы вызвало большой резонанс у всех заинтересованных государств региона. Прежде всего в Генуе, Венеции, Венгрии, Молдавии, и в меньшей степени в Польше, Великом княжестве Литовском и Великом княже-

стве Московском, и это событие нашло отражение в целом ряде эпистолярных источников, повествующих о произошедшей трагедии и частично переведенных на русский язык еще в конце XIX – начале XX вв. [38, III, р. 346–354; 36, р. 239–246; 48, р. 137–153 = 36, № 1143, р. 236–238; 22, с. 1–2; 13, с. 1–18]. Падение Каффы не оставили без внимания итальянские [42, р. 473–479 = 36, № 1148, р. 251–256; 40, р. 268–269 = 36, № 1145, р. 247–248; 41, р. 72–83; 37, s. 84] и армянские хронисты [44, р. 495–538]. Сравнивая их данные, можно сказать, что наиболее информативными являются итальянцы, известия которых, судя по всему, независимы друг от друга. Особенный интерес вызывает текст Агостино Джустиниани, записанный со слов очевидца и участника событий, восьмидесятилетнего Кристофоро да Мортара. Столь многочисленные и разнообразные источники, уточняющие и дополняющие друг друга, дают возможность довольно детально проследить не только сам ход захвата Каффы османами, но и понять причины, вызвавшие кризис в Крымском ханстве и, как следствие, падение генуэзских колоний в Черноморском бассейне.

Первичным происшествием, вызвавшим цепную реакцию последовавших событий, стала кончина Мамака, главы наиболее могущественного крымского клана Ширинов и одновременно «господина Кампании»¹. Его смерть должна была иметь место между началом марта, когда бей еще направлял своих послов в Белгород [34, р. 50–51], и ноябрем 1473 г., когда каффинские власти отправили в Геную отчет о последних событиях [36, № 1072, р. 56–57 (приписка к письму протекторов Банка Св. Георгия от 30 июля 1473 г., сделанная 17 ноября 1473 г.)], где и было упомянуто о его смерти. За должность «господина Кампании» развернулась серьезная борьба, которая по накалу страстей и интригам была необычной даже для выдавших виды генуэзцев.

С согласия самого Мамака, его преемником стал опытный и предприимчивый брат Эминек. Чтобы склонить на свою сторону генуэзцев, последний «дал обширные и обильные обещания [еще] до того, как стал господином [Кампани], обещая, что он будет служить хорошим сыном Каффы, и что не станет отдаляться от их воли и согласия, и что он будет всегда делать все, что будет по нраву консулу и старейшинам Каффы»². Ситуацию несколько осложняло завещание Мамака, согласно которому наследником Эминек дол-

¹ Под термином «Campania» в генуэзских источниках подразумевается территория Крыма, непосредственно подчиненная татарам. Поэтому «господин Кампани» фактически являлся вторым после хана лицом в государстве. Вся предыдущая историография ошибочно опиралась на мнение М. Канале и А. Винья о том, что борьба развернулась за пост каффинского тудуна. Должность тудуна, которого в каффинской канцелярии именовали «titanus», зафиксирована еще в договоре между наместником Солхата Черкесом и консулом Каффы Джаноне де Боско в 1380 г. [53, р. 55]. Но его полномочия и их соотношение с функциями каффинского даруги, упомянутого в первой половине XV в. [49, р. 36, fol. 119], до сих пор в должной мере не исследованы. По мнению А.И. Галенко, тудун объединял в себе административные (представительство центрального ханского правительства), судебные, военные, фискальные (пошлины и налоги) функции на территории со смешанным населением двойного татарско-генуэзского подчинения, что приносило ему хороший доход [5, с. 183–195].

² «Questo signor Eminec signor de Campagna fe large e grande promise auanti che elio fosse signore. Prometando che elio sereiu a bon figliolo de caffia e che no se partireiu da la lor volontae e consegio. e che fareiu semper tute quelle cose chi fosen im piaxe de lo consolo e de li vegiardi de Caffa» (донесение консула Каффы Антониотто Кабеллы от 14 и 15 сентября 1474 г.) [36, № 1104, р. 120].

жен был стать Кара-Мирза [42, р. 473 = 36, № 1148, р. 252], который, будучи сыном покойного карачи-бея и тестем Айдара бен Хаджи Гирей, в политическом раскладе Крымского ханства занимал далеко не последнее место.

Каффинские власти согласились на кандидатуру Эминека. Не возражали против него и протекторы Банка Св. Георгия, в чьем владении находилась Каффа, надеясь, что он, как наиболее влиятельный бей и глава Ширинов, не только стабилизирует ситуацию, но и поспособствует компенсации убытка в пятьдесят тысяч аспров, который был причинен «последнему [купеческому] каравану», ограбленному при неясных обстоятельствах [36, № 1072, р. 56–57 (приписка к письму протекторов Банка Св. Георгия от 30 июля 1473 г., сделанная 17 ноября 1473 г.)]. С целью обговорить с городскими властями кандидатуру преемника Мамака в 1473 г. в город прибыл сам хан Менгли-Гирей и утвердил Эминека в должности.

Несмотря на данные генуэзцам обещания, Эминек быстро рассорился как с ханом, так и с каффинцами из-за своих вымогательств. Чувствуя себя в полной силе, во время пребывания вместе с Менгли-Гиреем в Каффе он даже потребовал от хана согласия на брак с его матерью, но получил резкий отказ. Тогда бей изменил тактику и потребовал от властей Каффы оказать давление на хана, но также получил отказ [36, № 1104, р. 120–121 (донесение консула Каффы Антониотто Кабеллы от 14 и 15 сентября 1474 г.)].

Пока хан, бей и генуэзцы разбирались между собой, на должность «господина Кампании» появился еще один претендент – Шейдак, сын Мамака, интересы которого продвигала его мать, отличавшаяся авантюризмом и располагавшая немалыми денежными средствами. Для этой цели она нашла некоего Костантино ди Пьетраросса, с помощью которого надеялась обеспечить должность своему сыну. Но ни Гоффредо Леркари, бывший консулом Каффы в 1472–1473 гг., ни сменивший его Баттиста Джустиниани не поддались на уговоры и посулы. Оба консула считали, что это приведет к неминуемому бедствию, поскольку татары были против кандидатуры Шейдака, и в случае его избрания вся Татария выступила бы против Каффы³.

Летом 1474 г. некий сын Мамака, вероятно, Шейдак, отправился к Джанибек Султану, кочевавшему в Северо-Восточном Приазовье на землях хана Махмуда, одного из правителей Большой Орды, и его сыновей [14, с. 220]. Целью поездки было примирение Джанибек Султана, наследственного претендента на власть в Крыму⁴, с крымской знатью. Это известие, пришедшее из Таны, не на шутку обеспокоило как Эминека, которому действия Шейдака угрожали расколом Ширинов, так и Менгли-Гирея, которому претензии Джанибек Султана угрожали потерей власти. Результатом стала обоюдная подготовка к столкновению между заговорщиками с одной стороны, и Менгли-Гирея с Эминекком с другой⁵. Впрочем, до военных действий дело не дошло.

³ «tutta la Tartaria si volgesse, e fosse contraria a Caffa» [42, р. 473–474 = 36, № 1148, р. 252].

⁴ Джанибек Султан был, по всей видимости, одним из младших сыновей хана Сайид-Ахмада II [6, с. 4–11; 7, с. 315–320].

⁵ «Ancora aueran inteizo vostre signorie como lo figio de quondam Mamacho signor de Campagna era fugito e partito in oculo de lo imperao e andaeto in le parte de la tanna a jongesi in seme con Janibec Sortan. e cosi a faeto e con ello e con quelli de laltro imperao de lordo e cosi

Тем временем 31 июля 1474 г. новым консулом Каффы стал Антониотто Кабелла. Воспользовавшись моментом, мать Шейдака через Костантино ди Пьетраросса пообещала каффинским чиновникам немалые деньги. Чиновник Уффиции Кампаньи Николао ди Торрилья должен был получить тысячу дукатов, а массарий Каффы Оберто Скварчафико – две. В результате, вдова Мамака выложила на подкуп чиновников, включая консула, целых шесть тысяч дукатов.

Получив от генуэзцев письмо, в котором они настаивали на смещении Эминека, Менгли-Гирей был готов удовлетворить их требование, но при этом хан совсем не был склонен заменить его Шейдаком, как того хотели генуэзцы. Правитель пытался убедить их, что утверждению Шейдака препятствовали объективные трудности, поскольку был жив Кара-Мирза, за которым стоял его могущественный зять Айдар, единственный из старших братьев хана, оставшихся на свободе. Но и утверждение Кара-Мирзы, по мнению Менгли-Гирея, могло произойти лишь в случае убийства Эминека, против чего хан не возражал.

Воспользовавшись моментом, каффинские власти обвинили Эминека в сговоре с османами [42, р. 474 = 36, № 1148, р. 253]. Нам неизвестно, поверил ли хан обвинениям против карачи-бея. Еще летом 1474 г. конфликт между ними из-за требования дать согласие на брак с матерью хана, по оценке самих генуэзцев, якобы был в прошлом, и они часто проводили время в совместных пирах⁶. Но, уязвленный дерзостью карачи-бея, Менгли-Гирей, вероятно, решил не упустить случая не только ослабить влияние карачи-бея, но и внести раскол в ряды наиболее могущественного клана Ширинов.

Получив письменное уверение генуэзцев, что они желают отстранения Эминека от должности, хан решился его сместить. Нуждаясь в силовой поддержке, Менгли-Гирей не просто пообещал утвердить Кара-Мирзу, но, чтобы привлечь против карачи-бея Айдара, он даже поклялся в этом своему брату. После смещения Эминека, Кара-Мирза и Айдар явились к хану с требованием исполнить обещанное. На это Менгли-Гирей ответил, что процедуру утверждения следует провести в Каффе в торжественной обстановке, и собрался отправиться в город. Но Кара-Мирза и Айдар, не имея гарантий от каффинских властей, отказались войти в Каффу.

В середине ноября 1474 г. Менгли-Гирей «вместе со своими господами и знатью» (*cum suis dominis et proceribus*) приехал в Каффу, где пробыл шесть дней [36, № 1107, р. 129 (послание массария Каффы Оберто Скварчафико от 21 ноября 1474 г.)]. Массарий Каффы Оберто Скварчафико в письме к протекторам уверял, что хан весело провел время в городе. На самом же деле крымский правитель встретил там холодный прием. «Ослепленные алчностью», каффин-

amo notitia per li nostri de la Tanna. In questi jorni semo auizae como elli vegniuan a molestiar lo imperao nostro. e de questo e staeto grande affano apreso lo imperao e lo signor eminec. ita et taliter che aora se meten a caualo con so exercito, se dixen volen andare per contra soi inimixi. no se intende ancora ben lo proposito. me credo no se debian far niente. perche pare pur che da lo imperao a lo signor sea qualche cosa per respecto de la dona che o dito de sopra. Tamen aliquando mangian e beiuen insieme como se in elli non fosse niente» (донесение консула Каффы Антониотто Кабеллы от 14 и 15 сентября 1474 г.) [36, № 1104, р. 122–123].

⁶ «Tamen aliquando mangian e beiuen insieme como se in elli non fosse niente» [36, № 1104, р. 123].

ские чиновники были твердо намерены добиться утверждения Шейдака. Скварчафико угрожал Менгли-Гирею, что в случае отказа генуэзцы выпустят из заключения его братьев [42, р. 475–477 = 36, № 1148, р. 253–255]. Это был весомый аргумент, поскольку освобождение Нур-Девлета неминуемо привело бы к возобновлению вооруженной борьбы за власть в ханстве, и Менгли-Гирей вынужден был согласиться на кандидатуру Шейдака.

Первого декабря 1474 г. Шейдак в сопровождении свиты из двадцати пяти человек явился в Каффу [42, р. 474 = 36, № 1148, р. 253]. Узнав о согласии хана утвердить его, Эминек вынужден был бежать [36, № 1117, р. 195 (послание массария Каффы Оберто Скварчафико от 10 февраля 1475 г.), № 1118, р. 202 (донесение консула Каффы Антониотто Кабеллы от 12 февраля 1475 г.)]. Выполнив все необходимые формальности, во время второго визита Менгли-Гирея в Каффу, где на этот раз он пробыл целых восемь дней, Шейдак был торжественно утвержден на должность прямо во дворце консула [42, р. 475–477 = 36, № 1148, р. 253–255; 36, № 1118, р. 202 (донесение Антониотто Кабеллы от 12 февраля 1475 г.)].

Во время пребывания в Каффе Менгли-Гирей договорился с генуэзцами об отправке под их стражу в Чембало своего младшего брата Милькомана [42, р. 474 = 36, № 1148, р. 253]. Понять такой шаг хана можно, лишь вспомнив о событиях времен борьбы за власть, последовавшей за смертью Хаджи Гирея, когда из-за интриг Мамака Ширина осенью 1466 – в начале 1468 гг. правителями успели побывать Нур-Девлет и Кельдыш. Заподозрив Милькомана в связях с Эминекком, либо же получив информацию об этом и не дожидаясь, пока карачи-бей сделает решительный шаг для смены правителя, Менгли-Гирей без зазрения совести решил отправить брата в заточение.

После утверждения Шейдака от Менгли-Гирея отвернулась почти вся татарская знать (*con quasi tutti i principali baroni di Tartaria*) во главе с Айдаром и Кара-Мирзой. Они послали Эминеку предложение вернуться в Крым, и тот не заставил себя ждать. Вернувшись, Эминек вступил в сношение с послом османского султана, находившегося в Каффе по поводу рабов, бежавших туда из Трапезунда. 13 февраля 1475 г., по окончании этих переговоров и параллельно с отправлением османского посла из Каффы, Эминек выслал к султану «на малом судне» своего раба, и тот отвез в Порту предложение захватить колонии генуэзцев, которыми они владели в «империи Татарии» [42, р. 477 = 36, № 1148, р. 255; 36, № 1144, р. 240–241 (более полная версия письма тосканского анонима в редакции Амедео Винья)].

В это время османский султан Мехмед II готовил свой флот, состоявший из нескольких сотен судов с огромным количеством войск, оружия, лошадей и припасов, для похода на Кандию [42, р. 478], то есть о. Крит. Однако, получив приглашение карачи-бея, последовавшее не ранее второй половины февраля – начала марта 1475 г., он приказал развернуть корабли в Черное море. Видимо, после того, как Мехмед II принял решение изменить направление удара, к операции был привлечен и начальник войск Галлиполи, Диагаржи Якуб (*Diagarzj Jagubi flabularo⁷ de Garipoli*) [46, № 188, р. 269 (донесение Ле-

⁷ Flabularo – воинский начальник, комендант. Прозвище «Диагаржи» или точнее «Загарджи» означало «псарь», поскольку так называлась одна из категорий янычарского корпуса [11, с. 204].

онардо Арте, деспота о. Левката, от 4 июля 1475 г.); 28, с. 149–150], имевший опыт нападения на Крым еще в 1469 г.

Тем временем генуэзцы, узнавшие о переговорах Эминека с османским послом, сумели заманить его в город, где они планировали отравить его или убить, но из-за внутренних разногласий не сделали этого, а предупрежденный бей вновь бежал. Избежав опасности, он организовал блокаду Каффы. Из-за ежедневных нападений татар жители города, даже получив сообщение о назревающем нападении османской эскадры на Каффу, не могли организовать оборону, поскольку просто не смели выйти за городские ворота⁸.

В марте 1475 г. противоречия в среде татарской правящей элиты обострились настолько, что Менгли-Гирей и Шейдак вынуждены были бежать из хорошо укрепленного Кырк-ера под защиту более надежных, на их взгляд, стен Каффы. Вместе с ними в городе укрылось до полутора тысяч верных хану татар [36, № 1143, р. 236–237; 42, р. 478 = 36, № 1148, р. 255; 48, р. 145 (послание иерусалимского рыцаря Лаудивьо Де Нобили к Джакомо Амманнати Пикколомини, кардиналу Павии, от 1 августа 1475 г.); 47, № 13, р. 308 (письмо молдавского воеводы к венгерскому королю от 20 июня 1475 г.); 13, № V, с. 14 (анонимное письмо из Архива Ломбардии о падении Каффы неизвестному адресату от 8 июля 1475 г. в переводе издателя на русский язык), № VI, с. 16 (письмо из Архива Ломбардии генуэзца Джакомо Джустиниани неизвестному адресату от 8 июля 1475 г. в переводе издателя на русский язык)].

Получив поддержку знати, Эминек решил вместо Менгли-Гирея возвести на правление одного из его братьев. Нур-Девлет, Кельдыш и, вероятно, Милькоман сидели под стражей генуэзцев в Солдае и Чембало. Ямгурчи никогда не выказывал амбиций правителя и всегда оставался в тени своих братьев. Айдар же в вопросе назначения «господина Кампании» мог отстаивать интересы своего тестя Кара-Мирзы. Но взаимовыгодный компромисс был найден: Эминек пообещал Айдару помочь стать ханом, после чего тот должен был утвердить карачи-бея «господином Кампании» [41, р. 74].

Весной 1475 г. городские власти Каффы уже вполне осознали всю сложность ситуации, в которую их ввергли собственные интриги и жадность. В начале апреля 1475 г. они выслали к Казимиру IV, пребывавшему в Литве [52, с. 262–263], посла Джулиано Джентили с просьбой о помощи [36, № 1129, р. 217–218]. Сам Менгли-Гирей отправил киевскому воеводе Мартину Гаштовту крупную сумму в «полтретьядцать тысящ алтын кун» [32, № 39, с. 172], то ли для сбережения, то ли для найма войска. По всей видимости, деньги в Киев привез каффинский митрополит Симон, который тоже просил «ратунку Кафе» [26, с. 91, 163].

В ответ король выслал к хану посла Мацея из Ломжи, который доехал лишь до Белгорода и оттуда написал Казимиру IV, что Мехмед II собрал под Адрианополем (Эдирне) войско и отправил его водою и сушей на Каффу [43, с. 594]. На самом деле, по суше войско двинулось не в Крым, а на Белгород [8, № 108, с. 282–285], но султан отменил поход, поскольку получил известие, что венгерский правитель намеревался оказать военную помощь молдавскому воеводе Штефану Великому [8, № 109, с. 284–286]. Сам Штефан пытался организовать антитурецкую коалицию. В Стамбуле знали о его намере-

⁸ См. опубликованное в настоящей статье письмо, а также: [41, р. 73–74].

ниях и еще в начале 1475 г. отправили против него большое войско, которое молдаване разбили под Васлуем 10 января. Часть пленных осман Штефан отправил Казимиру IV и просил его о помощи. В свою очередь король пообещал, что помощь будет оказана [43, s. 586–587].

Обеспокоенный донесениями о концентрации осман под Адрианополем, Штефан слал гонцов к Казимиру IV с предупреждениями об опасности, просил дать всего две тысячи пехоты для обороны Килии и Белгорода и самому спешить с войском в Молдавию. Литовские Паны-рада поддержали идею войны с османами и советовали королю собирать войско. Но Казимир IV решил выждать и отправился в Польшу. После его прибытия в Люблин 5 июня уже и польский коронный совет настаивал на войне с турками. Подбивал короля на войну с ними и посланец шаха Узун Хасана, Исаак, прибывший к нему в начале 1475 г. Он уговаривал выступить уже текущей весной, аргументируя это тем, что после уничтожения лучших сил османов под Васлуем их сопротивление будет слабым. Король щедро одарил Исаака, дал ему возможность месяца пожить в Кракове, но ничего не ответил по сути просьбы [43, s. 591–592].

Не желая понапрасну рисковать и ввязываться в войну с опасным противником, Казимир IV положился на дипломатию. Он выслал послом к Мехмеду II краковского подстолия Марцина из Вроцимовиц, о чем султану должен был сообщить специальный посланник. 28 августа султан ответил, что не только является приятелем польскому королю, но и надеется на братство между двумя монархами и еще большую приязнь [39, № 204, p. 224].

Штефан понимал, что полностью рассчитывать на Казимира IV было нельзя. Поскольку Каффа отказалась от предложения войти в создаваемую им антиосманскую коалицию, единственной его надеждой оставалось маленькое княжество Феодоро. Сам воевода женился на Марии (†1477 г.), сестре феодорийского правителя Исаака. К тому времени Молдавия уже имела довольно твердые позиции в Нижнем Поднепровье, где еще воевода Петр Арон овладел замком Илличе [29, с. 480–482], и расширяла свое влияние на Крым, что в охватившем ханство хаосе сделать было не очень трудно. Этот процесс демонстрирует география находок молдавских монет периода правления Штефана Великого в указанных регионах [2, с. 347–353; 9, с. 199–221; 17, с. 97–98. 1, с. 9–15; 30, с. 324–330; и др.].

Штефан помог своему шурину Александру сбросить с трона брата Исаака, еще в 1474 г. признавшего власть султана. Потом он отправил Александру несколько сотен молдавских и венгерских воинов, которым в скором времени довелось защищать Феодоро от осман [18, с. 410, 411–413]. 12 июля 1475 г. воевода стал вассалом венгерского правителя Матиаша Хуньяди и заключил с ним договор о совместной борьбе против всех врагов, кроме Казимира IV [39, № 199, p. 219–220; 22, с. 2]. Однако сам Казимир IV не оказал никакой помощи ни Каффе, ни Штефану. Таким образом, генуэзские колонии в Крыму были обречены.

Согласно современнику событий Нерсесу Кафаэци (Каффинскому), татары сперва перекрыли Каффе воду и попробовали самостоятельно захватить город [19, с. 152, 156]. Несмотря на то, что в городе и ранее были проблемы с

питьевой водой⁹, Эминек и его сторонники не могли преодолеть городские укрепления. 1 июня крупные силы осман высадились на юго-восточном побережье Крыма, и вся татарская знать присоединилась к ним [46, № 187, р. 268 (донесение венецианского посла при венгерском королевском дворе Себастьяна Бадоаро от 30 июня 1475 г.); 48, р. 145]. Это окончательно деморализовало жителей Каффы, среди которых и без того не было единства, и город сдался практически без сопротивления.

Сведения о падении Каффы несколько противоречивы. Согласно приводимому далее письму тосканского анонима, четыре каффинских посла, избранные для ведения переговоров с османами, согласились сдать город в обмен на гарантии их личной неприкосновенности. Микеле Канале и опиравшийся на его сведения Амедео Винья писали [38, II, р. 144; 36, р. 164], что ворота османам открыл подкупленный ими Шейдак, стоявший во главе татар, которые должны были их защищать. Источником Канале служили труды Бенедетто Дей (1418–1492) и Агостино Джустиниани (1470–1536). У первого действительно есть упоминание, что татары охраняли часть стен Каффы, но никто из авторов не писал о предательстве Шейдака [42, р. 474–479; 40, р. 268–269]. Напротив, Бенедетто Дей указывает, что «Великий татарин Солхата Таны» (sic!)¹⁰, под которым, вероятно, следует понимать самого Менгли-Гирея, был подкуплен османами! Современник событий, генуэзский купец Джакомо ди Премонторио (Промонторио) (ок. 1410–1487), не вдаваясь в детали, писал, что «в год 1475 силой денег Макино (Эминек), татарский предатель, с другими скрытыми предателями и т.д. с наибольшей [османской] морской силой, которая когда-либо использовалась, взял Каффу со всей ее округой»¹¹.

Таким образом, не исключено, что в действительности к падению Каффы, кроме каффинских парламентаров, приложили руку, если не сам Менгли-Гирей, то кто-то из укrywшихся в городе татар. Важно отметить, что согласно публикуемому в данной статье источнику, Эминек, хоть и призвал осман в Крым, но предлагал генуэзцам договориться, «поскольку ему не хотелось, чтобы тот город [Каффа] попал в руки турок». Подобные сведения содержатся и в письме настоятеля церкви в Альба-Юлия Доминика, согласно которому карачи-бей просил у султана помощи в захвате Каффы «с условием, выраженном в особом договоре, что, если удастся взять город, будет зависеть от татарина завладеть [османам] или городом или найденной в нем добычей, турок же должен довольствоваться тем, что ему уступит татарин» [22, с. 1].

После падения Каффы, Шейдак был куда-то вывезен османами, но через два года с разрешения султана отпущен «обратно в Тартарию с двумя галерами» [42, р. 479]. Время его освобождения неизвестно. Чуть позже, с осени 1476 г., в Крыму правил Джанибек Султан, а после него – Нур-Девлет и Айдар. Вероятно, не найдя себе в ханстве достойного места, Шейдак выехал в

⁹ См. донесение трех консулов Каффы за август 1455 г., где они ясно указывают на актуальную проблему водоснабжения Каффы [35, № 15, р. 360].

¹⁰ «Vera chosa è che si disse, che ne fù chagione lo Gran Tartaro di Surchatt della Tana (sic!), lo quale era drento in Caffa al soldo de Gienovesi, ed aveva in guardia una parte di detta Città, e dissesi lui per danari avea messo drento lo Gran Turcho» [40, р. 269].

¹¹ «Anno 1475 cum forza di dinari machino lo traditor tartaro con altri coperti traditori etc. col maiore maritimo perforzo che mai facesse et prese Capha con tutte sue adherentie» [37, s. 84].

Литву. В послании Менгли-Гирея к Казимиру IV в 1484 г. сказано, что «Сейтекь тебе, брату моему, много служиль» [31, № 48, III, стб. 359–360]. Но когда, каким образом он попал в Великое княжество Литовское и как долго там находился, нам неизвестно.

Что касается Менгли-Гирея, который тоже попал в руки осман, источники описывают его судьбу по-разному. Османский хронист XVI в., Дженаби, утверждает [4; с. 101. Ср.: 33, с. 275, 281], что хан после поражения от брата (sic!) убежал в Мангуп (Феодоро), где его и захватил Гедык Ахмед-паша, после чего вывез в Турцию. Такую же историю в 50-х гг. XVIII в. записал французский консул в Крыму Клод-Шарль де Пейссонель, который по этому поводу специально «консультировался у татарских историков» [21, с. 21, 22]. Повторяет ее и «Родословная Шириных», составленная в 1820 г. [16, № 55, с. 125].

Однако современник событий, Ян Длугош, писал, что хан вместе с двумя своими братьями попал в плен во время своего случайного пребывания в Каффе [43, s. 594–595]. Венгерский источник за июль 1475 г. без обиняков утверждает, что «татарский император [Менгли-Гирей] ... был взят в плен ... турками в самом городе Каффе» [47, № 12, p. 306–307 (сообщение Доминика из г. Альба Юлия, представителя венгерского короля при молдавском воеводе, с ошибочной датой 1474 г.)].

Русские летописи, составленные в XVI в., сообщают, что турецкий «воевода» поставил Менгли-Гирея правителем Крыма [23, с. 181, 183; 24, с. 158, 168; 25, с. 194–195; 12, с. 34]. Это согласуется с письмом самого хана к неизвестному османскому сановнику, датированным июлем 1475 г., в котором он благодарит султана за освобождение из каффинской тюрьмы и утверждение его в качестве своего ставленника (тикме) [15, № 6, с. 130, 131; 50, № IV, s. 117–118; 45, p. 55–57].

На самом же деле, как видно из приведенных выше событий, Менгли-Гирей не был в каффинском плену. В Каффе он оказался по собственной воле и, возможно, даже принял участие в обороне города. Не мог хан и потерпеть поражение от брата, поскольку Айдар со своими союзниками не смогли преодолеть стены Каффы, а Нур-Девлет, Кельдыш и Милькоман сидели под стражей генуэзцев. Несмотря на то, что поляк Мартин Броневский, побывавший в Крыму с посольствами в 1578–1579 и 1580 гг., утверждал, что Солдайа оказала героическое сопротивление [3, с. 347], скорее всего, летом 1475 г. османы овладели городом, не встретив значительного противодействия [10, с. 328; 28, с. 178–179; 27, с. 143–151]. В результате «два брата его [Менгли-Гирея], Азигиевых же детей, оубежаша» в неизвестном направлении [23, с. 181, 183; 24, с. 158, 168; 25, с. 194–195]. По всей видимости, тут речь идет о Нур-Девлете и Кельдыше, которые либо воспользовались моментом, либо же были отпущены властями Солдаи накануне или во время падения города. Где они находились после освобождения, источники умалчивают.

Менгли-Гирей не был врагом Мехмеду II и мог рассчитывать, что султан обойдется с ним милостиво. Вероятно, пленение хана создало проблему и для самого султана, поскольку нужно было решить, что делать с единоверным и невраждебным монархом, который лишь волею судьбы стал пленником турецкого командира! Освобождение братьев-конкурентов, в свою очередь, создало немало хлопот и Менгли-Гирею. Поскольку отныне реальной силой в

Крым были османы, любой из ханских братьев мог обратиться в Стамбул с прошением милости для себя. Вполне вероятно, что именно так и случилось, поскольку в своем письме к Мехмеду II Менгли-Гирей просил не слушать врагов, клеветующих на него. С другой стороны, таким врагом мог быть и Эминек, креатурой которого был провозглашенный ханом Айдар. Карачи-бей имел связь с султаном, враждовал с Менгли-Гиреем, помог османам захватить Каффу. Именно с ним должен был иметь встречу и разговор командующий турецкими силами Гедык Ахмед-паша прежде, чем отчитаться Мехмеду II о ситуации в Крыму.

Согласно сообщению венецианских шпионов, султан узнал о захвате Каффы около 17 июня. Эту весть ему доставил корабль, специально высланный Гедык Ахмед-пашой (Achmath Bassa) в Стамбул, откуда гонец привез послание на далматинское побережье, в г. Загора, где в то время находился Мехмед II [46, № 188, р. 270]. Скорее всего, именно тогда турецкий военачальник (Capitano Generale) и доложил султану, что Менгли-Гирей не только «проявил в присутствии [Гедык] Ахмед-паши верность, покорность [Мехмеду II] ... и пообещал быть другом друзьям [турецкого] падишаха и врагом его врагам», но и заключил с ним «присяжной договор» (ахд-ю шарт) о личном подданстве. Письмо воеводы Штефана от 20 июля 1475 г. со сведениями, полученными «от врагов христианства, от неверных [осман / татар?]», подтверждали, «что теперь император и с ним вся Орда ... покорилась туркам, и татары находятся в союзе с турками» [47, № 13, р. 308].

Таковыми были события в Крыму и Северном Причерноморье 1473–1475 гг., приведшие к господству Османской империи на полуострове более чем на триста лет, что в значительной мере повлияло на всю последующую историю огромного региона Восточной Европы.

Примечания к изданию текста

Следующий ниже текст воспроизводится по рукописной копии письма, сделанной итальянским гуманистом Джан Винченцо Пинелли (1535–1601) и содержащейся в кодексе XVI века Амброзианской библиотеки в Милане (Q 116 sup., fol. 105^r–106^r) [см. описание кодекса в: 51, № 323, р. 117–118]. Данное послание было составлено очевидцем событий – безымянным тосканским купцом, депортированным из Каффы после ее взятия и написавшим письмо 15 августа 1475 года, после прибытия в Константинополь.

Воспроизводящаяся здесь копия письма является сокращенным вариантом более полной версии послания (из сборника документов Строцци в государственном архиве Флоренции, filza 404, с. 1–2), изданной сначала Микеле Джузеппе Канале [38, III, р. 346–354] и позже Амедео Винья [36, р. 239–246]. Но, несмотря на свой уменьшенный объем, оно в целом передает сущность содержания послания и к тому же содержит ряд разночтений и интерпретаций событий, отличающихся от полной версии письма. Тем не менее при воспроизведении Амброзианского манускрипта здесь будут приводиться ссылки на предшествующие издания полной версии послания для необходимых пояснений.

Pisa di Capra. 1475
 Pisa di Modò. 1499. 105
 12 — 5]
 Presa di Capra particolare del 1475, à 8 di Giugno
 Circa 13 di Febraio 1475 si parti una Ambascador turco da
 capra qual sotto uera da dimandare alcuni garzoni
 fuggiti da Trabisonda hauea hauuto parlamento co' Eminech
 cap^o del Imperator Tartaro della campagna inimico di
 capranzi, circa il prender capra: quabiosa intendendo
 li Governatori Genovesi furono con tal modo uenire quel
 Eminech nella terra con intentione di uicinarla. Io am-
 mazzarbo, qual cosa poteano facilmente fare: ma per
 essere diuisione fra essi come è stato et non sempre co-
 stano de' Genovesi trabison manse operano auuato Emi-
 nech da una parte de' quelli scacciarli et uicando sig.
 della campagna ogni di correa fin su le porte à far dan-
 ce et uicandoli la uicuggia.
 Au. de' Marco si hebbe uiaua che l'armata ueniva à capra
 et all'ora capranzi cominciaro à fare provisione
 di fortificare la terra: ma tutto era inuano già turcani
 ne teneano assediati che non poteuano uscire dalla porta
 da l'altra parte pregaua di accordarsi con noi q' che uo-
 li piaciua che quella terra andasse in mano de' turcani
 ne mai questi uaditosi Governatori uolsero accordo
 q' essere diuisi p'che una parte fauoniva Eminech: et
 l'altra non altro cap^o Tartaro nomato Sayteci: ma tal-
 mente erano indiuicinati, che uicendoli l'armata adotto
 mai mehora fu modo de' accordarsi.
 L'ultimo di Maggio giunse l'armata à hore 22: a la est-
 fania lontano da capra 7 miglia doue habbono turchi
 parlamento con turcani senza quali non hauea capra
 Il 2° di giugno messero scala int'ra à S. Maria de' mezo
 Agosto et montorno mille cauali, che circondorno tutta
 la terra, et coseno fin su le porte: Fila d'la armata 350
 uele. 208 galie sottili 4. Galee grosse il resto parando
 ne et fusse:

Копия письма тосканского анонима из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки в Милане (с позволения докторской коллегии этой же библиотеки). Q 116 sup, 105^r

A copy of a letter by the Tuscan anonym from the codex Q 116 sup, Biblioteca Ambrosiana in Milan (with the permission of the Board of Doctors of the same library). Q 116 sup, 105^r

ad Ha di de zugno discor giorno la bache de artellonia grosse
 no era no messo a ca de ator y messo la torre et quelli
 no g. alla porta di S. Theodoro y alla porta di Santo
 do y Giorgio che cadano dentro la terra: furno morti
 adon alcuni de essi che furno de gran corare alla terra y
 long corare nel battaglia di meato.
 Ad 6. si ebbe parlamento con l' inimici et trogia per
 7. giorni furno mandati 4. ambasciatori p. intendere
 che parte se poteano hauere del Basso che furno y
 Giulian dal fiercho, Ser Bassa da legio, Ser sesto Can
 diano, Ser Gregorio raso che fatti furono non s'ha potuto
 intendere: salvo che hanno franchite loro et sua case
 et venduti noi: ne dissero ad intendere che haueano
 concluso con il Basso di darli salvo lo hauere et le
 persone et che tutti quelli che erano mandati et nativi
 del luogo restarono carcerati del sig. et che tutti alon
 fussono il liberta di andare, o stare con il suo hauere
 et con questo inganno dettero la terra senza confino
 con il populo et così in con istante furno uisti le
 bandiere turche sopra la porte di S. Giorgio et
 S. Theodoro.
 Ad 8. zugno Wallachi Palloni rossi gorgiani zichi et
 ogni altro christiano eccetto facini parte furno ue
 duci et parte messi in ratena.
 Ad 9. 10. 11. il Basso mando il suo scrivano con li q.
 li haueano dato la terra con aduenta de Ser Aluin
 di Gazpa ad esaminare et scrivere le conditioni
 le tutti cose de franchi come hermeni, greci et Iudei
 et così scrisse tutte le anime: domandando esquintum
 tutti de che loco erano de et essercitio se erano mari
 tati et simile qual cosa messo gra corare massime

2to
106

alli soldati, et pocheni dubbicando che non li fesse morire coe
ha fatto in alcuni luoghi: et pero ogni uno se insegnava
farsi mercante & scampare la vita: uolseno et che desse-
no in nota on' argenti lauorati et gioie: et debitori:
A 12 et 13 fece comandamento per la testa ch'esse appre-
sentasse figli et figlie et da 10. anni fin à 20, trasse
cerca 3^m pucti et garzone. da 4500: prese et mariti
con le moglie et moglie senza mariti, et e 9 secondo
la eta et bellezza: Doue ne segui tanti stridi tanti
pianti che è impossibile da pensare uolse et schiavi
et schiave che furono da 3^m de quale alcune furono
rescattate & dixari.

A 17 fece comandamento che ogni uno aprisse le sue botte che
et di poi che intermine de 3 di latini: douesseno ha-
uer pagato la mita del suo secondo haueano dato
in nota in moneta corrente sicche si uenue à pagare
piu de tre gracci & la incomodita del dixari:

A 8 luglio fu fatto comandamento che tutti li latini
& tutto quel giorno et mezo l'altro con schiavi et
schiave sue se douesseno con tutta la loro robba imbar-
carsi sopra quelli nauilij che li saranno dati: sicche
forno di nouo rinouati i pianti conuenendo habban-
donare la robba, le case, et la patria, doue poi im-
barcati se ne uenueuo à Costantinopoli: qual è apertu
l'Armata non è ancora tornata da mar maggiore & esse
accampata ad uno castello fortissimo dela Gotia
doue si troua il S^{ro} dela Gotia con 3 uallachi et li
hanno dato cinq battaglie ordinarie: In hanno fatto
nulla & esse loco fortissimo, al qual andare no si puo
se non & una uia sola, et d'eo castello è nomato Rodan.

Итальянский текст

Presa di Capha, particolare del 1475, a 8 di Giugno¹².

Cerca 13 di Febraro 1475 si parti uno Ambassador turco da Capha, qual sotto scusa de dimandare alcuni garzoni fuggiti di Trabisona hauea hauuto parlamento con Eminech, capitano del Imperator Tartaro della campagna, inimico di Capharoti, cerca il prender Capha. Qual cosa intendendo, li Gouvernatori Genoesi feceno con bel modo uenire quel Eminech nella terra con intentione di auenarlo o ammazzarlo, qual cosa poteano facilmente fare. Ma per essere diuisione fra essi, come è stato et era sempre costume de Genoesi traditori, niente operorno. Auisato Eminech da una parte de quelli, se ne fuggi et se'ando. Signor della campagna ogni di correa fin su le porte a far danno et leuandoli la uittuaglia.

A 21 di Marzo si hebbe noua che l'armata ueniua a Capha et all'ora Capharoti cominciorno a fare prouisione di fortificare la terra, ma tutto era inuano perche tartari ne teneano assediati, che non poteuamo uscire dalla porta. Da l'atra parte pregaua di accordarsi con noi perche non li piaceua che quella citta andasse in man de turchi. Ne mai questi traditori Gouvernatori uolsero accordo per essere diuisi, perche una parte fauoriua Eminech, et l'atra un'altro capitano tartaro nomato Saytech. Ma talmente erano indiauolati, che uedendosi l'armata adosso mai anchora fu modo de accordarsi.

L'ultimo di Maggio gionse l'armata a hore 22, a la Rotfania (sic!), lontano da Capha 7 miglia, doue hebbono turchi parlamento con tartari, senza quali mai s'hauea Capha.

Il primo di Zugno messono scala in terra a S. Maria de mezo Agosto et smontorno mille caualli, che circondorno tutta la terra, et corseno fin su le porte. Fu la ditta armata 350 uele: 208 galie sottile, 4 Galeaze grosse, il resto parandarie et fuste.

Il 2 di de Zugno discargorno 14 boche de artelleria grosse et 4 ne messeno a Cacciator (sic!) per mezo la torre et reuellino, 3 alla porta di S. Theodoro, 3 alla porta di Santo Giorgio, 4 che tiruano dentro la terra. Furno morti alcuni de nostri, che farno de gran terrore alla terra per essere in tal battaglie dissueti.

A di 6 si hebbe parlamento con l'inimici et tregua per tre giorni. Furno mandati 4 ambasciatori per intendere che patti se poteano hauere dal Bassa. Che furno Ser Giulian dal Fiescho, Ser Battista da Ligio, Ser Sisto Centurio, Ser Gregorio Rosso. Che fatti feceno non s'ha potuto intendere, saluo che hanno franchiti loro et sue case et uenduti noi. Ne detteno ad intendere che haueano concluso con il Bassa di darsi saluo lo hauere et le persone, et che tutti quelli che erano maritati et natiui del luogo restesseno caraxati del Signor, et che tutti altri fusseno il liberta di andare o stare con il suo hauere. Et con questo inganno detteno la terra senza conferir con il populo. Et cosi in un istante furno uiste le bandiere turchesche sopra le porte di S. Geogrio et S. Theodoro.

A di 8 Zugno Vallachi, Polloni, Rossi, Zorziani, Zichi et ogn'altro christiano eccetto Latini parte furno uenduti, et parte messi in catena.

A di 9–10–11 il Bassa mando il suo scriuano con li 4 li haueano dato la terra con adiunta de Ser Aluise di Gaspari ad esaminare et scriuere le conditioni de tutti,

¹² В левом верхнем углу «Presa di Cafa 1475. Presa di Modo[ne] 1499».

cosi de Franchi, come Hermeni, Greci et Judei. Et cosi scrisse tutte le anime, domandando esquisitamente tutti de che loco erano, de che essercitio, se erano maritati et similia, qual cosa messe gia terrore massimo alli soldati et poueri, dubbitando che non li fesse morire, come ha fatto in alcuni luoghi. Et pero ogn'uno se incegnaua farsi mercante per scampare la uita. Uolseno etiam che desseno in nota ori, argenti laorati et gioie, et debitori.

A 12 et 13 fece comandamento pena la testa che se appresentasse figli et figlie, et da 10 anni fin a 20. Trasse cerca 3 mila pueti (sic!) et garzone da 4500. Prese etiam mariti con le moglie et moglie senza mariti, et e contra, secondo la eta et bellezza. Doue ne segui tanti stridi, tanti pianti, che è impossibile da pensare. Uolse etiam schiaui et schiaue, che furno da 3 mila, de quale alcune furno rescattate per dinari.

A 17 fece comandamento che ogni'uno aprisse le sue boteche et di poi, che in termine de 3 di Latini douesseno hauer pagato la mita del suo, secondo haueano dato in nota, in moneta corrente. Siche si uenne a pagare piu de tre quarti per la incomodita del dinaro.

A 8 luglio fu fatto comandamento, che tutti li Latini per tutto quel giorno et mezo l'altro, cosi schiaui et schiaue sue, se douesseno con tutta la loro robba imbarcare sopra quelli nauilij, che li saranno dati. Siche furno di nouo rinouati i pianti. Conuenendo habban donare la robba, le case et la patria, doue poi imbarcati se ne uenessemo a Constantinopoli, qual è apestato.

L'Armata non è ancora tornata da Mar Maggiore per essere accampata ad uno castello fortissimo dela Gotia, doue si troua il Signor dela Gotia con 300 Uallachi et li hanno dato cinque battaglie ordinarie. Non hanno fatto nulla per essere loco fortissimo, al qual andare non si puo, se non per una uia sola, et ditto castello è nomato Rodaro (sic!).

Перевод

Взятие Кафы, подробность 1475 года, 8 июня¹³.

Около 13 февраля 1475 года отправился один турецкий посол из Кафы, кто под предлогом справиться о некоторых молодых рабах, бежавших из Трапезунда, вел перед этим [отправлением] переговоры с Эминекком, капитаном тартарского императора Кампаны¹⁴, врагом кафаротов¹⁵, по поводу того, чтобы взять Кафу. Узнав об этом, генуэзские наместники сделали удачным образом так, чтобы тот Эминек прибыл в город, с намерением отравить его или убить, что они могли легко сделать. Но из-за наличия разногласия между ними, как всегда было присуще изменникам-генуэзцам, они ничего не сделали. Эминек, извещенный одной частью из них, бежал оттуда и удалился. Господин Кампаны¹⁶ каждый день делал набеги вплоть до [городских] ворот с целью нанести им (кафаротам) ущерб и лишить провизии.

¹³ В левом верхнем углу «Взятие Кафы 1475. Взятие Модо[не] 1499». Последнее имело место годом позже и не упоминается в самом тексте.

¹⁴ То есть Крыма. Авторы выражают благодарность Александру Джанову за уточнение значения этого термина.

¹⁵ То есть жителей Каффы.

¹⁶ То есть Эминек.

21 марта было получено известие, что Армата шла к Кафе, и тогда кафароты начали принимать меры, чтобы укрепить город, но все было напрасно, поскольку тартары держали их в осаде так, что мы не могли выйти из ворот. С другой стороны, он (Эминек) предлагал договориться с нами, поскольку ему не хотелось, чтобы тот город попал в руки турок. Ни за что эти изменники-наместники не желали договоренности, будучи разделенными, поскольку одна часть [из них] поддерживала Эминек, а другая – другого тартарского капитана по имени Шейдак¹⁷. Но они были настолько одержимы дьяволом, что даже при виде приближающейся Арматы все еще никак не было способа договориться.

В последний день мая прибыла Армата в 10 часов вечера к Ротфании (sic!)¹⁸, в семи милях от Кафы, где турки стали вести переговоры с тартарами, без которых никак нельзя было завладеть Кафой.

В первый день июня они спустили трап на берег у Святой Марии середины августа¹⁹ и высадили тысячу коней, на которых окружили весь город и скакали до самых ворот. Была названная Армата из 350 парусных судов: 208 тонких²⁰ галер, 4 крупных галеасов; остаток – паландры²¹ и фусты²².

На второй день июня они выгрузили 14 крупных артиллерийских орудий, и четыре из них они поставили у [ворот] Кайадор, между²³ башней и рavelином, три – у ворот Сан Теодоро, три – у ворот Сан Джорджо, четыре – стрелявшие вовнутрь города. Были некоторые погибшие из наших, и они навели большой страх на город, поскольку [его жители] были непривычны к таким сражениям.

На шестой день [июня] имели место переговоры с врагами и перемирие на три дня. Были направлены четыре посла, чтобы выяснить, какие соглашения можно было иметь от паши. Ими (послами) были: сэр Джулиан дал Фьеско, сэр Баттиста да Лиджо²⁴, сэр Систо Чентурио²⁵, сэр Грегорио Россо. Что они сделали, нельзя было узнать, за исключением того, что они заручились своей свободой и для своих домов, и продали нас. Они дали понять, что договорились с пашой, чтобы он оставил целыми имущество и людей, и что все те, кто были женатыми²⁶ и местными уроженцами, продолжили платить налоги господину [Кампаны], и что все другие были бы вольны уйти или остаться со своим имуществом. И этим обманом они сдали город, не советуясь с народом. И так в один миг появились турецкие флаги над воротами Сан Георгио и Сан Теодоро.

¹⁷ «Сайтек» (Saytech) в манускрипте.

¹⁸ «Посидимия» (Posidimia) у Винья [36, р. 241] и «Посидиния» у Канале [38, III, р. 348], совр. Коктебель.

¹⁹ У церкви Успения Богородицы в пригороде Кафы.

²⁰ То есть полностью оснащенных, как у Винья (chonpiute) [36, р. 242] и у Канале (compiute) [38, III, р. 349].

²¹ Крупные каботажные судна с плоским дном.

²² Легкие галеры.

²³ Точнее, напротив (per contra/controllo), как у Винья и у Канале [36, р. 242; 38, III, р. 349].

²⁴ «Баттиста д'Аллегро» (Battista d'Allegro) у Винья и Канале [36, р. 242; 38, III, р. 349].

²⁵ «Сусто Чентуриони» (Susto Centurioni) у Винья [36, р. 242] и «Систо Чентуриони» (Sisto Centurioni) у Канале [38, III, р. 349].

²⁶ На местных уроженках.

8 июня валахи, поляки, россы, грузины, зики и все другие христиане, за исключением латинян, были частью проданы и частью закованы в цепи.

9, 10 и 11 июня паша направил своего писца с теми четырьмя, которые сдали ему город, в придачу с сэром Алуизе ди Гаспари, чтобы выяснить и записать положение всех, как франков, так и армян, греков и иудеев. И так он (писец) записал все души, подробно расспрашивая всех, из какого места были, чем занимались, были ли женаты и тому подобное; что уже вселило величайший страх в солдат и бедных, опасавшихся, как бы он (паша) их не умертвил, как он делал в некоторых местах. И каждый изощрялся выдать себя за купца, чтобы спасти жизнь. Они (генуэзские наместники) хотели также, чтобы те заявляли для записи [сколько имеют] золота, обработанного серебра, драгоценностей и должников.

12 и 13 [июня] он приказал под страхом смерти, чтобы были представлены сыновья и дочери, и от 10 до 20 лет. Он извлек около трех тысяч мальчиков, а девочек – до четырех с половиной тысяч. Он также брал мужей вместе с женами и жен без мужей, и наоборот, согласно [их] возрасту и красоте. Отчего там последовали такие вопли, такие рыдания, что невозможно и помыслить. Он также хотел рабов и рабынь, которых было три тысячи, из кого некоторые рабыни были выкуплены за деньги.

17 [июня] он приказал, чтобы все открыли свои лавки, и потом, что в срок в три дня латиняне должны были выплатить половину из своего имущества, согласно тому, сколько они заявили для записи, в ходячей монете. Таким образом, нужно было платить три четверти из-за нехватки денег²⁷.

8 июля было сделано повеление, чтобы все латиняне за весь этот день и половину следующего, как и их рабы и рабыни, должны были со всеми своими вещами погрузиться на те корабли, которые им были предоставлены. Поэтому снова возобновились рыдания. Собравшись [на берегу], они должны были отдать вещи²⁸, дома и отчизну. Оттуда, погрузившись на корабли, мы направились в Константинополь, который заражен чумой.

Армата еще не вернулась из Черного моря, разбив лагерь рядом с одной чрезвычайно укрепленной крепостью Готии, где находится господин Готии с тремястами валахами. И там они дали пять планомерных сражений, [но] ничего не добились, поскольку это место является чрезвычайно укрепленным, к которому нельзя подойти, кроме как только по одному пути. И названная крепость зовется Феодоро.

Благодарности

Пользуюсь случаем выразить мою искреннюю благодарность монсьёру Франческо Браски за оказание помощи во время работы над кодексом Пинелли в Амброзианской библиотеке и за предоставление фотокопий, значительно облегчивших издание текста – *Р.Х.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.А.* Взаимоотношения Крыма с Северо-западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэз-

²⁷ То есть из-за дефицита наличных монет.

²⁸ Которые они не могли взять с собой.

ской крепости Чембало // Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 9–15.

2. Алексеенко Н.А., Дергачева Л.В., Цепков Ю.А. Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса: Stratum, 2014. № 6. С. 347–353.

3. Броневский М. Описание Крыма / Пер. с лат. И.Г. Шершеневича, прим. Н.Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории древностей. Одесса: Одесское общество истории и древностей, 1867. Т. 6. С. 333–366.

4. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: типография императорской Академии Наук, 1863. Ч. 1. 581 с.

5. Галенко О. Тудун // Східний Світ. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2000. № 1–2. С. 183–195.

6. Гулевич В.П. Загадковый правитель Крымского ханства Джанибек Султан (1476–1477 гг.) // Український історичний журнал. К.: Інститут історії України НАН України, 2017. № 1. С. 4–11.

7. Гулевич В.П. Малоизвестный крымский хан Джанибек (1476–1477 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. № 10. С. 315–320.

8. Гюзелев В. Венециански документи за историята на България и българите от XII–XV в. София: Главно управление на архивите при Министерския съвет, 2001. 351 с.

9. Дергачева Л. Клад молдавских монет XV в., найденный в окрестностях Симферополя // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса: Stratum, 2012. № 6. С. 199–221.

10. Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика: сборник работ и материалов. Киев, Судак, СПб.: «Академперіодика», 2006. С. 322–357.

11. Зайцев И.В. Рес.: В.Л. Руев. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антикава, 2014. 308 с., ил. // Восток (Orient). М.: Институт востоковедения РАН, 2016. № 2. С. 200–206.

12. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. Т. 5. С. 3–39.

13. Колли Л. Исторические документы о падении Кафы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Таврическая ученая архивная комиссия, 1911. Год 25. № 45. С. 1–24.

14. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. С. 188–235.

15. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1: Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева; редактор текстов на арабице М.Р. Исмагилова; ответственные редакторы Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.

16. Лаишков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Таврическая ученая архивная комиссия, 1895. Год 9. № 23. С. 118–128.

17. Майко В.В. Молдавские монеты XV в. в средневековой Сугдее // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 97–98.

18. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

19. Мыц В.Л. Армянская община Каффы в войне с турками-османами 1475 г. // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса: Stratum, 2014. № 6. С. 149–161.

20. *Орешикова С.Ф.* «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // *Восток (Oriens)*. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. № 3. С. 18–35.
21. *Пейссонель К.-Ш. де.* Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой. Вступ. ст. и ком. В.В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев, 2013. 110 с.
22. Письмо настоятеля церкви в Alba-Iulia Доминика, с донесением в 1475 году, что Кафа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валахский принесли присягу на верность королю венгерскому / Сообщил В. Юргевич // *Записки Одесского общества истории древностей*. Одесса: Одесское общество истории и древностей, 1894. Т. 17. Отд. 4. С. 1–2.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Эдуарца Праца, 1859. 312 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Партиаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 272 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. Петроград: 2-я Гос. типография, 1921. 272 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. 235 с.
27. *Руев Л.В.* Захват Солдаи турками // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2013. Том 26 (65). № 2. С. 143–151.
28. *Руев В.Л.* Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
29. *Русев Н.Д., Мельников О.Н.* Тайна «каратов замка Илличе» // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса: Stratum, 2003–2004. № 6. С. 479–494.
30. *Русев Н.Д.* Молдавские средневековые монеты в Нижнем Поднепровье // *Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др.* Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 324–330.
31. Русская историческая библиотека. Т. 27: Литовская метрика. Ч. 1: Книги записей. СПб.: Археографическая комиссия, 1910. Т. 1. ix + 38 + 871 + 150 + ii + 10 + ii с.
32. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Ч. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. xii + 558 с.
33. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб.: В университетской типографии в Казани, 1887. vi + xxxvi + 774 с.
34. Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului / Nicolai Iorga și publicate cu sprijinul Ministeriului de instrucție publică. Vol. III. București: Imprimeria statului, 1897. 107 p.
35. Atti della Società ligure di storia patria. Vol. VI: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) / Vigna A. (ed.). Genova: Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1868. xv + 979 p.
36. Atti della Società ligure di storia patria. Vol. VII: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) / Vigna A. (ed.). Genova: Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1879. Parte 2. 1014 p.
37. *Babinger F.* Die Aufzeichnungen des Genuesen Iacopo de Promontorio – de Campis über den Osmanenstaat um 1475. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1957. 95 p.

38. *Canale M.G.* Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dì nostri: commentari storici. 3 Vols. Genova: Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1856.

39. *Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. III: 1392–1501 / Coll. opera A. Lewicki // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14.* Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1894. lxxxii + 666 p.

40. *Dei B.* Della Decima e delle altre gravezze della moneta, e della mercatura de' Fiorentini fino a secolo XVI. Parte terza: De' mercatura de' Fiorentini. Lisbona, Lucca: Giuseppe Bouchard librajo in Firenze editore, 1765. vi + 355 p.

41. *Donado da Lezze (Giovanni Maria Angiolello).* Historia Turchesca (1300–1514) / Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. București: Edițiunea Academiei Romane, 1909. lx + 304 p.

42. *Guistiniani A.* Annali della Repubblica di Genova. Genova: Presso il libraio Canepa (Sotto i Portici dell'Accademia), 1854. Volume secondo. Libro quarto-sesto. 767 p.

43. *Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. V. Ks. XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego.* Kraków: "Czas" W. Kirchmayera, 1870. 662 + xxiv p.

44. *Kévonian K., Cazacu M.* La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents // *Cahiers du monde russe et soviétique.* Paris: École pratique des hautes études, 1976. Vol. 17. № 4. Octobre–Décembre. P. 495–538.

45. *Le Khanat de Crimeé dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Ed. A. Bennigsen, P.N. Boratov, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quelquejay.* Paris, Den Haag: École des hautes études et sciences sociales; Mouton, 1978. 458 p.

46. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera. T. IV. Magyar diplomacziak emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Második kötet / Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert.* Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. xxi + 448 p.

47. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera. T. VI: Magyar diplomacziak emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Negyedik kötet / Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert.* Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. xxvi + 434 p.

48. *Neri A.* Lettera di Laudivio da Vezzano sulla caduta di Caffa: Nota bibliografica delle sue opere e correzioni intorno al suo cognome // *Giornale Ligustico di archeologia, storia e belle arti.* Genova: Tipografia del R. Istituto Sordo Muti, 1875. Anno II. P. 137–153.

49. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I / Publiés par N. Jorga.* Paris: Ernest Leroux, 1899. 581 p.

50. *Özyetgin A.M.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi. Ankara: Alış Ofset Matbaacılık Sanayi Ticaret, 1996. 297 p.

51. *Revelli P.* I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo. Milano: Luigi Alfieri, 1929. 196 p.

52. *Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492. Warszawa: Instytut Historii PAN, Polskie Towarzystwo Historyczne; Wydawnictwo Neriton, 2014. 422 p.

53. *Sacy M.S. de.* Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques.* Paris: Imprimerie royale, 1827. T. 11. Pars I. P. 1–96.

Сведения об авторах: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Поступила 20.08.2018 Принята к публикации 9.11.2018
Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Vzaimootnosheniya Kryma s Severo-zapadnym Prichernomor'em v XV v. po numizmaticheskim dannym: moldavskie monety na territorii genuezskoy kreposti Chembalo [Mutual Relations of the Crimea with the North-Western Black Sea Coast in the 15th century according to Numismatic Data: Moldavian Coins on the Territory of the Genoese Fortress Cembalo]. *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea Coast]. Vypusk VIII. Pod red. I.V. Nemchenko i dr. Odessa, FLP "Fridman A.S.", 2008, pp. 9–15. (In Russian)
2. Alekseenko N.A., Dergacheva L.V., Tsepkov Yu.A. Novye nakhodki moldavskikh monet v yugo-zapadnom Krymu [New Findings of Moldavian Coins in the South-Western Crimea]. *Stratum plus*. St. Petersburg–Chisinau–Odessa, Stratum, 2014, no. 6, pp. 347–353. (In Russian)
3. Broniowski M. Opisanie Kryma [Description of the Crimea]. Per. s lat. I.G. Shershenevicha, prim. N.N. Murzakevicha. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostey* [Notes of the Odessa Society of the History of Antiquities]. Odessa, Odessa Society of the History of Antiquities, 1867, vol. 6, pp. 333–366. (In Russian)
4. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [A Study of the Kasimov's Tsars and Princes]. St. Petersburg, tipografiya imperatorskoy Akademii Nauk, 1863, part 1. 581 p. (In Russian)
5. Galenko O. Tudun [Tudun]. *Skhidniy Svit* [The World of the Orient]. Kyiv, A.Yu. Krimsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2000, nos. 1–2, pp. 183–195. (In Ukrainian)
6. Gulevich V.P. Zagadkoviy pravitel' Krims'kogo khanstva Dzhanibek Sultan (1476–1477 rr.) [Janibek Sultan: A Mysterious Ruler of the Crimean Khanate (1476–1477)]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. Kyiv, Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2017, no. 1, pp. 4–11. (In Ukrainian)
7. Gulevich V.P. Maloizvestnyy krymskiy khan Dzhanibek (1476–1477 gg.) [The Little-Known Crimean Khan Djanibek (1476–1477)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017, no. 10, pp. 315–320. (In Russian)
8. Gyuzelev V. *Venetsianski dokumenti za istoriyata na B"lgariya i b"lgarite ot XII–XV v.* [Venetian Documents on the History of Bulgaria and Bulgarians from the 12th to the

15th century]. Sofia, General Department of Archives at the Council of Ministers, 2001. 351 p. (In Bulgarian)

9. Dergacheva L. Klad moldavskikh monet XV v., naydenny v okrestnostyakh Simferopolya [The Hoard of Moldavian Coins of the 15th century Found in the Vicinity of Simferopol]. *Stratum plus*. St. Petersburg–Chisinau–Odessa, Stratum, 2012, no. 6, pp. 199–221. (In Russian)

10. Dzhanov A.V. Sudakskaya krepost'. Dvesti let issledovaniy [The Sudak Fortress. Two Hundred Years of Research]. In: Skrzhinskaya E.Ch. *Sudakskaya krepost'. Istoriya – arheologiya – epigrafika: sbornik rabot i materialov* [The Sudak Fortress. History – Archaeology – Epigraphy: A Collection of Works and Materials]. Kyiv, Sudak, St. Petersburg, “Akadempriodika”, 2006, pp. 322–357. (In Russian)

11. Zaytsev I.V. Rec.: V.L. Ruev. Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu. Simferopol': Antikva, 2014. 308 s., il. [Review of the Book: “V.L. Ruev. Turkish Invasion of the Crimea in 1475. Simferopol': Antiqua, 2014. 308 p., ill.”]. *Vostok (Oriens)*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016, no. 2, pp. 200–206. (In Russian)

12. Zimin A.A. Kratkie letopistsy XV–XVI vv. [Brief Chroniclers of the 15th–16th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. Moscow–Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, vol. 5, pp. 3–39. (In Russian)

13. Kolli L. Istoricheskie dokumenty o padenii Kafy [Historical Documents on the Fall of Caffa]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission]. Simferopol, Tauride Academic Archival Commission, 1911, an. 25, no. 45, pp. 1–24. (In Russian)

14. Contarini A. Puteshestvie v Persiyu [The Travel to Persia]. *Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia: On the History of Italian-Russian Relations in the 15th century]. Per. E.Ch. Skrzhinskoy. Moscow, Nauka, 1971. (In Russian)

15. Kurat A.N. *Sobranie sochineniy*. Kniga 1: *Yarlyki i bitiki khanov Zolotoy Ordy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeya dvortsa Topkapy* [Collected Works. Book 1: Yarliks and Bitiks of the Khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the Archive of the Topkapi Palace Museum]. Perevod s turetskogo yazyka R.R. Galeeva; redaktor tekstov na arabitse M.R. Ismagilova; otvetstvennye redaktory L.I. Shakhin, I.M. Mirgaleev. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 256 p. (In Russian)

16. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya. Otdel vtoroy: Dokumenty beev [Collection of Documents on the History of the Crimean Tatar Landownership. Section Two: Documents of Beys]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission]. Simferopol, Tauride Academic Archival Commission, 1895, an. 9, no. 23, pp. 118–128. (In Russian)

17. Mayko V.V. Moldavskie monety XV v. v srednevekovoy Sugdee [Moldavian Coins of the 15th century in the Medieval Sugdeya]. *Pyatnadsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the Fifteenth All-Russian Numismatic Conference]. Moscow, Numismatic literature, 2009, pp. 97–98. (In Russian)

18. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty* [Caffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and Conflicts]. Simferopol, Universum, 2009. 528 p. (In Russian)

19. Myts V.L. Armyanskaya obshchina Kaffy v voyne s turkami-osmanami 1475 g. [The Armenian Community of Caffa during the War against the Ottoman Turks in 1475]. *Stratum plus*. St. Petersburg–Chisinau–Odessa, Stratum, 2014, no. 6, pp. 149–161. (In Russian)

20. Oreshkova S.F. «Turetskoe ozero»: Chernoe more v XV–XVII vv. [The “Turkish Lake”: Black Sea in the 15th–17th centuries]. *Vostok (Oriens)*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2005, no. 3, pp. 18–35. (In Russian)

21. Peyssonnel C.-Ch. de. *Zapiska o Maloy Tartarii* [A Note on the Tartaria Minor]. Per. s fr. V.Kh. Lotoshnikovoy. Vstup. st. i kom. V.V. Gribovskogo. Izd. 2-e: ispr. i dop. Kyiv, 2013. (In Russian)

22. Pis'mo nastoyatelya tserkvi v Alba-Iulia Dominika, s doneseniem v 1475 godu, chto Kafa vzyata turkami i voevody Stefan Moldavskiy i Bozhorad Valakhskiy prinesli prisyagu na vernost' korolyu vengerskomu [Letter from Domenic, the Prior of the Church in Alba-Iulia, with the Report in 1475 about That Caffa Was Taken by the Turks and the Voevoda Stefan of Moldavia and Bojorad of Valakhia Swore Allegiances to the King of Hungary]. Soobshchil V. Yurjevich. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostey* [Notes of the Odessa Society of the History of Antiquities]. Odessa, Odessa Society of the History of Antiquities, 1894, vol. 17, section 4, pp. 1–2. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 8: *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 8: The Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. St. Petersburg, Printing house of Eduard Prac, 1859. 312 p. (In Old Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 12: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Partiarshuyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 12: The Chronicle Collection Named Patriarchal or Nikonovskaya Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1901. 272 p. (In Old Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 24: *Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24: The Tipografskaya Chronicle]. Petrograd, Second state printing house, 1921. 272 p. (In Old Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 32: *Khroniki: Litovskaya i Zhmoyskaya, i Bykhovtsa. Letopisi: Barkulabovskaya, Averki i Pantsyrnogo* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 32: The Lithuanian, Zhmoitskaya, and Bykhovets Chronicles. Chronicles: Barkulabovskaya, of Averka and Pancyrnyj]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 235 p. (In Old Russian)

27. Ruev L.V. Zakhvat Soldayi turkami [The Capture of Soldaia by the Turks]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Tauride National University. Series “Historical Studies”]. Simferopol, V.I. Vernadsky Tauride National University, 2013, vol. 26 (65), no. 2, pp. 143–151. (In Russian)

28. Ruev V.L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu* [Turkish Invasion of the Crimea in 1475]. Simferopol, Antiqua, 2014. 308 p. (In Russian)

29. Russev N.D., Mel'nikov O.N. Tayna «karatov zamka Illiche» [The Secret of the “Carats of the Illice Castle”]. *Stratum plus*. St. Petersburg–Chisinau–Odessa, Stratum, 2003–2004, no. 6, pp. 479–494. (In Russian)

30. Russev N.D. Moldavskie srednevekovye monety v Nizhnem Podneprov'e [Moldavian Medieval Coins in the Lower Dnieper Region]. *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea Coast]. Vypusk VIII. Pod red. I.V. Nemchenko i dr. Odessa, FLP “Fridman A.S.”, 2008, pp. 324–330. (In Russian)

31. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. T. 27: *Litovskaya metrika*. Ch. 1: *Knigi zapisey* [Russian Historical Library. Vol. 27: The Lithuanian Metrica. Part 1: Books of Records]. St. Petersburg, Archaeographic Commission, 1910, vol. 1. ix + 38 + 871 + 150 + ii + 10 + ii p. (In Old Russian)

32. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. T. 41: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu ordami i s Turtsiey*. Ch. 1: *S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41: Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey. Part 1: From 1474 to 1505, the Era of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. St. Petersburg, Printing house of F. Eleonsky and C°, 1884. xii + 558 p. (In Old Russian)

33. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte until to the beginning of the 18th century]. St. Petersburg, University printing house of Kazan, 1887. vi + xxxvi + 774 p. (In Russian)

34. *Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului*. Nicolai Iorga și publicate cu sprijinul Ministeriului de instrucție publică. Vol. III. București, Imprimeria statului, 1897. 107 p. (In Romanian, Latin)

35. *Atti della Società ligure di storia patria*. Vol. VI: *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV)*. Vigna A. (ed.). Genova, Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1868. xv + 979 p. (In Italian, Latin)

36. *Atti della Società ligure di storia patria*. Vol. VII: *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV)*. Vigna A. (ed.). Genova, Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1879, parte 2. 1014 p. (In Italian, Latin)

37. Babinger F. *Die Aufzeichnungen des Genuesen Iacopo de Promontorio – de Campis über den Osmanenstaat um 1475*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1957. 95 p. (In German, Latin)

38. Canale M.G. *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dì nostri: commentari storici*. 3 Vols. Genova, Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1856. (In Italian, Latin)

39. *Codex epistolaris seculi decimi quinti*. T. III: *1392–1501*. Coll. opera A. Lewicki. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14. Kraków, Nakładem Akademii umiejętności, 1894. (In Latin)

40. Dei B. *Della Decima e delle altre gravezze della moneta, e della mercatura de' Fiorentini fino a secolo XVI*. Parte terza: *De' mercatura de' Fiorentini*. Lisbona–Lucca, Giuseppe Bouchard librajo in Firenze editore, 1765. (In Italian)

41. Donado da Lezze (Giovanni Maria Angiolello). *Historia Turchesca (1300–1514)*. Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. București, Edițiunea Academiei Romane, 1909. lx + 304 p. (In Italian)

42. Guistiniani A. *Annali della Repubblica di Genova*. Genova, Presso il libraio Canepa (Sotto i Portici dell'Accademia), 1854, volume secondo, libro quarto-sesto. (In Italian)

43. *Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. T. V. Ks. XII. Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, "Czas" W. Kirchmayera, 1870. (In Polish)

44. Kévonian K., Cazacu M. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Paris, École pratique des hautes études, 1976, vol. 17, no. 4, Octobre–Décembre, pp. 495–538. (In French)

45. *Le Khanat de Crimeé dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*. Ed. A. Bennigsen, P.N. Boratov, D. Desaiwe, Ch. Lemerrier-Quelquejay. Paris, Den Haag, École des hautes études et sciences sociales; Mouton, 1978. 458 p. (In French)

46. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera*. T. IV. *Magyar diplomacziak emlékek Mátyás király korából 1458–1490*. Második kötet. Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest, Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. xxi + 448 p. (In Hungarian, Latin)

47. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera*. T. VI: *Magyar diplomacziak emlékek Mátyás király korából 1458–1490*. Negyedik kötet. Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest, Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. xxvi + 434 p. (In Hungarian, Latin)

48. Neri A. Lettera di Laudivio da Vezzano sulla caduta di Caffa: Nota bibliografica delle sue opere e correzioni intorno al suo cognome. *Giornale Ligustico di archeologia, storia e belle arti*. Genova, Tipografia del R. Istituto Sordo Muti, 1875, an. II, pp. 137–153. (In Italian)

49. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. T. I. Publiés par N. Jorga. Paris, Ernest Leroux, 1899. 581 p. (In French, Latin)

50. Özyetgin A.M. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi*. Ankara, Alış Ofset Matbaacılık Sanayi Ticaret, 1996. 297 p. (In Turkish)

51. Revelli P. *I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo*. Milano, Luigi Alfieri, 1929. 196 p. (In Italian)

52. Rutkowska G. *Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492*. Warszawa, Instytut Historii PAN, Polskie Towarzystwo Historyczne; Wydawnictwo Neriton, 2014. 422 p. (In Polish)

53. Sacy M.S. de. *Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques*. Paris, Imprimerie royale, 1827, t. 11, pars I, pp. 1–96. (In French)

Acknowledgements

I take this opportunity to express my sincere gratitude to Monsignor Francesco Braschi for assisting in the work on the Codex of Pinelli in the Biblioteca Ambrosiana, as well as for the provision of photocopies, which greatly facilitated publication of the text – *R.H.*

About the authors: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, University of Oulu, Oulu 90570, Finland), E-mail: romanhautala@gmail.com

Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kiev 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

*Received August 20, 2018 Accepted for publication November 9, 2018
Published December 29, 2018*

ХРОНИКА

УДК 061.3

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.855-860

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 200-ЛЕТИЮ Ш. МАРДЖАНИ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖУРНАЛА «ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusia@mail.ru*

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося татарского ученого и просветителя Шигабутдина Марджани. Указом президента Республики Татарстан Рустама Минниханова 2018-й объявлен в республике годом Марджани. И в честь просветителя в течение года выпускались книги, проводились научные форумы, круглые столы, выставки, лекции и открытые уроки.

В череде мероприятий, приуроченных к году Марджани в Татарстане, важное место занимает Международная научная конференция «Научное наследие и общественная деятельность Ш.Марджани» (20–21 сентября 2018 г.) и выставка «Шигабутдин Марджани. Татарский характер». Организатором конференции и выставки выступил Институт истории им. Марджани АН РТ при поддержке Министерства образования и науки Республики Татарстан и Академии наук Республики Татарстан.

В конференции принимали участие как отечественные историки-исследователи, так и видные зарубежные деятели. Всего в рамках программы мероприятия были организованы четыре тематические секции и круглый стол, посвященный истории татар за рубежом.

Выставка прошла в выставочном зале «Манеж». Помимо рукописей и печатных изданий на выставке была представлена галерея портретов Марджани и каллиграфические работы, посвященные великому татарскому богослову.

Также нельзя не отметить визит делегации общественно-политических деятелей и ученых Татарстана в Узбекистан для участия в мероприятиях, посвященных 200-летию со дня рождения Ш. Марджани (15–19 октября 2018 г.). В Ташкенте состоялась встреча с руководством и сотрудниками Института востоковедения им. Абу Рейхана Бируни. Отдельно была проведена презентация научных изданий Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и научного журнала «Золотоордынское обозрение».

21 ноября 2018 г. в Казани на берегу озера Кабан прошло торжественное открытие памятника Шигабутдину Марджани.

29 ноября 2018 г. состоялся визит делегации из Казани в Финляндию, г. Хельсинки, для участия в конференции, посвященной 200-летию ученого.

Ключевые слова: 200 лет со дня рождения Ш.Марджани, конференция, круглый стол, выставка, научные мероприятия

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Научные мероприятия, посвященные 200-летию Ш. Марджани и презентация журнала «Золотоордынское обозрение» // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 855–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.855-860

**ACADEMIC EVENTS DEDICATED TO THE 200TH ANNIVERSARY
OF SH. MARJANI AND THE PRESENTATION
OF THE “GOLDEN HORDE REVIEW”**

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract: The 200th anniversary of the birth of the outstanding Tatar scholar and enlightener Shigabutdin Marjani was celebrated in 2018. Indeed, it was declared the year of Marjani by the Decree of the President of the Republic of Tatarstan Rustam Minnikhanov. During the past year, books were published while academic forums, round tables, exhibitions, lectures and public educational events were organized in honor of the educator.

The International Research Conference, “The Academic Heritage and Social Activities of Sh. Marjani,” (September 20–21, 2018) and the exhibition, “Shigabutdin Marjani. Tatar Character,” occupied a prominent place among the series of events dedicated to the year of Marjani in Tatarstan. The Marjani Institute of History organized the conference and exhibition with the support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan and the Tatarstan Academy of Sciences.

The conference was attended by both domestic historians and prominent foreign researchers. In total, the program of the event included four thematic sections and a round table on the history of the Tatars abroad.

The exhibition was held in the exhibition hall “Manege.” In addition to manuscripts and prints, the exhibition featured a gallery of portraits of Marjani and calligraphic works dedicated to the great Tatar theologian.

It is necessary to note the visit of the delegation of public and political figures and researchers of Tatarstan to Uzbekistan to participate in events dedicated to the 200th anniversary of the birth of Sh. Marjani (October 15–19, 2018). In Tashkent, a meeting was held with the administration and staff of the Abu Reyhan Biruni Institute of Oriental Studies. A presentation of research publications from the Marjani Institute of History and the academic journal “Golden Horde Review” was also held during the visit.

On November 21, 2018 in Kazan, on the shore of Lake Kaban, the grand unveiling of the Shigabutdin Marjani monument took place.

On November 29, 2018 a delegation from Kazan visited the city of Helsinki in Finland to participate in the conference dedicated to the 200th anniversary of the scholar’s birth.

Keywords: Sh. Marjani commemoration events, 200 years since the birth of Sh. Marjani, conference, round table, exhibition, academic events

For citation: Giniyatullina L.S. Academic Events Dedicated to the 200th Anniversary of Sh. Marjani and the Presentation of the “Golden Horde Review”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 855–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.855-860

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося татарского ученого и просветителя Шигабутдина Марджани (1818–1889). Шигабутдин Марджани занимает особое место в истории татарской общественной мысли и является наиболее яркой фигурой реформаторского движения XIX столетия. Указом президента Республики Татарстан Рустама Минниханова 2018-й объявлен в республике годом Марджани. В рамках юбилейного года, в

честь ученого проводились научные мероприятия: конференции, круглые столы, выставки, лекции и открытые уроки.

Был снят документальный фильм о Ш. Марджани на русском и татарском языках. Режиссеры фильма Айназ Мухаматзянов, Амир Гатауллин, автор сценария и руководитель проекта Нияз Сабиров. В селе Ташкичу Арского района РТ открылся «Музей татарского богослова Шигабутдина Марджани».

Среди мероприятий, приуроченных к году Марджани в Татарстане, особое место занимает Международная научная конференция «Научное наследие и общественная деятельность Ш. Марджани» (20–21 сентября 2018 г.) и выставка «Шигабутдин Марджани. Татарский характер». Организатором конференции и выставки выступил Институт истории им. Марджани АН РТ при поддержке Министерства образования и науки Республики Татарстан и Академии наук Республики Татарстан.

В конференции приняли участие около сотни историков, среди которых представлены как отечественные исследователи из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Кургана, Симферополя, Сургута, Улан-Удэ, Махачкалы, и других городов, так и видные зарубежные историки (Азербайджан, Болгария, Великобритания, Венгрия, Иордания, Казахстан, Сербия, Сирия, США, Турция, Финляндия, Узбекистан и Япония).

В торжественном открытии международной конференции также приняли участие: президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов, действительный член АН РТ, заместитель директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Радик Салихов, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Марат Гибатдинов, генеральный директор исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) профессор Халит Эрен. Профессор Халит Эрен в своей речи затронул важность и актуальность научных трудов Марджани и выразил готовность содействовать в издании семи томов неопубликованного научного произведения ученого – «Вафият аль-аслаф» («Жизнеописание предков»).

С приветственным словом также выступили ректор Болгарской исламской академии Рафик Мухаметшин, заместитель премьер-министра РТ, председатель Национального Совета Всемирного конгресса татар Василь Шайхразиев. С приветствием к участникам конференции также обратился директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова Зиябек Кабульдинов (Казахстан). Первый заместитель председателя ДУМ РФ Дамир Мухетдинов зачитал приветствие главы Совета муфтиев России Рафиля Гайнутдина и передал приветственное слово муфтия Сирии Ахмада Бадруддина Хассуна.

На открытии президент Академии наук РТ Мякзюм Халимуллович вручил директору Института тюркологии и исследований Средней Азии при университете им. Бабеша-Большая (Румыния) Тасину Джемилю удостоверение «Иностранный член АН РТ».

Одним из самых почетных гостей этой конференции стал прямой потомок великого просветителя Марджани Аскар Хуснутдинов.

В рамках программы мероприятия были организованы четыре тематические секции и круглый стол, посвященный истории татар за рубежом. Участникам Международной научно-практической конференции показали документальный фильм о выдающемся ученом-богослове. Фильм был снят в рам-

ках мероприятий, приуроченных к 200-летию со дня рождения великого богослова.

В рамках экскурсионной программы мероприятия гости конференции посетили Казанский Кремль и выставку «Шигабутдин Марджани. Татарский характер». В выставочном зале «Манеж», помимо рукописей и печатных изданий, была представлена галерея портретов Марджани и каллиграфические работы, посвященные великому татарскому богослову.

Немало интересных экспонатов было представлено на выставке «Шигабутдин Марджани и его наследие», которая разместилась в Национальном музее Республики Татарстан. На выставке представлены бюро-секретер и дорожный сундук, книги из библиотеки Ш. Марджани. Фотография Марджани 1874 года и личная печать из горного хрусталя, изготовленная в Стамбуле в 1864–1865 годах – уникальные экспонаты выставки. Шигабутдин Марджани эту печать проставлял на всех своих книгах и документах. Также на выставке показаны предметы быта: настенные часы, диван, стулья и личные вещи. Всего на выставке «Шигабутдин Марджани и его наследие» представлено более 90 экспонатов.

Уникальная выставка-презентация документов «Шигабутдин Марджани и его наследие» была открыта в ГТРК «Корстон» 10 декабря 2018 г. Выставка разделена на 4 блока. Первый блок освещает личную жизнь Марджани. Второй блок посвящен преподавательской деятельности ученого. Третий – охватывает деятельность богослова в статусе муллы и ахуна Соборной каменной мечети. В четвертом блоке представлены документы из фондов Национальной библиотеки Республики Татарстан и Института языка и литературы Академии Наук Республики Татарстан. Также представлены книги и монографии о жизни и деятельности Ш. Марджани. Все экспозиции сопровождаются фотодокументами Старо-татарской слободы. Совместная выставка ведущих научных учреждений Казани, хранящих мемориальные предметы, рукописи и книги, представляет вехи биографии, становление научного и богословского мировоззрения, педагогическую деятельность Ш. Марджани, актуализирует интерес к изучению его наследия и культурным традициям татарского народа.

Также нельзя не отметить визит делегации общественно-политических деятелей и ученых Татарстана в Узбекистан для участия в мероприятиях, посвященных 200-летию со дня рождения Ш. Марджани (15–19 октября 2018 г.). Место проведения выбрано неслучайно, поскольку важная часть биографии Ш. Марджани связана с обучением в знаменитых медресе Бухары и Самарканда.

Программа поездки включала проведение в Бухаре круглого стола, посвященного жизни и творчеству Ш. Марджани. Круглый стол был проведен на факультете истории и культурного наследия Бухарского государственного университета. В работе круглого стола приняли участие вице-премьер правительства РТ, Председатель Национального совета Всемирного конгресса татар В.Г. Шайхразиев, ректор Болгарской исламской академии Р.М. Мухаметшин, вице-президент Академии наук РТ Д.Ф. Загидуллина, сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ Б.Л. Хамидуллин и группа сотрудников Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в составе Р.К. Адыгамова, И.М. Миргалеева, И.Р. Гибадуллина, А.Г. Хайрутдинова,

Э.Г. Сайфетдиновой, Л.С. Гиниятуллиной. Узбекская сторона была представлена коллегами в составе директора научно-исследовательского центра «Наследие Бухары» Р.В. Альмеева, заведующего отделом Института истории АН Республики Узбекистан Р.Р. Назарова и старшего научного сотрудника этого учреждения Р.Н. Шигабдинова. На мероприятии присутствовали активисты бухарского татарского национально-культурного центра.

Гости из Татарстана также посетили памятные места, связанные с пребыванием Ш. Марджани в Бухаре. Была проведена встреча с руководством медресе «Мир-и Араб», в котором обучался Ш. Марджани. В дар учебному заведению были преподнесены научные издания, опубликованные в Татарстане. Для гостей была проведена экскурсия, включающая в себя посещение усыпальницы основателя медресе «Мир-и Араб» и посещение древнего медресе «Чор-Минор», также связанного с именем Ш. Марджани.

В Ташкенте состоялась встреча с руководством и сотрудниками Института востоковедения им. Абу Рейхана Бируни – Н.И. Жабборовым и С.А. Мухаммадаминовым. На встрече были затронуты вопросы о взаимном сотрудничестве, достигнуты договоренности о передаче или обмене ряда арабских, персидских и тюрко-татарских средневековых рукописей, касающихся истории Золотой Орды и татарских ханств. Так же была проведена презентация научных изданий Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и научного журнала «Золотоордынское обозрение».

Главный редактор журнала И.М. Миргалеев рассказал о деятельности редакционной коллегии и перспективах развития журнала. Л.С. Гиниятуллина ознакомилась с правилами публикации и оформления рукописей. В дар были вручены несколько экземпляров журнала «Золотоордынское обозрение» [2] и богословский труд золотоордынского периода Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» [1]. После этого состоялась встреча с директором Института истории Академии наук Республики Узбекистан Р.М. Абдуллаевым, заместителем директора Института Ш.Б. Мухаммедовым и с.н.с. Р.Н. Шигабдиновым. Руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории АН РТ И.М. Миргалеев рассказал о научных достижениях Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, о научной деятельности Центра, о планах и перспективах развития взаимовыгодного сотрудничества между двумя научными институтами.

Одним из итоговых мероприятий года Марджани стало торжественное открытие памятника Шигабутдину Марджани в Казани на берегу озера Кабан, которое прошло 21 ноября 2018 г. Памятник Шигабутдину Марджани выполнен по образцу гипсового бюста, который в свое время создал татарский художник Баки Урманче. Оригинал хранится в музее живописца, а скульптуру из мрамора по этому образцу создал художник Рамин Нафиков. Место для памятника выбрано вполне удачное, учитывая, что на другой стороне улицы находится мечеть «Аль Марджани» и Старо-татарская слобода. На открытие памятника приехали президент Татарстана Рустам Минниханов, первый президент Татарстана, ныне государственный советник Минтимер Шаймиев и многочисленные гости Республики.

29 ноября 2018 г. состоялся визит делегации ученых Татарстана в Финляндию, в г. Хельсинки для участия в конференции, посвященной 200-летию Ш. Марджани. С научным докладом «Жизнь и научная деятельность» высту-

пил руководитель Центра истории и теории национального образования Марат Гибатдинов.

Ш. Марджани занимает уникальное место в культуре татарского народа, он затронул в своем творчестве самый широкий круг вопросов и фактически явился родоначальником многих научных направлений, заложил основы джадидизма – социально-культурного движения, направленного на сочетания традиционного ислама с достижениями мировой культуры и цивилизации. Помимо всего вышесказанного, о значимости Ш. Марджани говорит то, что его именем названы научные учреждения, фонды, премии, улицы, мечети и другие важные объекты культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.

2. Золотоордынское обозрение [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://goldhorde.ru/>

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

*Поступила 20.10.2018 Принята к публикации 11.12.2018
Опубликована 29.12.2018*

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name: Omnibus Edition]. Per. s pers. I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova; obsh. i nauch. red., predislovie, kommentarii I.R. Gibadullin. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 1044 p. (In Russian)

2. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. Available at: <http://goldhorde.ru/>

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

*Received October 20, 2018 Accepted for publication December 11, 2018
Published December 29, 2018*

УДК 061.3

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.861-864

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ АБД АЛЬ-ГАФФАРА КЫРЫМИ
(ПГТ. ФОРΟΣ, РЕСПУБЛИКА КРЫМ, 29 СЕНТЯБРЯ 2018 Г.)**

М.С. Гатин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
marat_gata@mail.ru*

29 сентября 2018 г. в Крыму в пгт. Форос прошла I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар». Мероприятие было посвящено памяти историка Абд аль-Гаффара Кырыми.

Конференция была организована Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымским инженерно-педагогическим университетом и Институтом истории и международных отношений Южного федерального университета.

В ходе работы конференции состоялась пленарная сессия и три секции: «Источниковедение и историография Крымского ханства», «История и культура крымских татар и других этносов Крыма в древности и средневековье» и «Крымские татары в Новое и Новейшее время». С докладами по истории крымских татар выступило около 50 ученых и исследователей из разных научных центров регионов Российской Федерации: Крыма, Татарстана, Санкт-Петербурга, Ростова, Москвы и других мест. В завершении научно-практической конференции прошло обсуждение плана-проспекта многотомной истории крымских татар. Были представлены ответственные редакторы и члены редакционных коллегий II и III томов, посвященных джучидскому периоду истории Крыма.

Ключевые слова: Всероссийская научно-практическая конференция, история крымских татар, Абд аль-Гаффар Кырыми

Для цитирования: Гатин М.С. I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар», посвященная памяти Абд аль-Гаффара Кырыми (пгт. Форос, Республика Крым, 29 сентября 2018 г.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 861–864. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.861-864

**THE FIRST ALL-RUSSIAN RESEARCH-PRACTICAL CONFERENCE
“ACTUAL ISSUES OF THE HISTORY OF THE CRIMEAN TATARS”,
DEDICATED TO THE MEMORY OF ABD AL-GHAFFAR QİRİMI
(FOROS, REPUBLIC OF CRIMEA, SEPTEMBER 29, 2018)**

M.S. Gatin

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
marat_gata@mail.ru*

Abstract: The First All-Russian Research-Practical Conference “Actual Issues of the History of the Crimean Tatars”, dedicated to the memory of Abd al-Ghaffar Qırımı, was held in Foros in Crimea on September 29, 2018. The event was dedicated to the memory of the historian Abd al-Ghaffar Qırımı.

The conference was organized by the Crimean Research Center of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, the Crimean Engineering and Pedagogical University and the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University.

The plenary session and the three other sections – “Source Study and Historiography of the Crimean Khanate”, “History and Culture of the Crimean Tatars and Other Crimean Ethnic Groups in Antiquity and the Middle Ages” and “Crimean Tatars in the Modern and Contemporary History” – were organized as parts of the conference. About 50 scholars and researchers from various academic centers of the regions of the Russian Federation – Crimea, Tatarstan, St. Petersburg, Rostov, Moscow and other places – made presentations on the history of the Crimean Tatars. The discussion of the plan-prospectus of the multivolume history of the Crimean Tatars was held at the end of the research-practical conference. Responsible editors and members of editorial boards of the second and third volumes devoted to the Jochid period in the history of Crimea were presented to the participants of the conference.

Keywords: All-Russian research-practical conference, history of the Crimean Tatars, Abd al-Ghaffar Qırımı

For citation: Gatin M.S. The First All-Russian Research-Practical Conference “Actual Issues of the History of the Crimean Tatars”, Dedicated to the Memory of Abd al-Ghaffar Qırımı (Foros, Republic of Crimea, September 29, 2018). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 861–864. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.861-864

29 сентября 2018 г. в Крыму в пгт. Форос прошла I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар». Мероприятие было посвящено памяти выдающегося историка Крымского ханства XVIII века Абд аль-Гаффара Кырыми. Организаторами мероприятия выступили Крымский научный центр Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымский инженерно-педагогический университет и Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

В ходе работы конференции состоялась пленарная сессия и три секции. С докладами выступило около 50 ученых и исследователей из разных научных центров регионов Российской Федерации: Крыма, Татарстана, Санкт-Петербурга, Ростова, Москвы и других мест.

С приветственными словами выступили заместитель министра культуры Республики Крым И.А. Заатов; действительный член АН РТ, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш.Марджани Р.Р. Салихов; заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Э.Х. Сейдаметов. На открытии научно-практической конференции были презентованы новые книги Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Пленарное заседание с докладом «Крым в XIII–XV вв. Глобализация и проблема идентификации тюркской культуры» открыл ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровский. Выступление руководителя Центра сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН И.В. Зайцева было посвящено личности Пьера Рюффена (1742–1824) и его бахчисарайскому дневнику. Руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И.М. Миргалеев в своем докладе подчеркнул значимость для тюрко-татарской истории труд Абд аль-Гаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар». Доклад ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ А.А. Непомнящего был посвящен современному состоянию историографии Крыма, проблемам публикаций коллективных монографий по истории и культуре полуострова. Завершило пленарное заседание выступление профессора Института истории и международных отношений Южного федерального университета Д.В. Сеня, посвященный вопросу конфессиональной политике крымских ханов по отношению к кубанским казакам-старообрядцам.

После окончания пленарного заседания конференция продолжила свою работу в секциях. Большинство докладов вызвало вопросы и дискуссии. В секции «Источниковедение и историография Крымского ханства», которую модерировали И.М. Миргалеев и Э.И. Сейдалиев, живое обсуждение вызвали доклады посвященные: источникам золотоордынского и османского периода истории города Мангупа (А.Г. Герцен, В.Е. Науменко); современному состоянию исследований в области литературы Крымского ханства (Н.Р. Абдульваапов); историко-географическому анализу сочинения Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде «История хана Сахиб-Гирея» (М.Е. Шалак); военному делу Крымского ханства (Э.И. Сейдалиев); турецкой историографии Крымского ханства (Ш. Э. Сейт-Маметов).

В работе секции «История и культура крымских татар и других этносов Крыма в древности и средневековье» (модераторы И.В. Зайцев и Д.В. Сень) вызвали интерес доклады: о русских резидентах в Крымском ханстве (Р.Ю. Почекаев); военно-политических планах Российской империи в 1735 г. по отношению к Крымскому ханству (П.А. Аваков); мусульманских эпитафических памятниках XIII–XV вв. Старого Крыма (М.А. Усеинов):

Работа секции «Крымские татары в Новое и Новейшее время» (модераторы И.А. Керимов и Г.Н. Кондратюк) была посвящена вопросам традиционной культуры крымских татар (Н.М. Акчурина-Муфтиева, Л.Р. Габдра-

фикова), мусульманского духовенства (И.К. Загидуллин), печати (И.А. Керимов), советского национально-государственного строительства в Крыму (Г.Н. Кондратюк), демографии (Э.И. Сеитова), учебных заведений (Э.Э. Османов), музеев (У.К. Мусаева), миграции (Э.Х. Сейдаметов) и пр.

Завершением научно-практической конференции стало обсуждение плана-проспекта многотомной истории крымских татар. Были представлены ответственные редакторы и члены редакционных коллегий II и III томов, посвященных джучидскому периоду истории Крыма. В ходе активной и плодотворной дискуссии были выявлены и рассмотрены ряд проблемных аспектов будущих томов, прошло обсуждение кандидатур авторов статей и формулировок разделов по истории Крыма в период существования Золотой Орды и Крымского ханства.

В целом же необходимо отметить, что I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар» была организована на высоком уровне и прошла успешно. Об этом свидетельствуют состав и география участников мероприятия. Выступления ученых и исследователей лишней раз ярко показали необходимость активизации и расширения горизонта штудий по истории и культуре крымских татар.

Сведения об авторе: Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, ул. Пушкина, 1, Казань, Российская Федерация). E-mail: marat_gata@mail.ru

*Поступила 02.10.2018 Принята к публикации 01.12.2018
Опубликована 29.12.2018*

About the author: Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (1, Pushkin Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: marat_gata@mail.ru

*Received October 2, 2018 Accepted for publication December 1, 2018
Published December 29, 2018*

О VI МЕЖДУНАРОДНОМ ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ФОРУМЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 750-ЛЕТИЮ ТАЛАССКОГО КУРУЛТАЯ

Международный золотоордынский форум – это научное мероприятие Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, проводимое раз в два года с участием ведущих мировых специалистов в области изучения средневековой тюрко-татарской истории. Форум уже давно превратился в главную площадку для координации научно-исследовательской работы по данной проблематике.

Центр исследований истории Золотой Орды и татарских ханств является бессменным организатором Форума. Заложенная с первых лет структура научного собрания не раз доказывала свою целесообразность и эффективность. В рамках его программы традиционно предусмотрены конференции, семинары и круглые столы, посвященные отдельным научным дисциплинам: нумизматике, источниковедению, археологии и другим актуальным направлениям.

В то же время рассматриваются и более глобальные темы, такие как изучение цивилизационных особенностей золотоордынской культуры, климатических и эпидемических факторов в евразийских процессах, Шелкового пути, как канала межцивилизационного взаимообмена и т.д.

В апреле 2019 года запланировано проведение очередного – VI форума. Журнал «Золотоордынское обозрение» выступает в качестве соорганизатора данного мероприятия и часть докладов будет опубликована на его страницах.

VI форум будет посвящен курултаяу 1269 года, на котором произошло юридическое оформление распада Монгольской империи, к тому моменту де-факто уже произошедшее. Это знаменательное событие состоялось в Таласской долине, в области Йанги Тараз, на территории современного Кыргызстана. Весной 1269 года (667 г.х.) царевичи Хайду, Барак и Беркечар (выступавший представителем Менгу-Тимура) собрались на курултай и заключили соглашение, по которому каждый из правителей объявлялся самостоятельным. С этого момента Менгу-Тимур принял титул хана, а латинские источники начинают именовать правителей Золотой Орды императорами.

**ON THE SIXTH INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM
DEDICATED TO THE 750TH ANNIVERSARY OF THE TALAS KURULTAY**

International Golden Horde Forum is an academic event of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences held every two years with the participation of leading world experts in the field of medieval studies of the Turkic-Tatar history. The Forum has long become the main platform for the coordination of research work on this issue.

The Center for the Study of the History of the Golden Horde and the Tatar Khanates is the permanent organizer of the Forum. Since the first years, the structure of an academic meeting has repeatedly proved its expediency and effectiveness. Conferences, seminars and round tables dedicated to individual research disciplines – numismatics, source studies, archaeology and other relevant areas – are traditionally organized as part of its program. More global topics are also considered, such as: civilizational features of the Golden Horde culture, climatic and epidemic factors in the Eurasian processes, the Silk Road as a channel of inter-civilization interchange, etc.

The next, the Sixth Forum is scheduled for April 2019. The journal “*Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*” acts as a co-organizer of this event and some of the talks will be published on its pages.

The Sixth Forum will be dedicated to the 1269 kurultai, which legally confirmed the dissolution of the Mongol Empire, which had occurred de facto by that moment. This momentous event took place in the Talas Valley, in the Yangi Taraz region, on the territory of modern Kyrgyzstan. In the spring of 1269 (667 AH), the princes Qaidu, Barak and Berkechar (as a representative of Mengu-Timur) gathered at the kurultai and concluded an agreement according to which each of the rulers was declared independent. From that moment on, Mengu-Timur assumed the title of Khan, and Latin sources began to call the rulers of the Golden Horde emperors.

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Хан Золотой Орды Джанибек.
Фрагмент из Каталонского атласа Абрахама Креска. 1375 г.

On the cover: Khan of the Golden Horde Dzhanibek.
Fragment from the Catalan Atlas of Abraham Cresques. 1375

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2018. Т. 6, № 4
GOLDEN HORDE REVIEW. 2018, vol. 6, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.12.2018 г. Дата выхода в свет 29.12.2018 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>